

10335/

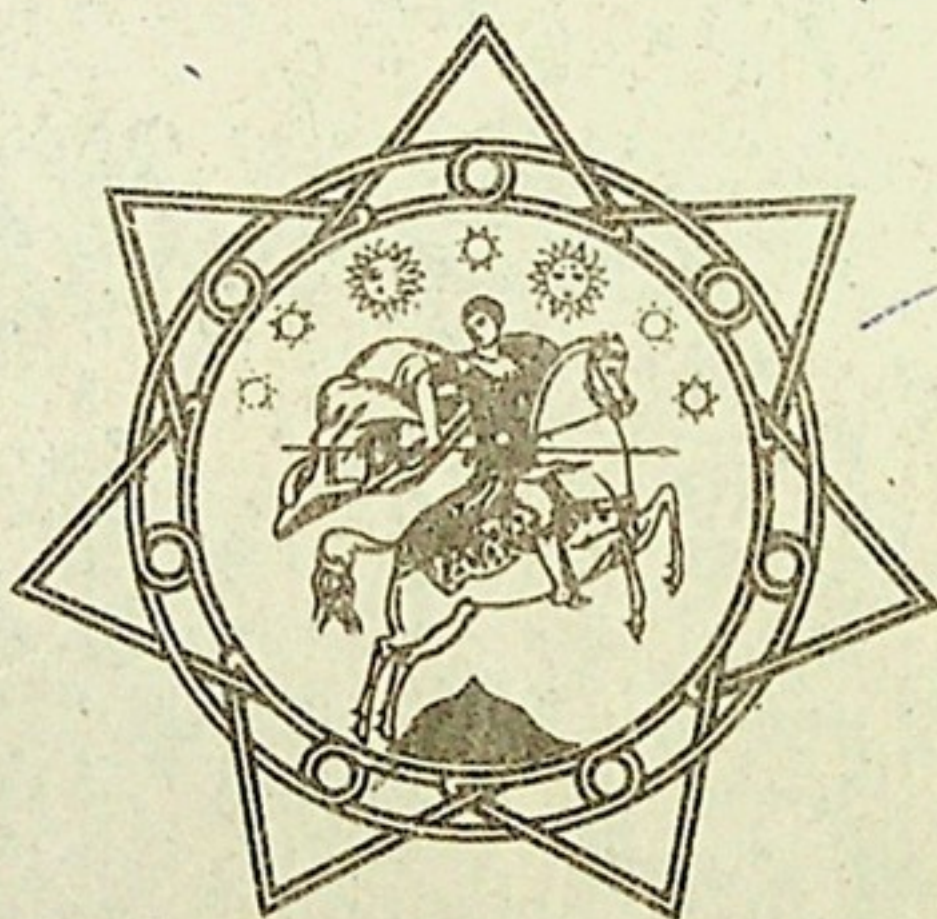
1992/3

ISSN 0130-360

ქართული
ლიტერატურა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1992

9-10

10.333
1992

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1992

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

АННА КАЛАНДАДЗЕ. Стихи. Перевод Владимира Саришвили	3
ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ. Меги. Грузинская девушка. Роман. Перевод с немецкого. Сергея Окропиридзе	5
ГЕНА СТОЙКОВ. Стихи	137
РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Был тем, кем не был я. Перевод Виктории Зининой .	139

ПОЛИТИКА

Выступление Председателя Государственного совета Республики Грузия Эдуарда ШЕВАРДНАДЗЕ на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН	182
---	-----

9-10

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
НОДАР ЛОМОУРИ. Коварная идея . . .

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АННА ФАЛИЛЕЕВА. Под знаком солнца
(заметки о прозе Григола Робакидзе) . . . 197

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

РЭМОН ДЮГЕ. Москва и страстотерпство Гру-
зии. Перевод с французского Мэри Бак-
радзе и Ирины Зурабашвили . . . 202

Политическая хроника 181

Отчизна, небесная сила в тебе

Отчизна, в тебя отовсюду палят,
И справа, и слева, но ты неизменна,
И вечна. И меч над врагом занесен
Священный,
Священный,
Священный!

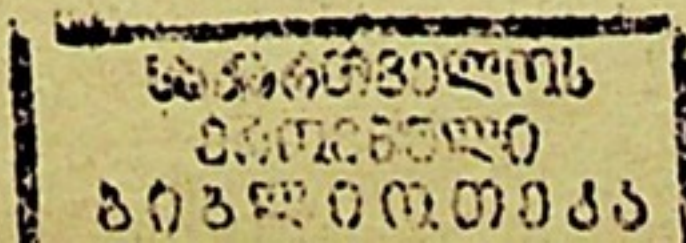
Распята за то, что творила добро,
И грязью облита, но все же нетленна...
И меч твой пылает возмездья огнем
Священным,
Священным,
Священным!

Помилуй нас, грешных, в своей слепоте
Тебя разделить, раскроить возжелавших
И бросивших в бездну... Прости сыновьям
Во имя живущих и в память о павших.

Народ за оружие взялся... Молюсь,
Чтоб корни единства великого крепки.
И слава идущим под пули за то,
Чтоб Грузия снова восстала из пепла!

Отчизна, небесная сила в тебе,
Пред Господом правою и пред Вселенной,
И наше единство, народ мой родной,
Священно,
Священно,
Священно!

1992.

148.874

* * *

Грудь широкая...
Наступи мне на грудь, —
Прошепчу я прохожему.
Враг иль друг —
Сделай милость Давиду, царю, рабу Божьему.
То завет мой —
Изотрите стопами махину надгробную,
Точно грозди...
— Царь великий, ты грешен?
Возможно ль подобное?
Кто достойнее
Крест свой нес,
Чье мощней молодечество?
«От Никопсии до Дартубани...»
Ты раздвинул границы Отечества...
Если это — на все времена —
Лишь великих смирение,
Где же грешным,
Где же грешным надежду искать
Или успокоение?
Свет духовный
Не прольется на них,
Что же им, лишь печалиться?
— Грудь широкая...
Наступи мне на грудь,
Наступи же мне на сердце...

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

МЕГИ. ГРУЗИНСКАЯ ДЕВУШКА

РОМАН

Я родился в октябре. Почти все, сыгравшее для меня и всей моей жизни решающую роль, пришлось на этот месяц. В октябре 1928 года вышел в свет мой роман «Змеиная рубашка» на немецком языке. Это событие имело для меня особо важное значение, ибо книга эта является первым литературным произведением, представляющим европейскому читателю более чем 1500-летнюю грузинскую культуру. Само собой разумеется, что этим я не хочу сказать, будто это единственная книга, достойная быть переведенной на европейский язык. Но то, что это событие произвело на меня глубокое впечатление, надеюсь, будет правильно понято. Издательство выслало мне несколько экземпляров немецкого издания книги, и мне захотелось передать ее моей любимой родине, с которой она кровно связана, которой, собственно, и обязана своим появлением. Мне захотелось самому положить ее в руки моей седой матери, которую я давно не видел. И вот в один прекрасный день я собрался в путь и поехал в свою родную деревню.

Я прошу читателя взять карту Кавказа и отыскать на ней железную дорогу от Тифлиса до Батума. Это был маршрут моего путешествия. После восьмичасовой поездки я прибыл на маленькую станцию Свири. Здесь проходит граница между Верхней и Нижней Имерети. Европейскому читателю мне хотелось бы сказать еще следующее: в грузинском государстве живет несколько родственных племен. Это кахетинцы, карта-

---

Перевод романа выполнен по изданию: Григол Робакидзе. Меги. Грузинская девушка. Роман. Издательство Райнер Вундерлих. Тюбинген, 1932. Издание третье. Печатается с сокращениями.

линцы, имеретинцы, гурийцы, мегрелы, аджарцы, а также горские племена сванов, хевсуров, пшавов и тушин. Все они грузины и говорят на одном и том же грузинском языке, за исключением сванов и мегрелов, говорящих на своих диалектах. Но и эти диалекты тоже являются разновидностями грузинского языка. А литературный и церковный язык сванов и мегрелов тот же, что и у всех грузин.

ПРОЛОГ

Октябрьским вечером мой поезд прибыл на станцию Свири. Пожилой родственник встретил меня, и мы верхом отправились в нашу деревню.

Аромат родной земли пьянил. Воспоминания детства, подобно стаям птиц, закружили в моем сознании и затем медленно исчезли. И вот что удивительно: мне казалось, будто все сколько-нибудь значительные мысли, занимающие меня в зрелую пору, были близки мне уже тогда, когда я ребенком бегал по этой земле. Оглядываясь назад, я воспринимал их как туманные образы, плывшие, словно прозрачные медузы, по безбрежной водной глади детского сознания. Возможно ли, чтобы подобные видения были прообразами доисторического сознания, которые в виде воспоминания несет дитя с собой из темных недр плодотворяющей земли? Я боюсь потревожить то, что таится под туманным покровом Неизведанного.

Был тихий осенний вечер. Я упивался картиной родных полей. Вот уже появилась первая после станции сторожевая будка. Незабываемое переживание связано с ней. Мне тогда исполнилось восемнадцать лет, и я принял решение учиться в Германии. Отец проводил меня, но не дождался прибытия поезда. Он коротко попрощался со мной и ушел. В его словах сквозила печаль, которую он скрывал с большим трудом. Ему было нелегко отправлять единственного сына в неведомые края. Но слез он не проливал. Я, конечно, понимал, что прощание у поезда было бы для него еще более тяжким испытанием. Это пыхтящее чудовище в буквальном смысле слова оторвало бы меня от отца. Отец безгранично любил меня, и я знал это. Но он никогда не обнаруживал своих чувств. Я

стоял смущенный и с грустью смотрел вслед его удаляющейся фигуре. Отец ни разу не оглянулся. Наконец подошел поезд. Я поднялся в вагон и сразу открыл окно. Поезд тронулся. Я прощался с родными полями. А вот и первая железнодорожная будка, недалеко от которой, в двух-трех шагах от полотна дороги, я увидел человека, прислонившегося к стволу дерева. В следующее мгновение наши взгляды встретились. Жадными очами провожал он пронесившийся мимо него поезд, каждый вагон, людей, стоявших у окон: его взгляд искал кого-то, жаждал ответного взгляда. Это был мой отец. Я ощутил слезы в его глазах. Мне никогда не забыть этот взгляд, исполненный любви и тревоги. Почувствовал ли он, что я увидел его? Заметил ли он меня? Я не был в этом уверен. И позднее я никогда не спрашивал отца об этом. Мне было неловко говорить с ним о том сугубо личном, самом глубоком переживании в моей жизни. И он тоже до последнего дня своего ни разу не коснулся этой темы.

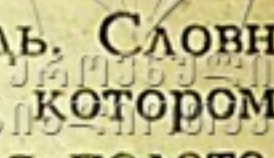
Сейчас, когда мы приблизились к сторожке, я заметил, что того деревца уже не было. Но мне все еще мерещился пронзительный взгляд, жадно поглощавший пространство. Моя лошадь споткнулась.

— Что с тобой? — спросил мой двоюродный брат.

— Да так, ничего... — ответил я уставшим голосом.

Мы перешли вброд реку Квирилу и прошли еще с полмили. Вот и ореховое дерево. Оно немного постарело. Как часто я отдыхал в тени его густой кроны. Сколько невыразимых грез посетило меня под его низко склоненными ветвями! Одно переживание ярче других светится в моем воспоминании. Мне было тогда шестнадцать лет. Я ехал верхом в соседнюю деревню. Недалеко от этого дерева я встретил пастушку со стадом овец и свиней. На фоне полуденного зноя девушка показалась мне чарующе красивой. Я был ослеплен. В то же мгновение я соскочил с лошади, привлек к себе перепуганную девушку и в диком упоении прижался к ее целомудренным устам. Я жадно ловил воздух, забыв обо всем на свете. Не помню, вскрикнула ли тогда девушка от испуга. Память моя сохранила лишь мой собственный крик, вырвавшийся из моей груди, словно рев одержимого похотью дико-

го зверя. Я тут же вскочил на свою лошадь. Словно заряд молнии, ей передался мой восторг, к которому теперь примешалась смутная тревога, — и я полетел. Это был мой первый поцелуй. Где теперь эта пастушка? Жива ли она? Может быть, она стала матерью, у нее, возможно, взрослые сыновья и дочери, и она, наверное, с улыбкой вспоминает иногда того озорного мальчишку, в мгновение ока сорвавшего с ее юных губ поцелуй, быть может, первый и для нее?

Мы поскакали дальше и доехали до моста, соединявшего оба берега у слияния рек Чолабури и Дзерули. Снова воспоминания, и такие же неизгладимые. Мне было четырнадцать лет, и я хотел во что бы то ни стало участвовать в празднике водоосвящения 6 января в Кутаиси. Отец мой проводил меня. Мы решили пойти пешком до остановки. Подойдя к реке, мы заметили, что наводнение унесло все лодки, а мост находился далеко. Что делать? И тут подъехали два всадника. Они могли бы перевезти меня через вздувшуюся реку, но, к нашему сожалению, оба были пьяны и направлялись на свадьбу. Наконец подкатила арба, в которую была впряжена пара буйволов. Гонщик взялся перевезти меня. Отец остался на том берегу. Арба вошла в воды Чолабури и некоторое время плыла, затем накренилась и стала тонуть. Буйволы испугались. Течение реки понесло нас в сторону Дзерули. Там, где обе реки сливаются, тяжелую арбу швыряло, как щепку. С того берега я услышал крик отца. Я спрыгнул с арбы и поплыл к правому берегу Дзерули. Так как я неплохо плавал, мне без особого труда удалось добраться до берега. Меня, промокшего насквозь, привели в близлежащую мельницу. Вскоре подошел и отец. Ему пришлось сначала обойти реку, чтобы выше по течению дойти до моста. Меня уложили в постель, и я всю ночь провел на мельнице...

И вот теперь мы приближались к этой мельнице. Какой ветхой и заброшенной она показалась мне в надвигающихся сумерках! Начал накрапывать дождь.

— Не передохнуть ли нам здесь немного? — спросил мой двоюродный брат.

— Охотно...

Мы спешили. Мельник дружелюбно приветст-

вовал нас. У разведенного тут же огня, под мерный стук жерновов я погрузился в мир моих детских грез. Мне вдруг показалось, что и эта мельница всего лишь видение. Не грезился ли и я сам себе? Вдруг открылась дверь, и в комнату вошел старик. Я вздрогнул. Не призрак ли привиделся мне? Или же это и в самом деле тот старец, которого я видел здесь тридцать лет тому назад? Ужас обуял меня. Шепотом я спросил своего спутника:

— Это Гегия?

Он ответил мне с усмешкой:

— Да, это он...

Я знал этого старого человека с детских лет.

Нередко случается, что в какой-нибудь деревне моей родины появляется странник, оседающий затем там навсегда. Таким странником был когда-то и этот старец. Он уже приближался к преклонным годам, когда я был еще только мальчиком. Утверждали, что появился он у нас из соседней Мегрелии. И кроме того, что звали его Гегией, о нем ничего не было известно. Роста он был среднего. Его необычайно густые, коротко остриженные волосы отливали свинцом. В загорелом лице было что-то отталкивающее. Несмотря на свой возраст, он держался прямо. В каждом человеке преобладает какой-нибудь материальный элемент. Этим элементом для него, по-видимому, был пепел. Чем-то, напоминающим пепел, веяло от всего его облика. Лишь глаза у него были другие: такие черные, что их настоящий цвет невозможно было определить. Лишь изредка сверкали их желтоватые белки. Взгляд старика то и дело скользил в сторону. Когда же он смотрел своему собеседнику прямо в лицо, то от его пронизывающего взгляда становилось не по себе. Детей он любил, но они боялись его. Он носил серую куртку, сшитую из старой солдатской шинели, перехваченную толстой веревкой вместо пояса. Рубашка на нем была из грубого полотна. Он всегда ходил босиком. На занозы он не обращал внимания. Несколько довольно крупных щепок, которые он вовремя не вытащил, вросли в огрубевшую кожу его ступней. Никогда не подстригаемые ногти пальцев ног совершенно окостенели и были толщиной с палец. Старик влачил жалкое существование, переходя от одной

семьи к другой, не оставаясь более недели в одном доме. Нетрудно было накормить его, ибо он был весьма непривередлив и питался почти исключительно фруктами. Он умел шить и часто помогал этим своим ремеслом тем семьям, где жил. При нем была четырехугольная клеенчатая сумка, с которой он никогда не расставался. Никто не знал, что он прятал в ней. Гегия был крайне молчалив и никогда не говорил о себе. Весь его облик напоминал какое-то меланхоличное животное. Улыбался он редко, но никому еще не удалось увидеть его смеющимся. В церковь он ходил регулярно, но молился лишь в полном уединении. Иногда на него находила какая-то ничем не объяснимая дикость. В таких случаях он переселялся в маленький деревянный домик, стоящий около церкви: и здесь происходило нечто странное, сбивавшее с толку сельчан. Поговаривали, что он соорудил себе качели, но не только для того, чтобы качаться на них, но и для того, чтобы истязать себя ими. И так как церковь находилась всего в нескольких шагах от нашего дома, то мы однажды ночью подкрались к тому домику, в котором он обитал. Со страхом и любопытством заглянули мы через щель внутрь. Посреди комнаты на глиняном полу горел огонь. Тут же лежала его сумка, на сей раз открытая. К большому камню у очага была прислонена какая-то картина, показавшаяся нам иконой. Старик покачивался на качелях, бормоча при этом какие-то непонятные слова. Мы тогда подумали, что он, возможно, молится. Вдруг он приподнял концы веревки, сделал из них петлю и просунул в нее голову. Нам показалось, что он повесился. Мы испугались и без оглядки побежали домой. Однако на другой день мы увидели его здоровым и невредимым.

Меня он любил, но я испытывал по отношению к нему лишь любопытство; может быть, и я полюбил бы его, если бы меня не напугали слова отца, угрожающим шепотом произносимые им не раз: «Он слуга дьявола». Только один-единственный раз я по-настоящему рассердил старика. Это случилось однажды в послеобеденное время, когда он был в нашем доме и спал. Я увидел его ноги. Занозы, вросшие в кожу его ступней, возбудили мое любопытство. Я тихо подкрался к нему и потянул за одну занозу. Гегия повернулся

ко мне, бросив на меня такой устрашающий взгляд и так прикрикнув, что я два дня не мог прийти в себя, и моя бабушка лишь с помощью заклинаний вылечила меня. Но уже на третий день мы с Гегией помирились и были прежними друзьями. Гегия повсюду слыл за чудака. Особенно ярко запечатлелась в моей памяти его странная походка. При ходьбе он подпрыгивал, по-кошачьи пружиня, причем шаги его были невероятно медлительными. Что терзало его? Никто не мог разгадать его тайну. Я смутно вспоминаю как бы случайно брошенные слова одного нашего обычно весьма неразговорчивого соседа: «Говорят, что он изнасиловал свою сестру, и отсюда его помешательство». Но эти слова почему-то прошли мимо ушей любопытных, не произведя на них почти никакого впечатления. Сам Гегия постоянно и упорно молчал. Когда кто-нибудь докучал ему вопросами, он тотчас вставал, брал свою сумку и молча удалялся. Таким он представлялся мне в моем воспоминании. В последний раз я видел его здесь, у этой мельницы, в тот вечер, когда после неудачной переправы меня привели сюда.

Старик подошел к нам и поздоровался. Я был поражен: он почти не изменился. Сколько же ему могло быть лет? Это не поддавалось определению. Да он, пожалуй, и сам не знал точную дату своего появления на свет. Он родился в Мегрелии в ту пору, когда там отмирал феодализм, во время правления «дедопали» (владетельницы) Екатерины Дадиани. Затем началось русское господство, потом образовалась Грузинская буржуазная республика и, наконец, Советская Грузия в составе Союза Советских Социалистических Республик. Он пережил мировую войну, революцию. И вот он вновь стоит передо мной, такой же, как прежде. Неужели все эти огромные социальные потрясения могли пройти мимо него? Неужели время — самое таинственное, что есть в этом мире, — уже не касалось его? Старик, кажется, одеревенел; и лицо его производило впечатление произведения искусства, созданного из дерева.

— Ты не узнаешь меня, Гегия? — спросил я его после продолжительного молчания.

Он угрюмо взглянул на меня и ответил:

— Нет... — Снова молчание.

Когда же мой двоюродный брат назвал мое имя, Гегия чуть-чуть вздрогнул и смущенно пробормотал:

— А-а-а-а...

На лице его, однако, при этом не отразилось и тени удивления. Он подсел к нам, поближе к огню, так как ночь была довольно сырой, хотя и не очень холодной. Старик снова посмотрел на меня своим обычным тяжелым взглядом. Вид этого уже почти, нечеловеческого создания, на котором, может быть, целое столетие оставило свои следы, был ужасен. Он задал мне несколько вопросов, на которые я ответил ему в смущении. Мало-помалу старик потеплел: высохшее дерево ожило. На его губах на миг даже мелькнула улыбка. И вдруг он спросил меня, сильно прищурив глаза:

— Ты еще помнишь, как я рассказывал тебе сказки?

— Да, конечно... Как я могу это забыть?.. Одну из них я даже напечатал в книге, — ответил я.

— Какую?

— О мальчике, превратившемся в камень...

— А-а-а!.. В какой книге?

— В этой.

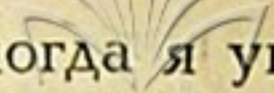
Я достал из саквояжа немецкое издание моего романа, раскрыл книгу и показал ему то место, где речь шла о сказке. Гегия взял книгу и стал сосредоточенно разглядывать ее. И в самом деле: впервые на этой земле видели готический шрифт! Но удивления я не заметил на лице старика. Он произнес лишь едва слышно:

— Так ты, значит, стал писателем?

Меня так и подмывало сказать ему, что и он упоминается в этой книге, но я встретил вдруг его взгляд и испугался: этим глазам невозможно было солгать.

Мой кузен лег спать. Мельник осмотрел мельницу, затем вышел и направил воду в сток. Все три жернова остановились. Теперь и он лег отдыхать. Я устроился на тахте, сооруженной на скорую руку из досок. Мельник и мой кузен сразу же заснули. Гегия неподвижно сидел у печки и выглядел, как старая гравюра на дереве. Огонь тихо догорал, убаюкивая старика. Я не мог уснуть, хотя и был утомлен. Я взял из

саквояжа томик стихов Поля Валери и начал листать его. Но в этой глуши, на этой старой мельнице слова парижского александрийца показались мне такими неубедительными, такими поверхностными. Да и я был уже не тот: я чувствовал, как слой за слоем с меня спадала вся западная культура. Разум Гегеля, дарования Гете, звуки Баха, черно-белые контрасты Рембрандта — все это показалось мне теперь далеким и чуждым. Журчала вода. Какой-то первобытный ритм стал мерно вибрировать во мне. Я начал воспринимать время как нечто единое и целое; и мне казалось, будто ход его приостановился, а его отрезки исчезли на моих глазах. Я был теперь таким же, как и тогда, тридцать лет тому назад; но я с трудом различал эти «теперь» и «тогда». Так под действием грез в памяти мсей стерся довольно-таки значительный период, прожитый мною за пределами родины. Далеко-далеко уносил меня шум мельничного колеса. Мой взгляд скользнул по остановившимся жерновам, и с чувством, близким к страху, воспринял я их первобытный покой. Старик также погрузился в безмолвие. Все было так таинственно. Вдруг я вспомнил о сумке Гегии и замер: неужели ее уже нет у него? Я отложил книгу и закрыл глаза, но сон не шел ко мне. Я притворился спящим. Гегия встал и взглянул на моего кузена и мельника. Оба спали крепким земным сном. Старик посмотрел в мою сторону. Я лежал, не шелохнувшись. Во дворе залаяла собака. Гегия подошел к двери, открыл ее и выглянул во двор. Лай прекратился: значит, никого не было. Старик вернулся, кашлянул и стал, как мне показалось, намеренно шумно ходить взад и вперед. Потом он еще некоторое время внимательно наблюдал за мной, но я лежал не шевелясь. Теперь он, по-видимому, убедился, что я сплю. Затаив дыхание, я следил за каждым его движением. Затем он направился в угол комнаты, где под кучей лохмотьев у него был спрятан небольшой деревянный ящик. Он открыл ящик и что-то достал из него. Когда он повернулся ко мне лицом, я увидел все ту же старую сумку, которая теперь вся была покрыта заплатами. Гегия раскрыл сумку, вытащил из нее какую-то дощечку и подсел к огню, спиной ко мне. Я осторожно приподнялся и украдкой взглянул на до-

щечку. Но каково было мое изумление, когда я увидел на дощечке портрет. Это был портрет женщины! Я остолбенел, не в состоянии отвести глаз от картины. Гегия что-то пробормотал. Мой взгляд превратился в пламя. Я почувствовал, что старик вот-вот ощутит спиной мой горящий взгляд и обернется. Это было предчувствие эпилептика перед приближением приступа. Но предчувствие не предотвращает приступ, а, напротив, ускоряет его наступление. В следующее мгновение Гегия оглянулся. Лицо его исказилось от гнева. Множество мелких морщин на нем собрались в один пучок. Я был словно околдован: вместо того, чтобы опустить глаза и лечь, я вскочил с постели и подбежал к нему. Теперь оцепенел Гегия. Он молчал. Может быть, ему показалось, что я сошел с ума. Я взял у него дощечку и сразу же понял, что картина эта изображает девушку, именно девушку: ее волосы отливали солнцем, глаза ее... Но как описать их? Это были фиалки под кустом на сверкающем талом снегу. Но к чему описывать эти глаза? Любые слова были бы здесь жалким лепетом, переводом с мертвого языка. Это был не портрет, а какая-то магия, схваченная и овеществленная кистью мастера. Конечно, портрет не мог сравниться с женскими ликами Боттичелли или Леонардо да Винчи. Техника исполнения была просто беспомощной. Но от этого несовершенного произведения искусства исходила колдовская сила, как бы сконцентрированная в нем. Под действием такого рода «произведения» в человеке просыпается шестое чувство, и его осеняет: это не искусство, это нечто большее, чем искусство, вызывающее другие ощущения, далекие от мира прекрасного. Нечто подобное чувствуешь, когда читаешь историю сотворения мира. Кажется, будто сам творец принимал участие в ее создании; и неземной страх пронизывает все твое существо. Однако слово не обладает материальной субстанцией, и поэтому его магическое воздействие слабее волшебства, исходящего от произведения изобразительного искусства, то есть от материальной формы. Здесь и в самом деле ощущаешь космическую тоску, если к тому же представить себе, что слово «материя» произошло от слова «мать». Некоторые каменные головы Египта, а также фрески Малой Азии вы-

зывают именно такое ощущение. Меня охватила дрожь. Я тяжело дышал. Я не мог отвести зачарованного взгляда от портрета. Чем больше я смотрел на изображение девушки, тем сильнее было очарование.

— Ну, что скажешь? Хороша, не правда ли?.. — услышал я голос старика.

Мне показалось, что кто-то невидимый вдруг нарушил мое одиночество, пытаюсь рассеять очарование, в плену которого я оказался.

— Прекрасна... Да... Прекрасна... — пролепетал я, все еще во власти колдовской силы, исходившей от портрета.

Словно спустившись снова на землю, я вдруг неожиданно для себя произнес почти деловым тоном:

— О, сколько золота дали бы за нее!

— Золота? — спросил Гегия с раздражением. — Для чего мне золото?

В его раздражении теперь сквозило презрение. Собравшись с духом, я по-детски пролепетал:

— Подари мне ее, Гегия... Пожалуйста...

Лицо старика вздрогнуло и исказилось, но лишь на одно мгновение. И он ответил хитровато, как будто найдя единственно возможный, а значит и верный выход:

— Хорошо, но при одном условии.

— При каком?

— Что ты не станешь выпытывать у меня ее историю.

Я не мог вымолвить ни слова. И вдруг во мне пробудилось любопытство, неудержимое и неодолимое, похожее на то любопытство, какое было у первых людей, когда змея соблазнила их. Я взглянул на Гегию: в его змеином взгляде была мудрость искусителя.

— Ну, так как же? Согласен? — спросил он. Его усмешка перешла в смешок. Желание раскрыть тайну портрета, разгадать загадку этого лица слишком сильно горело во мне, чтобы поддаться искушению. Я решил отказаться от подарка.

— Нет, я не хочу ее... — ответил я разочарованно.

— А почему ты ее не хочешь? — спросил искуситель, все еще усмехаясь.

— Я хочу узнать историю этого портрета!

— А если я скрою ее от тебя?

— Нет, нет, ты должен рассказать мне все, что связано с этой картиной. Без этого портрет мне не нужен... — что-то в этом роде я ответил ему.

— Ну хорошо, будь по-твоему... Я расскажу... Один раз в жизни я расскажу ее кому-нибудь... Тебе расскажу... — Улыбка исчезла с его лица.

Гегия начал говорить. Он рассказывал долго, чуть ли не до рассвета. Я внимал ему, ловя каждое его слово. Позднее я записал историю портрета, рассказанную мне Гегией. Имена я не изменил, так как Гегия настоятельно просил меня об этом. Все события, о которых идет речь в рассказе, я передал так, как поведал мне о них Гегия.

В финале драмы я кое-что добавил от себя. Пример великого поэта в «Поэзии и правде»¹ оправдывает меня, ибо для поэта правда всегда становится поэзией.

У ИСТОЧНИКА

Она вышла из воды, словно из ребра Адама. Она совсем забыла, что этот источник предназначен для питья, и искупалась в нем. Но в это время едва ли кто-нибудь придет, чтобы зачерпнуть воды: полуденный зной расслабляет тело; а часа через два-три не останется ни одной капли той воды, что наполняет теперь бассейн, — так мощно бьет источник.

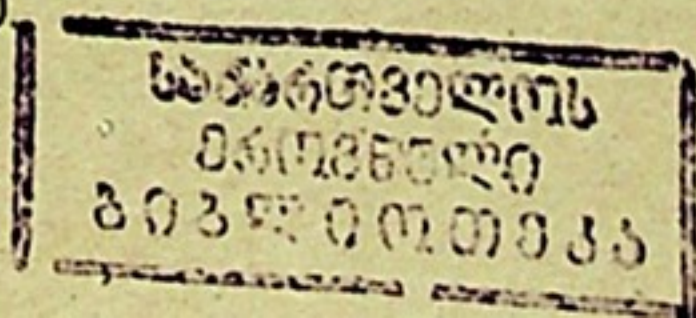
Этот источник похож на обнаженное сердце дикой кобылицы, — подумала девушка. Прохладу земли, из глубины которой вытекал источник, взяла с собой девушка, когда вышла на мшистый бережок. Она почувствовала себя вновь рожденной. Мгновение она стояла неподвижно. Жизнь ее тела в этот миг была полна первородных сил земли, словно замедленная, тихая жизнь богатых рудных недр. Девушка прикоснулась рукой к вакхической выпуклости своих высоких бедер, в которых, как плоды, созревали все семнадцать весен ее юной жизни; одна весна породила

---

¹ Автор имеет в виду автобиографическую книгу И. В. Гете. (Прим. переводчика).

другую. Девушка взяла лежащее на траве полотняное полотенце и обвила им свое свежее, закаленное тело. Тугие мускулы. В грудях созревали два солнца. Крепкое тело девушки напряглось. Каждая жилочка в нем была готова к оплодотворению. Взор блуждал в туманной дали. Ноздри нервно вздрагивали, как у благородного животного. Легкие жадно всасывали пряный воздух. Девушка сделала несколько шагов вперед и погрузилась в тень раскидистого орехового дерева. Взгляд ее цвета морской волны глаз скользнул по солнечным бликам, сверкающим, будто пятна леопардовой шкуры, сквозь большие листья ореха. Она вдруг снова замерла и устремила взор вдаль, поверх безграничной шири отливающих изумрудной зеленью кукурузных полей. Девушка как бы срослась с пейзажем, стала его частью. В блаженном смущении ощутила она, как сливается с природой в единое целое. Она потянулась. Тело ее наполняло нечто, ею доселе не изведенное, чего она не в состоянии была удержать в себе. Высокая фигура девушки напряглась еще сильнее. Первобытная, божественно-звериная сила исходила от ее обнаженного тела.

Послышался топот копыт. Девушка насторожилась, будто волчица, прислушивающаяся к биению сердца земли. Она быстро накинула на голое тело белое шелковое покрывало. На проселочной дороге из-за кустов показались два всадника. Одного из них она узнала. Это был Джвебе, высокопоставленный правительственный чиновник княгини Дадиани; второго она не знала. У обоих всадников на левой руке сидел сокол. Заметив девушку, мужчины прервали разговор. Они подъехали ближе. Девушка смело взглянула на них. Несмотря на то, что Джвебе знал ее, он не сказал ей ни слова. Но она увидела улыбку, мелькнувшую на его губах. Девушка почувствовала неловкость, усугубившуюся еще тем, что мужчины молчали, и вдруг краска стыда залила ее лицо. Ее тело, правда, было прикрыто, но оно ощущало свою наготу под тонким покрывалом. Всадники подъехали еще ближе. Незнакомец изменился в лице. Разгоряченные лошади жадно пили прозрачную воду источника, бившую сильной струей из земли. Животные то и дело поднимали головы, втягивая воздух нервно вздрагивающими,

похожими на жабры кроваво-красными ноздрями. Джвебе ласково погладил своего сокола по шее. Незнакомец украдкой посмотрел на девушку. Изумленно, почти по-человечески взглянул на нее и его сокол. Постепенно смущение девушки исчезло, уступая место негодованию. Ее взгляд теперь был подобен сдержанно-строгому пламени соколиных глаз. Незнакомец не выдержал ее взгляда и потупился. Когда лошади утолили жажду, всадники ускакали. У поворота дороги незнакомец оглянулся и бросил прощальный взгляд на гранатовые волнистые волосы нимфы.

Девушка облегченно вздохнула. Ее гнев, казалось, иссяк, и она вновь почувствовала себя сильной, но в глубине души она еще была смущена. Кто был тот незнакомец? Мегрел? Но мегрел не так держится в седле: в его осанке чувствуется и ловкость, и мужество. У незнакомца же осанка была совершенно иной: в ней было что-то от естественно-небрежного изящества красивого животного. Хотя он и носит черкеску, он все же не похож на наших, — подумала девушка. У него не мегрельское лицо. Глаза его серо-зеленого цвета, брови на концах загнуты кверху, худое лицо, изборожденное морщинами, как бы застыло, но оно озарено внутренним пламенем. Взгляд недоверчивый, строгий и холодный. На носу глубокий шрам.

КОЛХИДА

Девушка оделась и пошла домой, вверх по холму, высота которого не превышала семидесяти пяти футов и имела форму усеченного конуса. На его тупой вершине стоит дом, обозреваемый со всех сторон, словно орлиное гнездо. С холма на север взору открываются склоны Сванских гор, являющихся отрогами Большого Кавказа, а на юг — Джавахетские горы, упирающиеся в Гурийское предгорье. На востоке простирается утопающая в зелени Имерети, а на западе — необъятное Черное море, или Понт Эвксинский — Гостеприимное море, как его называли древние. От подножья холма до самого моря пролегла широкая равнина, которая, подобно огромным входным воротам, раскинулась между склонами Сванских гор и Гурий-

ским предгорьем. Повсюду кукурузные поля и леса. Там и сям видны озера и болота. По равнине, словно блестя чешуей, тянутся длинными лентами реки: Цхенис-Цкали, Абаша, Кодори, а также знаменитый Риони. Древние называли его Глаукос, Гиппос, Коракс и Фазис. Это — Мегрелия, или Колхида далеких времен. На берегах Фазиса пришельцы когда-то увидели необыкновенную птицу, которую они по месту ее обитания называли фазианусом, то есть фазаном. Эту птицу, как сообщает в своем стихотворении Марциал, аргонавты привезли затем в Грецию:

Перенесен я впервой на корабле был аргивском.

А перед тем ничего, кроме Фазиса, я не знал.

Перевод А. Фета

Дом, стоящий на холме, срублен из крепкого дуба. Это ода с тремя комнатами. В самой большой из них пол глиняный. Дом построен не из досок, а из бревен, плотно пригнанных друг к другу. Спиленные и разрезанные, деревья как бы застыли в летаргическом сне. От этого зрелища становится немного не по себе. Крыша дома сделана из камыша. По вечерам вокруг оды порхают летучие мыши, эти порождения мрака, ищущие свет своими трепещущими, клейкими лапками. Из густого лиственного леса, расположенного недалеко от дома, в полночь слышится жалобный зов совы.

Девушка вышла на балкон. Она была сегодня одна в доме. Душный зной, нависший над миром, казалось, объял и ее. Она смотрит вдаль, на широкую равнину. Ее глаза цвета морской волны, так часто загорававшиеся от гнева, впервые восприняли картину родной земли, представшей перед ней словно огромные триумфальные ворота. Мужество, наполнившее сердце девушки там, у источника, вдруг покинуло ее, и теперь в душе осталась тревога. Это был страх перед неизведанным. Мысленно она ясно видела перед собой незнакомца с соколом на левой руке. Этот сокол лишь теперь стал отчетливо обрисовываться в ее сознании. Она вспомнила вдруг, что он ведь был белым. Такое считалось редкостью даже в Мегрелии. Она ясно представила себе и необычную желтую полоску

вокруг его шеи, похожую на серп молодого месяца. Девушка сама не знала, кто больше смутил ее сердце: незнакомец или его сокол. Девушка погрузилась в созерцание широкой Мегрельской равнины. Солнце пылало. Но здесь солнце пылает не так, как в других южных странах.

«Неподалеку от Кавказских гор, исходив всю гористую местность, он покинул солнечную страну восточных равнин, обратившись лицом к полуденной границе солнца». Так пишет Ноннус из Панополиса в Египте о легендарном походе Диониса в Индию. Не была ли та «солнечная страна восточных равнин» частью древней Колхиды? Дионис прошел мимо нее и «обратился лицом к полуденной границе солнца». В Мегрелии этой границы солнца нет. Поэтому Дионис, возможно, и прошел мимо этой страны. Здесь солнце не палит, здесь оно сушит, ибо вся эта страна пронизана невидимой, но вездесущей сыростью. «У народов, обитающих на берегах Фазиса, болотистая, жаркая и сырая земля, покрытая лесами. В любое время года здесь идут проливные дожди. Люди здесь проводят свою жизнь в болотах. Прямо в воде они строят себе жилища из дерева и хвороста, которые они покидают лишь тогда, когда идут на базар или в город. Передвигаются они на своей земле по многочисленным каналам, в лодках, выдалбливаемых ими из цельных бревен. Они пользуются теплой, стоячей водой, гниющей на солнце или собираемой ими после дождя». Так пишет Гиппократ о Колхидской низменности. Когда читаешь его описание этой страны, оживает картина сегодняшней Мегрелии.

Земля здесь вся как бы погружена в дремоту. Она отдыхает, спит. Но сон ее полон сновидений. Может быть, поэтому люди этой страны придают такое же важное значение сновидениям и их толкованию, как древние египтяне. Над ее полями простирается не золотой покров аполлоновских очертаний, а туманная дымка, из которой выплывают всевозможные призраки. Страна погружена в сон, и все предметы парят в воздухе, как сновидения, как сливающиеся друг с другом призраки. Сознание и воспоминание подобны здесь темному лону матери-земли. Все переменчиво в этом сознании. Здесь стираются воспоминания, слов-

но сновидения детей Священного Писания, не отличающих правую сторону от левой. Каждый предмет имеет несколько названий, ибо единственной в своем роде вещи здесь нет. Люди нарекаются здесь не одним именем, а несколькими, будто в одном лице воплощено множество людей. Сама страна также не имеет одного, раз и навсегда установленного названия: древние называли ее Колхидой, а ныне она называется то Мегрелией, то Одиши. Здесь все бродит и грезит. Здесь не найдешь элемента, который с самого же начала не был бы подвержен постоянному изменению. Мысли, едва родившись, превращаются в фантомы. Повсюду волшебники, ведьмы, на каждом шагу торгаша мудростью, знахари, шарлатаны, заклинатели духов, прорицатели, оборотни и лешие, словно на шабаше призраков. Это страна луны, а не солнца. Здесь сбитают не солнцепоклонники, а почитатели луны, в страхе и трепете служащие и поклоняющиеся своему божеству. Самый таинственный день для них понедельник — день луны. При виде молодого месяца одни обнажают саблю, другие — нож, приветствуя его таким образом. При этом они снимают перед ним свои шапки. Луна — космическое олицетворение кажущегося, призрачного, небесный знак двойника. Все дурные влияния исходят от нее в виде астральных потоков. Своими чередующимися фазами она регулирует и определяет жизнь женщины. Для Мегрелии она вполне домашняя планета. Здесь она выглядит не так, как где-либо в других местах, она как бы пропитана клейкой желчью и напоминает цвет застоявшейся мочи. Да она сама, пожалуй, не что иное, как лужа буйволиной мочи. Кругом сырость, болотные испарения, лихорадка. Малярия в крови у кур, и всюду царит желтизна, лихорадочная лунная желтизна. Вещи здесь — отблеск лунной зеркальной поверхности, люди — элементы лунного сияния, особенно мужчины, ибо женщинам нет надобности уподобляться луне: ведь они изначально содержат в себе лунные свойства. Дочери Мегрелии — самые женственные, самые нежные создания во всей Грузии, и не только в Грузии. Они волшебницы и чародейки, русалки и лесные феи.

Девушка стояла, погрузившись в глубокое раздумье. Она смотрела на знакомые ей с детства поля, в которых, казалось, все элементы еще пребывают в состоянии первородного брожения. Они, правда, уже познали резкое, сладостно-жуткое прикосновение животворящего дыхания, но их еще не тронула последняя, завершающая печать: «Да будет так!». Может быть, это объясняется тем, что Понт Эвксинский не дает земле окончательно превратиться в земную твердь, не переставая пропитывать ее своим влажным духом?! Задумчиво глядя на родные нивы, девушка размышляла о незнакомце, но еще больше о белом соколе с желтым полумесяцем вокруг шеи. Вдруг во дворе раздался чей-то сильный голос:

— Меги!

Это была Цицино, мать девушки, высокая, сильная женщина, не старше тридцати пяти лет.

— Что-нибудь случилось, мама? — спросила Меги.

Цицино подошла к дочери. Мать и дочь походили друг на друга как две капли воды. Только волосы у Цицино были другие — иссиня-черные с фиалковым отливом. Красота ее могла поспорить и спорила с красотой дочери. Чем-то вызывающе-женственным веяло от всего ее облика, а глаза ее источали изумрудный пламень.

— Что случилось, мама? — повторила Меги.

— Твоя лошадь захворала!

— Какая?

— Джондо.

Меги вздрогнула. Джондо была ее любимая лошадь. Незнакомец и его сокол тут же были забыты. Тело девушки напряглось, словно сталь в руке сарацина.

— Что с Джондо? — спросила она взволнованно.

— Не знаю. У нее какой-то недуг.

Меги повернулась, чтобы бежать в конюшню.

— Ее там уже нет. Я отвела ее к Уту. Может быть, ты хочешь привести ее обратно? Тебе незачем так волноваться.

Но Меги уже потеряла покой. Не ответив матери,

она убежала, обеспокоенная и рассерженная. Через полчаса она уже была у цели. Ее подруга Бучу, дочь дворянина Одишария, вышла ей навстречу. Она была ростом с Меги, но чуть стройнее ее, черноволосая, с агатовыми глазами.

— Ах, это ты, Меги?

— Как здоровье Джондо?

— Уту, наверное, уже поставил ее на ноги.

Показался Уту. Он служил исцелителем животных в доме Одишария. Это был мужчина очень низкого роста, худощавый и жилистый. Глаза на его карликовом лице напоминали высохших блеклых ос. Он мало говорил, и какая-то неизъяснимая сила исходила от него. Его зубы истерлись все до одного, как у старой лошади. Меги забросала его вопросами.

— Что с моей лошадью? Что с Джондо?

— Ничего, — ответил Уту, и усмешка заиграла на его губах. — Сухожилия у нее растянуты. Я уже пустил ей кровь и натер ее ноги мазью... Но лошадь хороша... Очень хороша... — немного погодя добавил он. И ушел, чтобы привести ее.

Меги и Бучу последовали за ним. Лошадь была привязана к небольшому дубу. Это была кобыла черкесской породы, красно-бурой масти, без единого пятнышка, словно выкупанная в йоде. Увидев хозяйку, лошадь заржала и стала бить правым передним копытом землю. Она в хорошем настроении, — подумал, улыбаясь, Уту.

Меги подошла к лошади и погладила ее по шее. И в самом деле: животное было радо хозяйке. Есть что-то прекрасное в том, что человек и животное узнают друг друга. Встреча с близким человеком, несомненно, радует, но насколько чудеснее чувство, испытываемое, когда любимое животное узнает тебя! Между человеком и человеком перекинут радужный мост общности происхождения. Но в лице животного человеку противостоит нечто иное, нечеловеческое. И к этому существу человек вдруг проникается доверием. Две чуждые по своей сути стихии сближаются и чувствуют внутреннее сродство между собой. Не оттого ли радость при их встрече? И не в этом ли причина смутной, безграничной, ни с чем не сравнимой тоски животного? Может быть, ему от

рождения свсйственно неосознанное и неизьясни-
мое влечение к человеку? Уту загадочно улыб-
нулся, глядя на девушку и лошадь. Он был полон
земной мудрости. Исцелитель животных отвязал по-
водья и взял лошадь за голову. Вдруг лицо его иска-
зилось, и он стал произносить какие-то странные за-
клинания. Его выцветшие глаза неожиданно потемне-
ли. Заклинания, как неясные обрывки первобытного
хаоса, проникали в ухо лошади. Сам заклинатель не
понимал этих слов, но они содержали в себе нечто
такое, что было выше человеческого понимания. Они,
эти слова, хоть и непонятные, были полны живой жиз-
ни. Это были не истертые, засохшие и бессильные
разменные монеты повседневности, а чеканные, выра-
зительные образы. Нет, даже не образы, а само суще-
ство, распираемое плодами творения, вышедшее на
один-единственный миг на свет и снова исчезнувшее,
первоначальное поэтическое слово, праязык Земли.
Уту произносил заклинания, слова, непонятные чело-
веку, но, быть может, проникающие в сознание жи-
вотного. Лошадь ободрилась. Наблюдательный глаз
заметил бы призрачную, едва уловимую улыбку на
ее морде, длившуюся не более доли секунды. Но ка-
кой ужас был примешан к этой улыбке, подобной
наилегчайшему дуновению «*terroг antiquus*»¹. Лошадь
подняла голову и уродливо зевнула. Поодаль висел
на колу ограды череп лошади: согласно древнему
обычаю вешали лошадиные черепа на забор. Голые
черепа, прогнившие кости, в которых пауки плетут
свои сети и в трещинах которых водятся змеи, оскал
зубов, наводящий ужас, — все это верные средства
от дурного глаза. Глядя на этот череп, понимаешь, по-
чему в Апокалипсисе, в этой жуткой книге пресле-
дуемого злым духом поэта, так страшен белый конь,
на котором летит всадник Смерть. И снова призрач-
ная улыбка на морде лошади, которая, возможно,
лишь померещилась, как последний ужас. Но улыбка
эта исчезла вместе с новым зевком животного. За-
клинатель сделал свое. На земле лежал железный ин-
струмент, использованный им для кровопускания.

Уту удалился.

---

¹ Первобытный ужас (лат.).

— Ты не встретила Джвебе с каким-то незнакомцем? — спросила Бучу Меги.

«Опять этот незнакомец...» — подумала Меги, ничего не ответив подруге. Бучу продолжала:

— Они собирались на перепелиную охоту.

Снова молчание.

— Незнакомец, говорят, абхаз, — сказала Бучу. — Его зовут Астамур Лакербая. Отец сказал мне, что он гостит у княгини Дадиани.

Меги и теперь не нарушила молчания.

Она вдруг вскочила на неоседланную лошадь и спросила:

— Когда ты зайдешь к нам, Бучу?

— Может быть, завтра утром, — ответила подруга с некоторым удивлением. Такой сконфуженной она еще не видела Меги.

— Прощай! — крикнула Меги и ускакала.

ВЫЗОВ

Кобыла Меги и в самом деле была исцелена. От ее прежнего недуга не осталось и следа. Лошадь неслась во весь опор. Были ли то заклинания знахаря или же волнение хозяйки передалось животному? Когда Меги доскакала до открытого поля, она заметила вдалеке обоих всадников. Это были Джвебе и его друг Астамур Лакербая, как его назвала Бучу. «Какое красивое имя! — подумала Меги. — Астамур! Как чудесно это звучит!..» Ее глаза цвета морской волны вдруг загорелись, и, словно морской волной, ее захлестнуло неизведанное доселе дерзкое чувство. Меги пустила лошадь в карьер по направлению к всадникам. Она промчалась мимо молодых мужчин, как опытная наездница, достойная дочь своей матери Цицино. Мужчины поначалу были немало удивлены. Но уже через считанные мгновения и они пустили своих коней в галоп, вслед за юной амазонкой. Волна неожиданного вызова передалась не только мужчинам, но и их коням. Разгоряченные, они мчались во весь опор, но впереди их была гнедая Джондо. Прижавшись головой к гриве Джондо, девушка — белокурый кентавр —

вихрем неслась по полю. Как драгоценную добычу, уносила лошадь наездницу. Меги отдалась чувству безбрежной дали, и Джондо мчалась, охваченная диким порывом. Кто догнал бы их? Взмыленная лошадь вихрем влетела во двор.

— Что с тобой, Меги? — крикнула мать.

— Видишь, Джондо поправилась.

Разгоряченная, вся в поту, она спешила. Цицино взглянула на лошадь, потом на дочь. Ее наметанный глаз наездницы ликовал. Ноздри Джондо нервно раздувались. Но и ноздри девушки дрожали. Мать заметила это, и в ее сердце закралась тревога: обе, лошадь и наездница, были необычайно возбуждены. Но разве волнение Меги не было гораздо сильнее возбуждения лошади?

— Уту просто волшебник... — сказала Цицино.

Подошел Нау и увел Джондо.

МЕНИКИ

На балконе дома появилась Меники — няня Цицино. Это была пожилая женщина лет за шестьдесят. Но сна бы смертельно оскорбилась, если кто-нибудь из мужчин не почувствовал бы в ней женщину и не дал бы ей это понять каким-нибудь образом в ее присутствии: словом, жестом или интонацией. Она когда-то была красивой. Теперь же ей приходилось пускать в ход все колдовство и средства косметики, чтобы избежать разрушительного действия времени: басму для бровей, хну для волос — ту самую хну, которую, по свидетельству Клеменса Александрийского, впервые применила колхидянка Медея. Для лица она приготавливала особую мазь из жженных ракушек и еще чего-то таинственного, что она скрывала от всех. Оспа оставила на ее лице загадочные следы, хотя и не очень заметные. А чтобы они не бросались в глаза, Меники замазывала их тонким слоем таинственной смеси. Она редко смеялась и никогда не плакала, боясь, что морщины выдадут ее возраст. Так же редко она улыбалась, но в улыбке ее было нечто, внушавшее страх. Она никогда не уставала ухаживать за собой

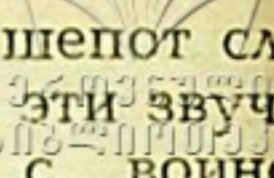

и проводила за этим занятием не менее трех-четырех часов в день. Между неумолимым временем и обладательницей стареющего тела завязалась борьба не на жизнь, а на смерть, в которой победа пока оставалась за женщиной. Меники обладала исключительным даром колдовства, способным перехитрить саму природу. Она еще уверенно и прямо держалась в седле и была, несмотря на свой возраст, все еще женщиной... Как? Превратиться в старую ведьму? Нет! Нет! И еще раз нет! Меники не сдавалась. Она была весьма далека от того, чтобы стать старой ведьмой. Но волшебницей она была. Она знала секрет целебной силы растений, камней, корней и семян. Ей были ведомы таинственные слова и имена. Она была искушена в магических заклинаниях. Вся Мегрелия боялась ее глаз, излучавших зеленый свет, ее твердого, колющего взгляда. Она любила Цицино больше, чем свою дочь, а Меги — больше, чем Цицино. Когда она увидела разгоряченную девушку, ее опытный глаз распознал первое волнение крови юного девичьего тела. Меники улыбалась. Цицино еще раз бросила взгляд на дочь. Меги потупилась от смущения.

РАССКАЗ ЛИСТВЕННОГО ЛЕСА

Легким воздушным покровом опускался вечер на землю, становясь все плотнее и темнее. Издалека доносился шум деревни и замер. Тихо шелестя, пробуждался лиственный лес. Не появилась ли там на дубе птица Феникс? Но нет, ведь полночь еще не наступила. Меники, Цицино и Меги приветствуют мегрельскую ночь. Меги с отсутствующим взглядом молчит. Цицино ушла в свои мысли. Меники рассказывает. В шелесте лиственного леса роится множество древних историй. Меники рассказывает... Чужестранцы вошли на кораблях в устье реки. Они видят замок царя и тенистую рощу, там огромный дракон охраняет дуб, обвив ствол своим чешуйчатым телом. На шишковатых ветвях дуба висит золотое руно. Плакучие ивы и боярышник в белом цвету увидели там пришельцы...

Меники рассказывает. Она путает имена, но в ше-

лесте лиственного леса, в котором слышен шепот случившихся тысячи лет назад историй, имена ^{эти звучат} ~~эти звучат~~ ^с ~~с~~ ^{воином} ~~воином~~ первозданно: это аргонавты во главе с ^с ~~с~~ ^{воином} ~~воином~~ Ясоном, это устье реки Фазис, замок царя Аэта и его священная роща, дуб с золотым руном, охраняемым огнедышащим драконом... Меники рассказывает. Тивы и тот боярышник не исчезли, они все еще растут и размножаются из века в век, пуская все новые и новые ростки... Меники рассказывает. Лиственный лес шелестит. Может быть, он — праправнук той священной рощи? Кто знает? Ведь в нем роятся и перешептываются древние истории... Меники рассказывает дальше и доходит в своем рассказе до того места, когда появляется Медея, светловолосая дочь сына солнца Аэта. Меники иначе произносит ее имя. Она говорит: Медиа. И тут Меники преображается. Цицино очнулась от своих раздумий. Меги вся превратилась в слух. Меники ведет рассказ дальше. Может быть, она цитирует Аполлония Родосского? Нет, она не цитирует Аполлония Родосского. Она слышит эту историю в шелесте лиственного леса, откуда весть о ней когда-то пришла и в страну родосского поэта... Меники продолжает рассказ. Когда Медея (она говорит: Медиа) увидела, что заря занимается, она связала свои небрежно распущенные волосы и умыла свое сухое лицо. Тело сна умастила лавандовым маслом и надела красивое платье, застегнув его искусно изготовленными пряжками. На голову, намазанную благовониями, она накинула белую вуаль. Затем она занялась делами в замке и забыла о своем горе. Но ее ожидало нечто еще большее. Все двенадцать девушек, ее ровесниц, прислуживавших ей, находились в передней ее благоухожающей опочивальни. Им она велела быстро запрячь мулов в арбу, на которой она решила поехать в сверкающий храм Гекаты. Пока прислужницы готовили упряжку, Медея достала из ларца снадобье, называемое Прометеевым... (Вместо Прометей Меники говорит: Амирани). Того, кто ночными жертвоприношениями умилостивил богиню-девственницу и умастил свое тело этим снадобьем, не брал ни меч, ни огонь; более того, он и душой тогда становился гораздо сильнее, чем когда бы то ни было. Это целебное средство появилось тогда, когда кровожадный кор-

шун на склонах Кавказа пролил на землю кровь стра-
дальца Прометея. (Меники говорит: Амирани) Цвет-
ки растения, выросшего из этой смешанной с кровью
земли, стебель которого достигает двух локтей, похо-
жи на корикский шафран, а его корень — на свеже-
рубленсе мясо. Темными ночами, облаченная в черное
платье, собирала Медея (Меники произносит: Ме-
диа) сок этого растения, подобный бурому соку чер-
ного бука, в каспийскую раковину для снадобий. Но
прежде чем выйти для этой цели из дому, она купа-
лась в семи вечно текущих водах и семь раз призы-
вала Бримо, девственницу Бримо, ночную странницу,
богиню преисподней, царицу усопших... Меники умол-
кает. Она любит делать паузы. Удивленные глаза Ме-
ги сверкают, а Цицино с загадочной улыбкой смотрит
на няню. Наверно, думает она, няня знает тайну вол-
шебного напитка и на смертном одре раскроет ее тем,
кого она когда-то выкормила. Она хочет спросить ня-
ню о чем-то, но Меники не дает себя перебить и рас-
сказывает дальше. Она рассказывает о том, как золо-
товолокосая Медея влюбилась в чужестранца Ясона, как
она спасла его со спутниками, как вместе с ними со-
вершила побег и еще о многом другом...

Лиственный лес замолкает на миг, будто одна из
его тысячелетних историй вот сейчас подошла к кон-
цу. И Меники умолкает, глядя с загадочной улыбкой
на Меги: не воскресла ли в ней колхидская девушка
Медея, чародейка, так щедро, так расточительно наде-
ленная природой даром любви? Меги подсознательно
думает о том же самом, и чуть-чуть краснеет от сты-
да, когда мысль ее становится вполне осознанной. И
вдруг перед ее внутренним взором вновь встает образ
того незнакомца с белым соколом на левой руке. Как
старшая сестра, смотрит мать на свою дочь. Меники
улыбается: она догадывается о том, в чем ее юная го-
спожа еще не отдает себе отчета. Но ведь ей ведомы
и секреты всех целебных трав — и она опять улыба-
ется...

РОМАШКА

Дом погружен в глубокий сон. Лишь Меги не спится. Она и в самом деле поверила, что является наследницей той ставшей на весь мир знаменитой колхидянки, и трепет предчувствия охватил ее. Она вспомнила, что сегодня новолуние, и тайком вышла из дому. Луна, казалось, излучала соблазн, и девушка сама была олицетворением соблазна. На лугу Меги увидела ромашку. Не сводя глаз с луны, она шептала слова, звук которых не доходил до ее слуха. Дрожа всем телом, она нагнулась к ромашке, и на мгновение бие-ние ее сердца слилось с ритмом природы. С замирающим сердцем девушка сорвала цветок и, бледная, утомленная, пошла домой. Она прокралась в свою комнату, спрятала ромашку под подушку и легла спать в надежде увидеть во сне суженого. Но странно: желанное сновидение не приходило к ней. Однако в полусне ей постоянно виделся тот незнакомец. Нет, ей непременно должен присниться ее будущий жених, тот, кто назначен ей судьбой. К чему этот призрак полусна?

Девушке стало не по себе. Она взяла в руки ромашку, разорвала ее и, скомкав, бросила на пол. После этого она снова закрыла глаза, но еще долго беспокойно ворочалась в постели. Лишь под утро к ней пришел наконец сон, глубокий, без сновидений.

ЦИЦИНО И ЕЕ РАБ

Нау Баркая любил лошадей. В этом он был истым мегрелом. Мегрелы могут за хорошего коня отдать любую красавицу. Но в чувстве Нау к лошади таилось еще что-то другое: он чтил в ней первобытную божественную силу. Недаром он был потомком древних колхов; согласно представлениям о них античных поэтов, они в этом были похожи на египтян, видевших в животном воплощение космической силы. В облике

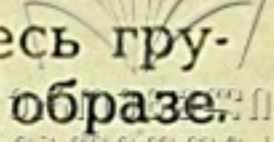

Нау было что-то от сухопарого египетского жреца: голова его была гладко выбрита, взгляд неподвижный и тяжелый, как бы придавленный каменными складками век. Подобно первобытному человеку, он в жизненной силе видел темное излучение первородного существа. Он воспринимал, осязал это излучение во всем: в камне, в животном, в человеке. Особенно в животном, ибо он считал, что в камне оно уж слишком застыло, в человеке же — чересчур близко. Животное для него олицетворяло таинственный поток космической силы, и он испытывал к нему чувство, близкое к благоговению. И чем необычнее было животное, тем почтительнее становилось чувство Нау к нему. В этом он действительно напоминал египтян, священный трепет которых перед мирозданием и жизнью находил выражение в фантастических образах: в бесчисленных сфинксах, грифах с телом шакала, головой и крыльями орла, в тиграх со змеиными головами и в других диковинных созданиях. Чтобы увидеть эти чудища — так утверждали египетские проводники караванов, — надо проникнуть глубоко в пустыню. Они, эти чудища, говорили египтяне, околдовывают человека, подчиняют его своей воле и всячески вредят ему. Нау заходил в глубину Чаладидского леса, и порой ему являлись такие же призрачные существа, но всегда только на миг. На стенах мегрельских церквей он часто видел изображения, напоминавшие грифов: рога оленя, клыки дикого кабана и крылья фазана. Но особенно взгляд его приковывал к себе высеченный в камне гриф, которого он видел в замке Дадиани. Этот гриф был найден в 1839 году в Кахети, в северной части Восточной Грузии, в имении поэта, князя Александра Чавчавадзе, отца владетельницы Мегрелии Екатерины и тестя русского поэта Грибоедова. Высота грифа не превышала тридцати сантиметров. У него была голова орла с прорезанными щелями вместо ноздрей, оттопыренные уши, борода и тело льва; крылья были связаны поперечной дугой, на голове небольшое квадратное отверстие, по-видимому, когда-то закрывавшееся крышкой, в настоящее время утерянной. Остался лишь редкий зубчатый гребень. Гриф порастил фантазию варвара, каковым был Нау. За всю свою жизнь он не видел ничего более прекрас-

ного и впечатляющего. Он долго стоял перед грифом как зачарованный. Ничем не объяснимое восхищение и легкое предчувствие беды наполнили его душу — именно так, как по рассказам путешественников, миражи пустыни завораживают человека. Нау был весь во власти несбыточного создания. Какая-то неодолимая сила влекла его к этому диковинному существу, как будто он желал слиться с ним, стать одним существом. Он искал выхода, а потом вдруг выбрал в качестве объекта безграничного почитания лошадь. Как наездник, Нау глубоко постиг сущность этого животного. Ритм человека при верховой езде соединяется с ритмом лошади: две разные стихии сливаются воедино. Без посредства слова и без малейшего движения любая мысль наездника мгновенно передается животному. Нау изучил лошадь вплоть до мельчайших ее жилок. По ее взгляду и ржанию он мог определить самые, казалось бы, неуловимые изменения в атмосфере, а также приближение таких космических явлений, как, например, землетрясение, гул которого лошадь улавливала раньше человека. Когда в полдень лошадь погружалась в таинственную, бездонную глубину зноя, слух Нау фиксировал приближение козлогорого бога; тогда он молча смотрел на лошадь, не осмеливаясь подойти к ней. Нау любил и глубокую ночь, когда казалось, что блеск лошадиных глаз, словно живое пламя, светит во тьме, стремясь оторваться от них. Нау весь погружался в эти казавшиеся ему первородными и излучавшие необычайную силу глаза. Лошадь всеми фибрами ощущала, что Нау не противостоял ей как человек и хозяин. Он много ездил верхом и считался одним из лучших наездников во всей Мегрелии. Нау чтил свою лошадь как тотем, как символ и образ божественного. Но однажды этот тотем чуть было не покинул его в беде. Или, может быть, покинул? Это случилось 23 апреля, когда в крови его заговорила весна. В трех часах езды от Зугдиди возвышается гора Урта. Под огромным буком там стоит деревянный крест с изображением Георгия Победоносца. Лучи солнца не проникают сквозь густую листву дерева, и крест этот стоит в вечной тени, как немая тайна. Во всей Грузии 23 апреля отмечается праздник Святого Георгия, или, как его обычно

называют — Белого Георгия. Он считается здесь грузинским Дионисом, явленным в христианском образе. Ему приносят в жертву хлеб, сыр, бараньи головы, восковые свечи и монеты. От иконы Святого Георгия паломники с песнопениями и громко крича направляются в Цаиши, где в этот день состоятся скачки. Нау часто принимал участие в этих паломничествах и неизменно выходил победителем в конных соревнованиях. Но в этот год, 23 апреля, когда он встретил свою двадцать пятую весну, его опередили. С тех пор прошло пять лет, и никто до сих пор не знает имени победителя, так как он сразу же после своего триумфа куда-то ускакал. По уверению одних, это был разбойник Микава, орудовавший в окрестностях, которому захотелось показать всем не только свое искусство верховой езды, но и бесстрашие. Другие же настаивали на том, что то была переодетая женщина, и женщина эта, — так утверждали третьи, была не кем иным, как Цицино, молодой вдовой князя Мхеидзе. С горечью в душе прислушивался Нау к этим слухам. Но когда он впервые увидел Цицино, он уже не сомневался, что это и был тот «незнакомец», который победил его тогда. Нау не расспрашивал Цицино об этом, ибо безошибочный инстинкт подсказал ему: это была она. И странно: такая уверенность сразу же избавила его от огорчения, не покидавшего его после того неожиданного поражения. Глядя на эту бесстрашную женщину, он ощущал, как силы оставляют его, будто перед ним стоял какой-то роковой зверь пустыни, приковавший его к себе таинственным взглядом. Женщина оглянулась и бросила на него полыхающий взгляд. Этот взгляд совершенно смутил его, всецело завладел им. Нау предал свою лошадь. Его варварская душа была теперь полна лишь этой женщиной. Он страстно желал ее.

В Горди, неподалеку от княжеского летнего замка стоит старая ель, пораженная молнией. Местные жители поговаривали, что эту ель по ночам посещают злые духи. Поэтому никто не отваживается подойти близко к дереву, вызывающему в душах людей священный трепет. Но они знают и другое, то, о чем они лишь изредка тихо перешептываются: тому, кто преодолел страх, просидит в дупле этого дерева ночь, пе-

редастся демоническая сила. Нау однажды заночевал в дупле. Наутро он почувствовал в себе необычайную силу. Чары рассеялись, и Цицино покорилась ему. Душа Нау была охвачена огнем. Но чары вернулись. Цицино все же не принадлежала ему. Это он, Нау, был в ее власти. Вся разница в этом. Она была не такой, как другие женщины. В ее жилах кипела кровь колхидских амазонок. Цицино не была обыкновенной возлюбленной, нет, она брала, покоряла и отвергала то, что ей покорялось. Она ни к кому не привязывалась и никому по-настоящему не принадлежала. Боясь растерять свою страсть, свое пламя, она обращала свой взгляд, взгляд амазонки, лишь на немногих. Она была вакханкой и притом недоступной. От нее исходили неведомые токи, парализующие мужскую волю. В этом, должно быть, разгадка ее власти над душами мужчин. Нау страдал. Он пришел к Цицино как простой слуга, и любое ее желание было для него законом. Он помогал ей в управлении хозяйством и даже ведал сбором налогов с крестьян, подлежащих налогообложению. О ее тайной связи с ним никому не было известно. Да и была ли она на самом деле, эта связь? Может быть, раз в году она бросала ему подачку любви, как бросают верному псу кусок мяса или кость. Жизнь Нау была сплошным мучением. Нечеловеческая ревность, распространяемая им на все сущее, на все окружающее, снедала его. Стоило ее взгляду даже просто случайно задержаться на ком-нибудь, как его обжигало так, как если бы к его телу приложили раскаленное тавро. Священное животное, тотем, воплотился теперь в женщине, и он навсегда покорился, стал ее рабом. Ревность истощала его тело, охваченное лихорадкой страсти. Но он молчал, ничем не выдавая себя. Однако на расстоянии аршина можно было услышать, как бешено колотилось его пылающее сердце, когда кто-нибудь из избранников Цицино появлялся в воротах дома. Тогда муки его становились еще нестерпимее.

Нау облегченно вздохнул, когда утром ^{увидал,} что остановившийся у ворот всадник не был из числа поклонников Цицино. Это был Вато Накашидзе, который приехал из соседней Гурии. Он был молочным братом Цицино, то есть Меники была и его няней и кормилицей. А так как в Мегрелии молочный брат не менее дорог, чем родной, то его по праву считали близким родственником Цицино. Нау побежал навстречу стоявшему в воротах всаднику. На его загорелом, бронзовом лице мелькнул луч радости.

— Приветствую тебя, Нау! — воскликнул Вато.

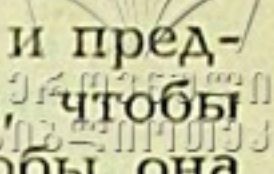
— Здравствуй, Вато! — ответил Нау.

Вато соскочил с коня и передал поводья Нау. Меники выбежала из комнаты и от радости так крепко обняла тщедушного родственника, что тот чуть было не упал наземь. Цицино приняла его на балконе. Она нежно, как любящая сестра, расцеловала молочного брата, которого давно не видела. Они вошли в комнату. Меники, по-восточному скрестив ноги, устроилась на широком диване. Вато подошел к няне и поцеловал ее в правое плечо. Она нежно и ласково приветствовала всего «мальчика». Этому «мальчику» было уже тридцать семь лет. Его низкий рост, узкая грудь и бледно-желтое лицо производили впечатление болезненности. Вато можно было принять за чахоточного, однако он был вполне здоров, и от него, несмотря на тщедушный вид, исходила даже некая сдержанная сила. Он мало говорил, и поэтому его называли молчаливником. Неразговорчивость Вато действовала на всех угнетающе, и никому общение с ним не приносило радости. Люди чувствовали стеснение даже тогда, когда он находился в соседней комнате. Взгляд его, напоминавший взгляд датского дога, выдерживали с трудом. У него были разноцветные глаза: правый — карий, а левый — серый. Это придавало их выражению что-то двойственное, и даже близких друзей смущал странный взгляд его разноцветных глаз.

После обеда Вато установил мольберт в густой тени широколистого орехового дерева. Он был художником и учился в Петербурге, но тамошний суровый

климат не подошел ему, и он вернулся на родину. Рисовать он тем не менее продолжал. Он изучал фрески и орнаменты грузинских церквей, а также индийскую и персидскую миниатюрную живопись. Из восточной архитектуры и скульптуры его больше всего интересовали произведения стран Малой Азии. С итальянской живописью он познакомился благодаря копиям, которые в XVII веке были завезены в Мегрелию и Гурию католическими миссионерами. Один из тех миссионеров — Архангело Ламберти — написал две книги о Мегрелии. Самое сильное впечатление произвел на молодого художника Леонардо да Винчи, произведения которого он долго и серьезно изучал. Он нашел в картинах Леонардо то, чего, по его мнению, не было у других художников. Его живопись содержала в себе тщательно скрытую или же воплощенную, выявленную тайну. Та или иная картина, принадлежащая кисти Леонардо, не была для него простым изображением, ибо лицо, запечатленное на ней, таило в себе еще другое лицо, которое то проявлялось, то снова исчезало. Оно обретало благодаря этому жизнь, и жизнь эту нельзя было назвать ни реальностью, ни просто видимостью. Художник страдал, оттого что не мог разгадать тайну искусства великого художника. И все же он был уверен, что рано или поздно тайна эта откроется ему, ибо он не напрасно носил имя Накашидзе. Ведь слово «накашун» по-арабски означает «художник».

Вато писал портрет Меги. Эта девушка постоянно изумляла его. В ее лице было что-то от портретов Леонардо да Винчи. Ему хотелось передать на полотне ту таинственность, которая временами мелькала на ее лице. Порой Меги казалась ему Мадонной, непорочной девой, так и ожидавшей в своем совершенстве божественной кисти художника. Тогда лицо ее отражало светлую лазурь неба и его неземную гармонию. Наступали минуты, когда девушка была вся охвачена вакхическим порывом. Черты ее лица тогда становились неопределенными, весь облик ее превращался в неотъемлемую часть природы, зловещей, беспощадной и смертоносной. Во взоре художника в такие мгновения отражался страх, и он был не в состоянии писать. Он пытался постичь и зафиксировать ее сущность.

Ему хотелось не только создать ее портрет, но и представить ее на фоне пейзажа таким образом, чтобы природа была лишь ее продолжением или чтобы она сама была воплощенной душой природы. Работал он на открытом воздухе. Вокруг Меги прежде всего должно было быть солнце — осязаемый золотой поток неистощимого огня. И еще: влажность многогрудой земли. Необходимо было присутствие стихий во всей их грубой слепой силе. И в центре всего этого: Меги — воплощенная гармония, лучезарный взгляд слепой природы. Быть может, думал художник, таким образом он откроет для себя другую, пока недостижимую Меги.

Вато работал медленно, с перерывами. И все же картина не получалась. Художником овладело беспокойство. В своем таланте он не сомневался. Так в чем же все-таки было дело? Может быть, причиной того, что мешало ему создать образ этой необыкновенной девушки, был он сам? Он пытался беспристрастно разобраться в самом себе. Он, правда, любил Меги, но любил ее как свою дочь. А что если к его отцовскому чувству примешано еще что-то? На этот вопрос он не мог дать себе определенного ответа; он лишь догадывался, что любил Меги больше, чем дочь. Он вспомнил, что в своем чувстве к Цицино он когда-то тоже чуть было не перешагнул границу дозволенного. Он вспомнил, как боролся с этим чувством, ибо молочному брату подобает любить свою сестру лишь братской любовью. И ему в конце концов удалось побороть в себе вспыхнувшее вожделение. Теперь все повторилось. В его чувстве к Меги вновь заговорила плоть. Но если бы Меги и ответила ему взаимностью, он никогда бы не пожелал осуществления того, что было для него мечтой, ибо прелесть любви для него заключалась в мечте о ней, а не в наслаждении ею. Он боялся вкусить плода с древа познания. При этом он чувствовал, что вожделенная мечта его передавалась девушке, хотя он внешне ничем не выдавал себя. Но Меги всем телом воспринимала чувство художника к ней. Она смущалась каждый раз, когда позировала ему, ибо уже не могла вынести взгляда его разноцветных глаз, уклонялась от него, уходя в себя. Художник заметил, что девушка внутренне противоборст-

вует ему. Он знал, что для той магии, которую требует рождение картины, одной воли художника недостаточно, какой бы стихийной силой он сам ни был преисполнен. Сам прообраз должен для этого с радостью покориться ему. И как раз этого он не мог добиться от Меги.

И вот между художником и девушкой началась непримиримая, хотя до конца и не осознанная борьба. Меги казалось, что ее вот-вот оголят, что хотят проникнуть в сокровенную тайну ее души, хотят выманить, похитить ее из себя самой и увести Бог весть куда. И она постоянно была настороже. Вато делал все для того, чтобы преодолеть сопротивление девушки. Его разноцветные глаза обрели вдруг магическую силу заклинателя змей. Их повелительный взгляд пытался сломить волю девушки. Но Меги не покорялась. Измученная и обессиленная, она ускользала из западни, а потом молча, с сумрачным лицом убегала от художника.

Сегодня она казалась вялой и безучастной, не готовой к борьбе. Вато был рад этому, но желаемые штрихи все же не удавались ему. Меги была рассеяна, как никогда. Вакхически манящее ее юное гибкое тело почти вызывающе возлежало на круглых подушках кровати. Художник, конечно, видел это. Однако занимало его лишь лицо девушки, выражение которого постоянно ускользало от взгляда художника, уходя в бесконечные солнечные дали. Казалось, Меги сама была плодом солнца и дерева, имя которого еще не коснулось человеческого слуха. Художником наконец овладел гнев. Но это не было божественным неистовством творческих мгновений.

СОКОЛ

Неожиданно какой-то всадник въехал во двор. Это был Джвебе. Он приблизился к Меги и Вато, спешил и привязал коня к дереву. Мужчины обменялись приветствиями. Меги встала. Художник отложил кисть. Джвебе подошел к Меги со словами: «Это подарок от моего друга...» Затем он передал девушке сокола. Меги вспыхнула. Ее лицо, еще совсем недав-

но неуловимое в своей неопределенности, обрело вдруг отчетливые черты. Вато украдкой взглянул на нее и вдруг увидел в этих чертах нечто, поразившее его, что-то злое пронзило сердце художника: он впервые почувствовал ревность.

— Какой прекрасный сокол! — сказала очастливленная Меги и погладила птицу.

— Да, он великолепен! — сказал Джвебе. — И к тому же редкой породы. Он бел как снег. А эта полоска вокруг шеи, не напоминает ли она ожерелье?

— Ожерелье, мерцающее, словно мягкий свет луны, — добавил художник, вместе с остальными залюбовавшийся соколом.

— Он попал к нам из Абхазии. Ардзакан Маргания поймал его там, а мой друг Астамур Лакербая стадал целую крестьянскую семью за него.

Художник молчал...

— Разве он не стоит этого? — спросил Джвебе.

Вато и теперь ничего не ответил. Он перевел взгляд с сокола на девушку. Что-то изначально общее связывает обоих, — подумал он. Художник сравнил глаза сокола с глазами девушки. Обе пары глаз были не только похожими, но совершенно одинаковыми. Однако внутренним взором Вато искал того, кто послал Меги сокола. Кто это может быть? Он охотно спросил бы о нем, но сдержал себя. Острое жало ревности вонзилось в сердце художника, но разноцветные глаза не выдали его. Вот, значит, как обстоит дело с Меги, — подумал Вато и опустил голову.

— Все ли дома? — спросил Джвебе девушку. Меги утвердительно ответила на вопрос гостя. Они вошли в дом. Цицино и Меники уже вышли на балкон.

ПОЕДИНОК

Изумрудом переливаются летом мегрельские поля. Кажется, что Черное море вылилось на них из огромной раковины, и волны в блаженном порыве застыли в зарослях кукурузы, а сами поля впитали волнение безбрежного, далекого моря. Солнце изливало себя на кукурузные волны, на стебли, на листья, цве-

тки. Густое кукурузное поле колыхалось и волновалось, словно море.

На берегу реки появляется всадница на кобыле ярко-йодной масти. На левой руке у девушки сидит белый сокол с желтым полумесяцем вокруг шеи. У наездницы и у сокола, сидящего на ее руке, одна и та же гордая осанка. Меги едет вдоль берега реки: она хочет испытать своего сокола. Но нигде не видно фазанов. Вдруг над кукурузным полем взлетела стая птиц. Сокол сразу же напрягся, приготовив крылья к полету. В его глазах цвета темной стали вдруг вспыхнуло пламя. Он был весь готовность. Меги отпустила хищника. Птицы тут же растерянно замерли и с трудом поднялись чуть выше. Но сокол уже парил над ними, совершая размеренные круги. Эти круги становились все уже. Испуганные птицы стали тянуться друг к другу. И вот круг замкнулся в плотное кольцо, согнав птиц в один живой, трепещущий от страха комок. Вдруг сокол взлетел, будто стрела, оттолкнувшись от тетивы, высоко над беспомощным роем, безропотно ожидающим своей участи. Он сделал резкий разворот правым крылом и молнией обрушился на птичью стаю, которая в растерянности рассыпалась в воздухе. Меги была вне себя от счастья. Она забыла позвать сокола, который сейчас все дальше улетал от нее. Когда она наконец свистнула и позвала его, было уже поздно: сокола нигде не было видно. Меги подстегнула лошадь. Ее сердце так сильно забилося, будто сокол вырвался из него. Прошло полчаса, а сокол все еще не возвращался. Меги понурила голову.

На противоположном берегу реки блестела агатовая поляна, в середине которой стоял дуб. Под этим дубом стоял вороной конь. Возле коня спешился всадник, на руке которого покачивался белый сокол. Глаза Меги загорелись от радости. Ее кобыла заржала, и это тоже был крик радости. Сердце девушки ликовало. Однако она молча остановила лошадь и замерла в ожидании. В наезднике она узнала незнакомца. Она смутилась, но не промолвила ни слова. Астамур Лакербая вскочил на коня, перешел вброд реку и остановился возле Меги. Оба хранили молчание. Это были те мгновения, когда все вокруг превращается в музыку. Абхаз передал мегрелке сокола и четко про-

изнес: «Он принадлежит тебе». Не издавая ни звука, будто онемев, Меги приняла птицу из рук Астамура, но и Астамур уже ничего не мог сказать. Могучий джигит вдруг лишился уверенности в себе. Черкеска из тонкого полотна плотно облегла его сильное тело, шелковый башлык был перекинут через плечо. Тетры с красивым узором обтягивали его голени, а ноги обуты в сандалии. От его гибкого тела исходила мощь хищного зверя, мышцы рук и ног его в любое мгновение готовы напрячься для резких движений. Но теперь он был мягок, как свет луны. Он молчал. Меги погнала свою кобылу, а Астамур — своего коня. Абхаз был в чадѹ упоения любовью. Меги чувствовала эту любовь и все же не могла промолвить ни слова. Астамур взглянул на сокола. Слово «сокол» было для него паролем любви, которым он выражал то, что сейчас пылало в его душе. Он начал говорить о соколе. Этот сокол из той редкой породы «капуети», которая линяет в первый раз во время приручения. Затем он рассказал, что при великом Леване Дадиани, правившем Мегрелией в середине XVII века, лишь у правителя было право на обладание белым соколом. Абхаз не переставая говорил о соколе. Этим словом он выражал свою любовь. Меги прислушалась. Слова Астамура пронизали все ее тело. Сокол вдруг захлопал крыльями. Может быть, он — крылатый Эрос? Меги подстегнула свою кобылу. Скоро обе лошади так сблизились в узком проходе между двумя оградами, разделяющими поля, что колени всадников соприкоснулись. Абхаз почувствовал пламя в крови, вспыхнувшее тут же и в теле его коня. Он пустил его сначала рысью, затем перешел в галоп. Кобыла девушки помчалась за ним. Лошади и всадники, словно два живых смерча, неслись по полю в невиданном поединке. Абхаз ни на миг не забывал о том, что в эту минуту он должен был показать, чего он стоит, ибо для него речь шла о жизни и смерти. Он не щадил коня, и конь был доволен седоком. Лошадь девушки мчалась во весь опор. Но на какую-то долю секунды наездница почувствовала, что потеряла привычную уверенность. Может быть, все объяснялось тем, что ее лошадь только-только поправилась? Или смятение души передалось ее телу? Она не отдавала себе в этом отчете.

та. Ее лошадь неслась изо всех сил. Перед ней показался выступ горы, который мог бы быть финишем скачки. Конь Астамура первым достиг цели. Абхаз обернулся, когда прискакала его соперница. Лицо девушки омрачилось. Астамур улыбнулся, как бы заглаживая свою «вину», но улыбка его угасла при виде искаженного гневом лица девушки. Меги отвела лошадь в сторону. Взгляд мужчины застыл. Он долго стоял неподвижно, глядя вслед удаляющейся девушке.

Меги въехала во двор и передала Нау лошадь и сокола, после чего вбежала в комнату и легла на кровать, зарыв лицо в подушку. Бато не осмеливался заговорить с ней. Скоро Меники и Цицино подошли к Меги, но она лежала безмолвно и неподвижно. Няня и мать озабоченно переглянулись. Затем мать вышла из комнаты, а Меники осталась с Меги. Старая женщина пустила в ход все свое искусство волшебницы, словно птички запорхали ее ласковые слова. Девушка лежала как камень. И вдруг под действием волшебных слов камень дрогнул, и няня услышала, как Меги всхлипнула. Старуха нагнулась к девушке и стала что-то ласково нашептывать ей. И вот Меги мало-помалу пришла в себя и рассказала все, что с ней произошло. Меники тихо радостно рассмеялась: «Ах ты глупышка! Ты ведь знаешь, что твоя кобыла слаба лишь на коротких дистанциях! На длинных же она никому жеребцу не даст обогнать себя! Ах ты моя сорвиголова! И не стыдно тебе из-за этого горевать?».

Девушка вдруг повернула к няне заплаканное лицо, и детская радость засияла сквозь слезы: и по-детски радуясь, она спросила волшебницу: «Бабушка, это правда?». Меники нежно погладила гранатовые косы Меги и сказала: «Красавица ты моя!».

БОРЬБА СТИХИЙ

В словах няни была какая-то необычайная сила. Слова эти не выходили у Меги из головы. Она часто выезжала верхом в поле. Что тянуло ее туда? Было ли это желание расквитаться с абхазом или же его лицо притягивало и звало ее. Меги вся отдалась свое-

му новому чувству, ее сердце стало биться сильнее. Но лишь на пятый день она встретила абхаза. В первое мгновение она чуть было не потеряла рассудок от радости, но уже в следующую секунду — замкнулась в себе, как улитка в своей раковине. Астамур приветствовал девушку. Она ответила на приветствие едва заметным наклоном головы. Меги и Астамур поехали рядом. Вдруг конь абхаза шарахнулся при виде большого ежа и встал на дыбы. Взбешенный всадник ударил плетью своего коня, и он понес. Как раз это и нужно было Меги. Она отпустила поводья. Поле было широкое. Через две минуты она нагнала абхаза. Но тот как бы намеренно придержал своего коня, чтобы затем снова погнать его. Разгоряченная Меги мчалась вперед. На пути обоих всадников стояло большое дерево, ветви которого свисали почти до земли. Этой бешеной скачкой девушка бросила вызов самой судьбе. Астамур направил своего коня чуть в сторону от дерева. Меги же летела прямо, как стрела. Она пригнула голову, касаясь шеи лошади, и промчалась под деревом, ветви которого зацепились за прядь ее волос. В ее памяти всплыли волосы Авессалома¹ — Меники рассказывала ей истории из Ветхого Завета. Меги вздрогнула, но уже в следующее мгновение была вне опасности. Джондо снова нагнала своего соперника. Перед косогором абхаз чуть замешкался, но Джондо влетела наверх, не сбавляя скорости. Теперь уже Меги была впереди. Астамур бешено гнал жеребца, но догнать Меги он уже не мог. У подножия горы всадница спешила. Астамур прискакал через несколько секунд. Он проиграл поединок. Девушка сияла от счастья. Скованность ее прошла, и абхаз впервые услышал глубокое звучание ее голоса. Она произнесла несколько слов, которые вывели его из состояния оцепенения. Он улыбнулся и похвалил соперницу. В Абхазии, сказал он, никому еще не удавалось обска-

---

¹ Авессалом — персонаж из Ветхого Завета (Книга Царств). Авессалом славился необычайной красотой и длинными волосами. Однажды во время сражения с рабами Давида, проезжая на муле под дубом, он зацепился волосами за низко свисавшие ветви и повис. Был тут же убит. (Прим. переводчика).

катель его. Он говорил о Джондо, о равнине, о дереве, о косогоре и еще о многом. Но Меги чувствовала, что говорил он о ней, лишь о ней. Все, что он говорил, было только поводом и прикрытием. Меги ликовала. Все с большим упоением говорил абхаз. Но и на девушку нашло упоение. Цветок на ее груди, который Астамур преподнес ей при встрече, источал дурманящий аромат. А может быть, дурман этот исходил не от цветка, а от нового, еще неизведанного чувства? Все сильнее разгоралось в ней это чувство. Она вдруг оступилась и, наверно, упала бы, если б абхаз не поддержал ее. Его руки коснулись плеч девушки. Меги была на грани обморока. И все же она инстинктивно чувствовала всепобеждающее опьянение, в котором, как сквозь призму, различалась борьба элементов разбушевавшейся стихии. Девушка смутно ощущала, что сама представляла собой один из этих элементов, один из полюсов этой борьбы. Ее взор затуманился. Незнакомый доселе шум, напоминающий глухой гул в больших морских раковинах, становился сильнее и сильнее, словно все твердые тела растворялись в нем. Пасти разверзлись. Блеснули оскалы зубов. Огромный вебрь пробивался сквозь бездонную тьму. Земля извивалась, стелая и рыча. Реальная действительность исчезла из памяти Меги. Или же все-таки нечто в тайнике сознания девушки хранило эту действительность, и это нечто было одновременно и выше, и ниже человеческой сущности? Перед землетрясением звери оставляют свои убежища и воют. Лошади беснуются и ржут, быки ярятся и мычат, собаки и шакалы завывают... Нечто подобное этому паническому ужасу промелькнуло перед застывшим взором девушки. Разгорелась извечная борьба полов, первородная схватка между мужским и женским началами, смертельный поединок первоначальных элементов. И одним из них являлась она сама. Это было содрогание перед утратой невозместимого. И все же на несколько мгновений ее охватило глубочайшее блаженство самоотдачи. Она потеряла сознание. Чем же было то неизведанное, что металось, бродило в ней? Когда Меги пришла в себя, абхаза уже не было рядом. Девушка взглянула на Джондо и потупила взор перед красноватыми глазами лошади. Краска еще не испытанного доселе

стыда залила щеки девушки. Неукротимый гнев наполнил ее сердце. Она подошла к Джондо, но подняться в седло не было сил. Разбитая, потерянная, она побрела домой. Лошадь пошла за ней.

Словно сорванный с дерева плод, упала Меги на диван. Она и в самом деле чувствовала, что погибает, погибает, как плод, отделенный от растущего дерева. Цельность ее души была разбита. О, стать бы снова несорванным плодом! Потеряно все! Огонь гнева разгорелся в ее диком теле. Сокол сидел на своем колышке, удивленно глядя перед собой. Резко вскочив с дивана, Меги схватила птицу и... оторвала ей голову. Гнев ее чуть утих. Она снова легла на диван, но все еще никак не могла успокоиться.

В комнату Меги зашла мать и испытующе посмотрела на дочь. Меги молчала. Цицино с ужасом заметила пятна крови на платье Меги. Она огляделась и увидела мертвого сокола. Наверное, это его кровь, подумала мать, немного успокоившись. Но кто же мог оторвать голову бедной птице? Неужели Меги? Невероятно! Предчувствуя недоброе, Цицино позвала няню. Меники не заставила себя ждать. Она ласково обратилась к девушке, но не получила ответа. Меги не спала, она лежала неподвижно, как камень. Если бы, однако, старая волшебница прикоснулась к этому «камню», то ощутила бы своими сухими пальцами конвульсивное биение пульса. Теперь и Меники заметила пятна крови. Цицино показала ей на мертвого сокола. Меники перевела взгляд с оторванной головы птицы на неподвижно лежавшую девушку. Молчание. Меники нагнулась и подняла смятый цветок, лежавший на краю дивана. — Неужели это его дурман? — пробормотала она еле слышно. В ее зеленоватых глазах блеснула злая искорка. В голове многоопытной няни и волшебницы стала вдруг проясняться страшная истина, лицо ее помрачнело. Она медленно подняла голову и посмотрела серьезно и страшно в глаза той, кого она когда-то кормила грудью. И Цицино прочла все в ее взгляде. Внезапно вспыхнувшее бешенство ослепило мать, и лицо ее стало страшным, как топор амазонки.

ТОПОР АМАЗОНКИ

Словно бирюзовая пелена, опускался вечер на землю, делаясь все плотнее и темнее. Издалека доносился, то и дело замирая, шум деревни. С тихим шелестом проснулся лиственный лес. Не появляется ли там феникс на макушке дуба? Нет, полночь еще не наступила. Меники, Цицино и Меги ожидают мегрельскую ночь. Вато с ними. Меги лежит на диване. Она молчит, ни на кого не глядя; так глубоко погрузилась она в раздумье. Меники и Цицино полулежат на ковре, подложив под себя множество мутак. Вато сидит на треногом стульчике. Цицино и Меники уже знают тайну Меги, хотя они пока ни словом не обмолвились о ней. Обе женщины боятся, что художник узнает правду о девушке. Но еще больше они боятся того, что Меги может обо всем догадаться.

Лиственный лес шумит, и множество тысячелетних сказаний роится в нем. Меники рассказывает. На этот раз об амазонках, которые в незапамятные времена жили на этой земле. Они жили сами по себе, — Меники особо подчеркивает это, — и сами выполняли всю работу и в поле, и в саду, смотрели за скотом и лошадьми, к которым были очень привязаны. Самые сильные из них любили охоту и упражнялись в бранном искусстве. У всех амазонок, продолжает Меники, уже в юности выжигалась правая грудь (грудь Меги при этом содрогнулась от боли), чтобы она не мешала им прежде всего при метании копья. Амазонки были вооружены стрелами, топорами, копьями и легкими щитами. Из звериных шкур они изготавливали себе панцири, шлемы и пояса. При слове «топор» Цицино вздрагивает, и ее профиль при этом напоминает узкий лунный серп изогнутого топора амазонок — такой топор хранится в ее доме. Меники ведет рассказ дальше. На два месяца амазонки прерывали обычный ход своей жизни. Они поднимались на соседнюю гору, куда приходили к этому времени и мужчины, жившие неподалеку отдельно. Свершив жертвоприношения, как и требовали того обычая, мужчины и женщины сочетались браком, чтобы зачать детей. Это происходило в темноте, тайно и не по любви. Рож-

денных от такого брака сыновей амазонки приносили потом к границе своей страны, и мужчины забирали их. Каждый мужчина выбирал себе мальчика и воспитывал его как родного, каковым он, возможно, и был. Меники делает паузу. Она любит делать паузы. Она с воодушевлением продолжает: дочерей своих амазонки любили, считая их родственными себе по крови и духу, и воспитывали их с материнской любовью. Но они не кормили своих дочерей грудным молоком. Этого они избегали, сохраняя таким образом грудь сильной для предстоящих сражений. К тому же они делали все, чтобы не изнеживать дочерей. Поэтому они вскармливали их кобыльим молоком и росой, оседающей, словно мед, на речном тростнике. Меники продолжает рассказывать... Кого же она все-таки цитирует? Геродота или Страбона? Ни того, ни другого. Она цитирует самое себя. Эту легенду она когда-то подслушала и слышит до сих пор в шелесте лиственного леса, из которого она когда-то проникла в страну эллинов. В голосе Меники появляется новый, едва уловимый оттенок, когда она в конце своего рассказа сообщает, что среди амазонок были и убийцы мужчин. Они иногда убивали тех из них, которыми завладевали, и душили сыновей, рожденных от них... При этих словах тело Меги содрогнулось, словно укушенное ядовитой змеей. Но профиль Цицино выражал лишь гнев, будто топор амазонки, занесенный для смертельного удара... Меники гасит появившуюся в ее зеленых глазах искорку, но губы ее презрительно улыбаются. Но это делали лишь некоторые из амазонок... — поясняет она. Вато молчит. Ему очень хочется узнать, что означает слово «амордзали» — так Меники называет амазонку по-грузински. Едва заметно, почти шепотом художник выражает свое любопытство. «Ха-ха-ха!» — смеется Меники. Она объясняет это слово на свой лад, всегда допускающий таинственную двусмыслицу. «Амордзали» говорит само за себя. Первоначально это слово звучало так: «амао-рдзали» и означало: «несостоявшаяся невестка». Буква «а» позже выпала и осталось: «амордзали», что означает: «блаженная невестка». Старая волшебница смеется: «Не означает ли «амордзали» одновременно и блаженную, и несостоявшуюся невестку? Ха-ха-ха!..»

Цицино чутьем угадала смысл этих таинственных слов. Меги не вполне понимала их и молчала. Ватс пытался понять объяснение, данное Меники слову «амордзали». Лиственный лес шумел, и в этом шуме роились тысячелетние предания. Меники увлеченно прислушивается к этому шуму и начинает новый рассказ, похожий на тот, который дает Филострат в своем «Герое». «Однажды мореплаватели и корабли, везшие свой товар по Черному морю в Геллеспонт, были выброшены на берег моря, где, по преданию, жили эти воинственные женщины. Амазонки взяли мореплавателей в плен и привязали к яслям конюшен, намереваясь продать их живыми на другом берегу реки скифам-людоедам. Но одна из амазонок прониклась состраданием к одному пленному юноше, и между ними вспыхнуло пламя любви. Эта амазонка попросила свою царицу, приходившуюся ей сестрой, не продавать чужестранцев. Так пленники вновь обрели свободу. Они остались с амазонками и научились говорить на их языке. Однажды, рассказывая амазонкам о шторме на море и о своем приключении, они упомянули и о храме Ахилла, который они видели недавно на острове, и описали его богатства. Тогда амазонки решили воспользоваться тем счастливым случаем, что пришельцы были мореплавателями и кораблями. В их стране росло много деревьев, пригодных для кораблестроения. Они велели мужчинам построить корабли, чтобы переправить на них лошадей по морю и конницей напасть на Ахилла, ибо стоило им спешиться, как они становились такими же слабыми, как и обычные женщины. Для этого они сначала решили научиться гребле. Изучив морское дело, они вышли на пятидесяти кораблях из устья Термодонта¹ и поплыли в сторону храма, до которого было около двух тысяч стадий². Добравшись до острова, амазонки приказали мужчинам срубить деревья, окружавшие со всех сторон храм. Но топоры отскакивали от дере-

¹ Термодонт — мифическое название реки, впадающей в Черное море. Дается в «Мифе об аргонавтах» (Прим. переводчика).

² Стадия — древнегреческая мера длины, колебавшаяся, в зависимости от местности, от 150 до 190 м.

вьев, попадая мужчинам то в голову, то в шею. Так погибли все мужчины. Тогда амазонки сами бросились к храму, громко крича и погоняя своих лошадей. Но Ахилл, грозно посмотрев на них, быстро помчался им навстречу и нагнал на коней такой страх, (как это случилось и при Скамандре, и при Илионе), что лошади, поднявшись на дыбы, сбросили с себя всадниц, словно ненужный груз, а затем в бешенстве набросились на них, топча их копытами. Гривы коней развевались, как у бешеных львов, а уши стояли стоймя. Они начали кусать голые руки поверженных воительниц, разрывали их тела на куски, пожирали их внутренности. Насытившись мясом диких амазонок, кони понеслись вскачь по равнине острова. На крутом берегу они внезапно остановились, увидели широкую синюю гладь, которую приняли за поле, и бросились в море...»

Меники умолкла. Словно свершив священнодействие, она переводила взгляд с одного слушателя на другого. Меги лежала неподвижно, прислушиваясь к тому, что творилось в ее душе. Откуда-то шли к ней незнакомые звуки. Теперь это было похоже на рокот прибоя у коралловых рифов. Она ясно представила себе обезумевших амазонок, скачущих на взбешенных конях. Теперь она отчетливо слышала топот копыт и ржание лошадей. Она увидела грозного Ахилла, вселившего в них ужас. Меги представила себе, как лошади набросились на голые женские тела, кусая их руки и ноги. Девушка вздрогнула. Ее груди затряслись в страхе, что какая-то сила вот-вот вырвет их из ее тела. Меники, Цицино и Вато испуганно переглянулись. Никто из них не мог издать ни звука. Напротив Меги, на небольшом стенном ковре висели различные виды оружия. Был там и странный топор в форме полумесяца. Вато взглянул на Меги. Он увидел ее ноздри, дрожавшие в диком дурмане. Его взгляд скользнул дальше, и вдруг он увидел на противоположной стене этот странный топор.

— Это тот самый топор... — сказал он.

— Топор амазонки... — добавила Меники.

Будто огненная струя, забившая из застывшего камня, бросилась Меги к стене. Она схватила топор и вновь окаменела, погружившись в мрачное, глубо-

кое раздумье. Из глаз девушки глядело безумие. Меники и Цицино насмерть перепугались. Лишь Вато сохранил самообладание. Он ощутил в себе какую-то неведомую силу, спокойно подошел к девушке и обнял ее за бедра. Горячая волна прошла через ее тело. Словно разбуженная сомнамбула, Меги открыла глаза и опустила голову на плечо художника, желая скрыть свое лицо, залившееся краской стыда. Вато поднял девушку и положил ее на кровать. В ее глазах стояли слезы.

«Не сошла ли она с ума?» — вопрошал взгляд Цицино. Меники молча покачала головой.

Одурманенная душа и горячая, дикая кровь, — подумал художник.

МАТЬ

Прошло несколько дней. Меги молчала, полная ненависти и отчаяния. Тихо, как кошка, прокрался Нау в ее комнату. По-кошачьи неслышно приблизился он к Меги и тронул ее за локоть. Меги вздрогнула от испуга. Но когда она увидела направленный на нее кошачий взгляд Нау, гнев и испуг ее сразу же прошли. Нау передал Меги письмо и тут же удалился. Она начала читать. Письмо было от Астамура. Абхаз писал пространно и лишь о любви, о любви к ней: «Твой светозарный взгляд опалил меня. Стан твой, подобный газели, зажег в моей крови пламя. Глаза твои, словно лесные фиалки, очаровали меня. Аромат твоих дивных волос одурманил меня». Астамур писал много и лишь о своей любви, о любви к Меги. Он умолял простить его. Он-де забылся тогда. Какой-то ураган захватил его, некий демон завладел им, ослепил, оглушил его...

...Абхаз просил прощения. Меги еще раз пробежала письмо. В ее глазах появился огонь. Она читала письмо не только глазами. Нет, она вбирала его в себя обостренно, всеми своими чувствами. Она вся превратилась в судорожное биение пульса висков. Меги прочла письмо до конца. Ее одичавшие и оцепеневшие руки вдруг изорвали письмо в клочья. Она надолго

задумалась, нагнулась, собрала обрывки письма, ^{сло-}жив их дрожащими руками, снова принялась ^{читать}. Выражение ее лица немного смягчилось. И тут она услышала чей-то шепот в смежной комнате. Она скомкала клочки письма и прислушалась. Меги смутно догадывалась, что там говорили о ней.

— Нау, ты не знаешь того абхаза, который подарил Меги сокола? — спросила Цицино.

— Да, я знаю его, — ответил раб, — это Астамур Лакербая.

— Разве он бывает в наших краях?

— Бывает.

— И часто?

— Да.

— Как часто?

— В последнее время почти каждый день.

— В какое время дня?

— Примерно за сто локтей до захода солнца.

— Как ты думаешь, он сегодня придет?

— Да, пожалуй.

Цицино замолчала. Вдруг она приказала:

— Оседлай к этому времени моего коня! Приготовь мою черкеску и меч! Ты слышишь?

— Да.

Нау удалился. В глубине его души снова зашевелилась ревность.

Меги испугалась, узнав о намерении матери. Она знала, что Цицино в единоборстве была сильнее и смелее кого бы то ни было. Рассказывали, что она когда-то смертельно ранила одного смельчака. Меги помрачнела. Ее руки все еще сжимали клочки бумаги. Наконец она разжала онемевшие пальцы и с грустью посмотрела на обрывки письма. Они вдруг стали ей дороги. Она тщательно разгладила их рукой и спрятала.

Незадолго до захода солнца Нау подвел коня к дому. Цицино вышла в черкеске. Хотя ее бедра слегка и пополнели, но фигура напоминала фигуру юноши, а черкеска очень шла ей. Волосы женщины были собраны в плотный узел, голова обмотана белым шелковым башлыком. Красивое, но слишком зрелое для юноши лицо глядело из белого шелка. Цицино села на свою лошадь и уже хотела было тронуть поводья, как вдруг перед ней оказалась Меги, которая схватила

лошадь Цицино под уздцы. Девушка и сама в эту минуту была похожа на породистую лошадь.

— Не надо... не надо... — умоляла она свою мать.

У девушки и у лошади дрожали колени. Цицино недоумевала. Но, заглянув в умоляющие глаза своей дочери, она вдруг соскочила с лошади и спросила:

— Значит, ты любишь его?

Меги ничего не ответила. Она молча отошла от матери.

Да, она любила его.

ВСТРЕЧА

Астамур был здоровым и сильным мужчиной. Любая рана быстро заживала на нем, стоило лишь покрыть ее закопченной паутиной — так мощно и дико кипела кровь в его жилах. Но рана, которую нанесла ему Меги своим высокомерием, никак не заживала... Он сожалел теперь, что овладел тогда девушкой. Но разве он в тот миг мог сдержаться? Он чувствовал, что погубил что-то в девушке. Сегодня уже седьмой день, как он написал ей письмо, а ответа не было! Да это еще куда ни шло. Джвебе рассказал ему, что Меги оторвала голову соколу, которого он подарил ей. А ведь сокол этот был крылатым символом трепета его сердца... День за днем он бродил после захода солнца в этих местах, надеясь встретиться с Меги. Но Меги нигде не показывалась. И сегодня он в который раз выехал туда верхом, унылый, разбитый. Над Рионской низменностью благоухало небо. Ни звука не доносилось из крытых камышом домов, стоявших на склонах, в низине, в лесу и на берегу реки. Это были низкие, маленькие домики, похожие скорее на невзрачные хижины. Тяжелые буйволы уютно отдыхали в лужах, равнодушно жуя жвачку. Совершенно подавленный ехал Астамур на своем коне. Конь едва ощущал на себе ездока. Что-то было в абхазе сломлено, воля его притуплена и подавлена. Погруженный в глубокое раздумье, он не слышал хруста песка под копытами коня. Он потерял всякую надежду увидеть

Меги. Лишь вера в какое-то чудо гнала его каждый раз к этим местам.

На повороте дороги у могучего дуба вдруг показалась девушка. Может быть, это Меги? Мощная волна радости внезапно обдала Астамура. Конь остановился. И девушка остановилась, низко склонив голову. словно сорванный плод была она, словно спелое семя, брошенное на произвол всемогущей судьбы. Ее гневно-кроткий взгляд выдавал бурю, разыгравшуюся в ее душе. Жеребец Астамура стоял как вкопанный. В одно мгновение мужчина почувствовал, что настал его звездный час! Но конь его не двигался с места. Может быть, оцепенение передалось ему от всадника. Впервые в своей жизни абхаз испытывал состояние ничем не преодолимого душевного разлада. Пойти ей навстречу? И тут же молнией сверкнула мысль: если конь посмотрит направо, я пойду. Но конь Астамура повернул голову налево. Глубокое уныние овладело джигитом. Его воля была парализована. Конь его оставался на месте, беспрестанно фыркая. Астамур украдкой посмотрел в сторону девушки. Но Меги уже не было на прежнем месте. Она ушла. Может быть, поскакать за ней? Попытаться догнать ее? Но куда делось его мужество, его смелость? И Астамур проклял свою нерешительность, которой, как ему казалось, он никогда до сих пор не испытывал.

ШЕПОТ

Меги пошла к своей подруге Бучу.

Если бы Астамур приблизился к ней, она, возможно, выслушала бы его. В течение последних семи дней она немного успокоилась. Но всадник не сдвинулся с места, а ей стало невмоготу ждать, и она ушла... Меги на ходу сорвала цветок, смяла его в руках и вдохнула дрожащими ноздрями его аромат. Она шла к подруге, сама не зная зачем. Она казалась себе цветком, с корнем вырванным из оберегавшей ее родной земли. Девушка бессознательно делала шаг за шагом. Что ей нужно было у подруги? Рассеяться или поведать Бучу свою тайну? Этого она и сама не знала. Она

стала угрюмой, мрачные мысли одолевали ее. Исчезла лучезарность ее больших красивых глаз.

В это же время Меники и Уту стояли за сараем, таинственно перешептываясь. Недалеко от них сидел Вато. Он не прислушивался к их разговору, но отдельные слова доходили до его слуха. Вокруг никого не было видно. Они говорили о какой-то восковой фигурке. Уту сказал что-то, из чего Вато разобрал лишь слова: «волосы» и «имя». Художник старался не прислушиваться к шепоту волшебницы и исцелителя животных и очень обрадовался, когда увидел идущую к нему Меги. Он был рад ей не только потому, что любил ее, но и по той причине, что мог заговорить с ней и не быть в роли невольного подслушивающего чужой разговор. Меги приблизилась к нему.

— Ты здесь, Вато?

— Меники тоже здесь.

Шепот за сараем прекратился. Вато испытующе посмотрел на Меги. Дикое выражение ее лица исчезло, легкая печаль была на ее девичьих устах... Полуоткрытые веки хранили какую-то тайну. Художник знал это. Он долго молча смотрел на девушку.

— Ты не знаешь, где Бучу? — спросила Меги.

— Ее кто-то пригласил к себе, — ответил Вато.

Шепот за сараем возобновился. Художник взглянул на ухо девушки. Оно совершенно, как морская раковина, — подумал он. Из-за сарая продолжали доноситься отдельные слова: «Главное — имя, настоящее имя...» и затем: «Да, и не забыть шрам на носу...»

Девушка задрожала всем телом. В этой дрожи было что-то от приглушенного крика орла, ужаленного змеей. Вато недоумевал...

Подошла Меники.

— Ах, Меги, и ты здесь? — Голос волшебницы звучал неестественно. Меги ничего не сказала ей в ответ.

Меники, Вато и Меги пошли вместе домой. Меги глубоко задумалась, прислушиваясь к биению своего сердца.

Брови — грозовые тучи, глаза — молнии, кой была Меги. Все ее существо дышало волнением. Принуждаемая некоей таинственной силой, она прислушивалась к бушевавшему в ее душе бунту, а к ней самой прислушивался Вато. Он стал о многом догадываться. То, что до этого носилось в воздухе, постепенно сложилось в его представлении в законченное событие. Умерщвление сокола, подаренного абхазом, безумно раскрытые глаза Меги, ее бешенство и странное смятение, охватившее ее, перешептывание Меники с заклинателем Уту, бессвязные слова: «волосы...», «имя», «восковая фигурка...», испуг Меги, услышавшей слова: «шрам на носу...» — все это сложилось в сознании художника в законченную картину. У абхаза был шрам на носу. Это сказал ему Нау. Итак, эти бессвязные слова относились к Астамуру. Испуг Меги говорил о том, что ее что-то связывало с абхазом. В конце концов это, ведь он подарил ей сокола. Но этому соколу она оторвала голову. А это значит, что между Меги и Астамуром произошло что-то непоправимое. Вато попытался дать своим мыслям более определенное направление. Перешептывание Меники и Уту, подумал он, должно, по-видимому, означать приготовление к какому-то колдовскому заговору. Вато взглянул на Меги. Ему хотелось прочесть в ее почти зримо пульсирующих жилах произнесенные слова ее тайны. Но он ничего не сказал.

Ночью мысли его приняли другое направление. Три слова составляли самое существенное в таинственном диалоге волшебницы и заклинателя: слово, имя, образ. Вато задумался. Смысл слов, произнесенных Уту, никак не раскрывался ему. По звучанию они были похожи на мегрельско-грузинские слова, но смысл их был иной, чем в родном языке Вато. Они происходили скорее всего от какого-то несуществующего языка. Художник воочию убедился, какое действие эти слова оказывали на животных. В них была некая первобытная сила. Заклинатель явно произносил слова не из родного языка. Может быть, это объяснялось тем, что слова родного языка с течением

времени утратили свою первоначальную силу? И вдруг ему пришла в голову мысль о том, какое слово могло быть впервые произнесено людьми. Вот, к примеру, грузинское слово «ситква», имеющее одновременно следующие три значения: «слово», «плен» и «овладение». Можно представить себе тот момент, когда это слово впервые вырвалось из хаоса и присоединилось к бесконечному ряду творческой эволюции. В то доисторическое время это слово, по-видимому, обладало подобной стихийной силой, — подумал художник. В первоначальном слове непременно должна проявляться первоизданная сила земли. Более того: оно, вероятно, само по себе есть не что иное, как космический знак, запечатленный в ряде звуков. Язык первоначальных слов обладает магической силой, воздействующей на элементы, подчиняющей их себе и, возможно, даже видоизменяющей их и создающей новые. Так же слово обладает материальной силой. Так размышлял художник. На этом языке, наверно, говорил первобытный человек, первенец Земли. Мысли Вато пошли дальше — от первоначального слова до слов заклинаний и чародейства. Этим последним свойственна такая же сила, как и первоначальным словам. Это было известно вавилонским жрецам и халдейским мудрецам. Их слова были самобытны, таинственны, заряжены животворной силой. Разве не был Уту, маленький, невзрачный Уту, живым отростком этого доисторического древа. Слова этого древа — живые корни, оказывающие непосредственное воздействие. И тот факт, что они воздействуют на животных, именно на животных, и есть неоспоримое доказательство того, что первоначальный язык когда-то имел власть над стихией.

Художник всю ночь размышлял. Думал он и о таинственном слове «имя», в котором заключается какой-то свой, особый образ, свой собственный облик. В «имени» слово обретает свою личность, свою оригинальность и неповторимость. Вато снова вспомнил те слова: «Имя, настоящее». Он размышлял: в Мегрелии один и тот же человек может иметь несколько имен. Почему? До сегодняшнего дня он не задумывался над этим. Шепот Уту многое открыл ему: «Имя, настоящее...» Итак, существует и ненастоящее

имя? Но для чего оно, если существует **настоящее?**
Долго, долго думал Вато об этом. Из непроницаемой туманной завесы всплыли обрывки древнеегипетской магии, нашедшие каким-то непостижимым образом путь в страну колхов и осевшие здесь в живом народном предании. Древние египтяне ясно сознавали, что «имя» означает саму личность. «Я — Гор, воскресивший своего отца Осириса. Я творю сотворившего меня. Я создаю создавшего меня. Я дарую жизнь имени того, кто даровал мне жизнь». Вато не сомневался, что в этом изречении слово «имя» употреблено в значении «личность». О каждом усопшем, вступающем в блаженство воскресения Осириса, в священных текстах говорится: «Да расцветет имя почившего, как расцветает священное древо, как произрастают колосья из тела Осириса». «Да расцветет имя» — эти таинственные слова даны в начале многих папирусов, найденных в гробницах. «Даровать жизнь имени» означало оживить «личность» и, наоборот, уничтожить «имя» означало хоронить «личность». Существовал обычай искоренять имена приговоренных к смерти или впавших в немилость. Но забвению предавались не только имена людей. Так Аменхотеп IV восстал даже против бога Амона и его культа. Прошлое увековечило имя Амона на тысячах памятников. Но Аменхотеп беспощадно искоренял его имя. На стенах зданий, на колоннах и гробницах — всюду истреблялись осужденные иероглифы, причем не только те, что обозначали имя Амона, но и те, которые упоминали его царственную супругу Мунту. Искоренить имя означало убить душу, поразить таинственного двойника. Древние египтяне верили в это. Вато продолжал размышлять. Теперь только он начал постигать смысл бессвязного бормотания Уту: «Имя, настоящее имя...» Не подлежит сомнению, что в настоящем имени отражена личность человека. Другие же имена, неподлинные, служат лишь прикрытием, ширмой или щитом для личности. Подлинное имя ведомо лишь его обладателю и его близким. Тесный, интимный контакт с человеком возможен лишь для тех, кто знает его сокровенное имя. Знающий имя проникал и в святая святых личности. Третьему лицу не дано было знать имен,

которыми обменивались, например, любящие. Выдать свое имя означало лишить себя твердой опоры...

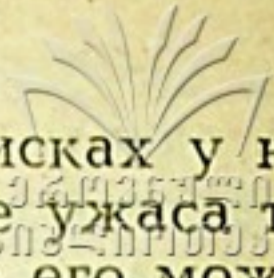
Все эти мысли с быстротою молнии пронеслись в голове художника... Шепот Уту: «Узнать настоящее имя» — показался ему подозрительным. Не хотел ли он узнать имя абхаза? Но для какой цели? Может быть, он собирался причинить вред обидчику Меги? Он вспомнил слова: «Восковая фигурка». Кого же должна была изобразить эта восковая фигурка? Может быть, все того же Астамура? Вато не на шутку испугался. Ведь он был художником, то есть творцом живого. Почему же его утратила мысль о восковой фигурке? В его воспоминании снова всплыли старинные предания. Каждая душа — так думали древние египтяне — имела своего двойника. Изображением двойника обнажалось его физическое тело. Высеченный в камне, двойник не мог освободиться. Чтобы вернуть ему свободу, нужно разбить статую, то есть каменное тело. Вато опять вздрогнул. Он думал о ритуале из мученичества Осириса. Как рассказывает Диодор, Исида оживила один за другим куски изрубленного бога так, как она их нашла: каждый отдельный кусок она покрыла формой, изготовленной из воска и благовоний, равной по величине Осирису. Это был магический способ воссоздания изображения бога: мнимое тело, прикоснувшись к заключенным в нем кускам настоящего тела, обретало реальность. Вато вдруг стало не по себе. Он был художником, но в подобных вещах он ничего не смыслил, они даже пугали его, создавая сумбур в голове. Его стали терзать сомнения. Он, правда, инстинктом чувствовал внутреннюю сущность «слова». В какой-то мере постиг он и сокровенный смысл «имени». «Слово» — наидревнейшее выражение вещи; «имя» — космический лик явления. Он вдруг понял, в чем состояло магическое действие великих поэтических творений человечества. Он вспомнил первые главы Книги Бытия, фрагменты вавилонского эпоса, надписи на гробницах египетских фараонов и мидийских царей. Ему пришли на ум некоторые места из «Илиады», а также стихотворение Гете «Горные вершины». Во всех этих и других великих произведениях была магия слова и имени. Но скрытый смысл формообразования художник пока не постигал. После того

как он услышал шепот Меники и Уту о «портрете», его охватил неосознанный страх за судьбу своего собственного произведения искусства: может быть, у него получалось изображение лишь двойника светловолосой девушки? Весь этот день прошел, как сон наяву.

На следующий день Вато поехал в родную Гурию, взяв с собой начатый портрет Меги. Перед художником простирались поля, погруженные в тоскливую дремоту. Земля была вся пропитана росой. В душе Вато горела неутоленная тоска, похожая на застрявшую в ране стрелу. Все навязчивее, все мучительнее становились вопросы, которыми он задавался: «Что есть портрет? Что есть изображение?..». Вато не мог постичь сокровенную тайну изобразительного искусства. Но в глубине души он сознавал, что здесь, именно здесь крылась разгадка тайны настоящего портрета. На всем пути к дому он размышлял, и мысли уносили его все дальше и дальше.

ОНА ЛЮБИТ

Меги осталась одна в доме. Цицино поехала к княгине Дадиани, чтобы похлопотать за одного юношу, которого дворянин Угая хотел продать туркам. Нау сопровождал ее, радуясь, что хоть в пути будет рядом с возлюбленной «амазонкой». Меники пошла в гости к Одишария. Она, возможно, решила еще раз поговорить с заклинателем зверей. Прислуга находилась в просторной «сахли» — людской. Итак, Меги была одна в доме. Она тихо открыла дверь в комнату Меники и вошла в нее. В углу висела икона скорбящей Божьей Матери, увенчанная ветками вербы. Паук начал плести свою сеть в этих ветках. Богоматерь смотрела печальным, таинственным взглядом на стоявшую перед ней девушку. Меги опустила голову. Вдруг она заметила под иконой что-то странное, чего она раньше не замечала на этом месте. Она нагнулась и подняла с пола небольшую восковую фигурку, обвитую терном. Внезапный страх пронизал ее. Она стояла, не шевелясь, с искаженным от испуга лицом. На носу у маленькой восковой фигурки был шрам. К

своему ужасу, она сразу все поняла. В висках у нее бешено стучало, руки дрожали. Выражение ужаса так четко запечатлелось на ее юном лице, что его можно было отлить в металле. Она стала торопливо вытаскивать шипы, вонзившиеся в восковую фигурку, но следы от них, словно раны, остались на ней. Воск был еще мягким, и девушка дрожащими руками разгладила его. Меги, конечно, поняла, что этот безобразный кусок воска изображал Астамура. Что делать? Выбросить его, чтобы отвратить колдовство от живого прообраза? Но если кто-нибудь найдет эту фигурку и по неведению или же случайно причинит вред человеку, которого она изображает? Измять воск? Но это значило бы убить Астамура. Дрожа всем телом, вышла Меги из комнаты Меники. Восковую фигурку она взяла с собой.

Ночная мгла поглотила фиолетовые тени вечера. Меники вернулась. Войдя в свою комнату, она в тот же миг заметила исчезновение восковой фигурки. Лицо ее омрачилось, но ненадолго, ибо она тут же обо всем догадалась. Она зашла в спальню Цицино. Там в углу стоял сундук Меги, в котором девушка хранила всевозможные обрезки из сукна, парчи и другой материи. Пока Меги говорила с прислугой во дворе, старая волшебница набрела на верный след: открыв сундук, она увидела там восковую фигурку, которая была уже обвита не шипами терновника, а благоухающими цветами. Меники улыбнулась: она все поняла и закрыла ящик.

Приехала и Цицино. Няня и мать Меги были вдвоем.

— Ну, обещала княгиня помочь тебе? — спросила волшебница.

— Да, она обещала мне.

— А какие новости при дворе?

На этот вопрос Меники Цицино ничего не ответила. Она задумалась.

— Ты видела там кого-нибудь? — снова спросила Меники.

Этот вопрос вернул Цицино из забытья. В ответ она протянула:

— Да-а-а...

— Кого?

— Того... Абхаза...

— Того, со шрамом на носу?

— Да.

Меники разглядела на лице Цицино прилив нежной радости. Она прикусила губу, сдерживая улыбку.

— Ну и что?.. Он тебе понравился?

Цицино промолчала. Прилив радости на ее лице превратился в багровый гнев. Няня опустила голову. Наступило гнетущее молчание. Вдруг Меники сказала:

— Мне кажется, Меги любит абхаза.

Цицино насторожилась. Няня встала, подошла к сундуку Меги и, улыбаясь, обратилась к Цицино:

— Взгляни, пожалуйста!..

Цицино подошла к сундуку и увидела лежащую в нем восковую фигурку.

— Ну, что скажешь? — спросила Меники.

— Это, наверно, колдовство? И это сделала ты? — строго спросила Цицино.

— Ну да, я... мне хотелось освободить Меги от него.

Цицино молчала.

— Как видишь, она любит его... — улыбнулась волшебница, указывая морщинистыми пальцами на цветы.

— Это я и так знала, — ответила Цицино.

Няня была немало удивлена.

СМЯТЕНИЕ

Цицино, однако, знала еще больше. В душе ее что-то начало буйно разрастаться, будто какое-то дикое вьющееся растение пустило там корни. Нау ощущал это еще сильнее, чем она сама. Когда Цицино вышла из замка княгини, он жадными глазами ощупывал ее лицо, похожее на отражение в изумрудной воде. С проницательностью ясновидца безнадежно влюбленный раб тут же заметил сильное смятение чувств, отразившееся на боготворимом им лице. В замке были гости из Кахети, Картли, Имерети, Сванети, Гурии и Абхазии. Цицино, наверное, увидела там кого-то, кто запал ей в душу, — подумал Нау. Когда он помог ей подняться в седло и его правая рука коснулась ее те-

ла, он уже не сомневался: ее душа была в смятении. Они ехали молча. Цицино не хотела говорить, а Нау не осмеливался нарушить молчание. Как счастлив он был, когда они ехали из дому в замок! Цицино была тогда весела, говорила с ним, шутила и даже бросила ему несколько взглядов, осчастлививших его. Теперь же она была холодна и неприступна. Если бы в эту минуту Нау спросил себя, принадлежала ли эта женщина ему хоть когда-нибудь, он не смог бы ответить на этот вопрос — такой далекой и странной, такой незнакомой была теперь Цицино. Нау попытался вспомнить всех гостей княгини, которых он видел. Больше всех его волновал абхаз со шрамом на носу. И, как оказалось, — не напрасно. Когда Цицино говорила с княгиней, другие гости отошли в сторону, тихо беседуя. Он сразу узнал абхаза по шраму. Еще больше бросался в глаза хищный взгляд его зеленых глаз. Весь его облик напоминал какого-то дикого зверя. Увидев его, Цицино вздрогнула. Каждый раз, когда она испытывала эту дрожь, она знала, что мужчина, стоящий перед ней, подчинится ей в любви. Но на этот раз произошло нечто удивительное: когда она была представлена и он услышал ее имя, лицо хищника мгновенно преобразилось, будто нежность, подобная мягкому лунному сиянию, вдруг разлилась по нему. Цицино была изумлена: абхаз же недоумевал еще больше, ибо он нежданно-негаданно увидел перед собой Меги, ставшую зрелой женщиной. Лишь волосы Цицино с темно-фиолетовым отливом отличались от волос дочери. Астамур смотрел на Цицино и видел в ней Меги. Нежное сыновнее чувство пробудилось в нем к этой женщине. Ему хотелось положить голову ей на плечо и поцеловать ее, как целуют красивую мать красивой возлюбленной. Он стоял перед ней смущенный. Что смутило его? Может быть, он вспомнил, что Меги убила его сокола? Мать Меги скорее всего знала об этом, — подумал он. Под строгим взглядом Цицино Астамур побледнел. Они не сказали друг другу ни слова, но нервы их были так напряжены, что они и без слов все чувствовали и понимали. Но чувство женщины было беспорядочнее — оно, как лиана, разрослось в ее душе. Молодой абхаз нравился ей. Взять, взять его себе, заставить любить себя! — по-

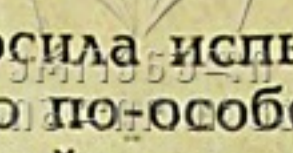

думала она. И тут Цицино представила себе дочь, ее глаза, которые она будила поцелуем; и в душе ее зашевелилось сострадание, острая тоска пронзила ее материнское сердце. Но Цицино тут же пришла в себя. Ну и что ж?.. Пусть моя любовь будет мезтью за дочь, за поруганную честь моей дочери... А что если Меги любит его? Цицино снова задумалась. Она вспомнила, как Меги удержала ее тогда, когда она по примеру амазонок намеревалась вызвать молодого абхаза на поединок... Может быть, она по-настоящему любит его!.. Сердце Цицино сжалось под приливом материнской любви... Когда няня показала ей восковую фигурку, которую Меги обвинила благоухающими полевыми цветами, она уже не сомневалась: Меги любит Астамура. Цицино содрогнулась. Но в этом содрогании она впервые, правда, лишь на одно мгновение, увидела в своей дочери соперницу в любви. От наметанного взгляда няни на сей раз ускользнуло это мгновение.

СНАДОБЬЕ

Меги сидела под раскидистым ореховым деревом, отдавшись магии полудня. Девушка созревала, как плод. словно зародыш, проросший из семени, тихо росло беспокойство в ее теле. Она глядела на беспредельную ширь, на которой, точно мякоть ананаса, разливалось золотом солнце. Вокруг дары плодоносящей земли. Меги сама была одним из этих даров. Ее ноздри раздувались, жадно втягивая терпкий аромат земли. О чем она думала? Она сама, пожалуй, не знала этого. Ее мысли, словно черные тени, скользили по воде. Возможно, в крови ее зарождалась догадка, которую сознание ее еще не было в состоянии осмыслить? Что-то неопределенное, будто безмолвный, угрожающий рок, кралось к ней. Меги встала и пошла дальше в поле. Ее взгляд упал на ярко-красные чашечки цветков. Она вздрогнула всем телом, почувствовав в себе что-то совершенно ей не знакомое. Так, наверно, прорезается первый зуб. Но Меги знала, что это был не зуб. Вялой, утомленной возвращалась она домой. Во дворе она встретила с Меники.

В последнее время Меги с трудом выносила испытующий взгляд волшебницы. Меники как-то по-особому разглядывала девушку, словно хотела найти ключ к какой-то тайне. В такие минуты старая женщина терпела фиаско в борьбе со временем. Предательские морщины начали проступать на ее лице: оно стало походить на разделенный на пятьдесят ячеек глиняный отпечаток печени, который вавилонские прорицатели использовали в своем искусстве в качестве вспомогательного средства. Может быть, мозг этих вавилонян уже уподобился тому бороздчатому отпечатку, ибо он весь был пропитан прорицанием и волшебством. Меники следила за каждым движением Меги. На этот раз она заметила, что девушка немного успокоилась. Словно тени, мелькали подозрительные желто-красные пятна на ее лице. Это не могло, конечно, ускользнуть от внимания старой няни. Она заметила еще что-то новое: ее подопечная стала привередливой в еде, даже капризной. Нрав ее стал неровным, нетерпимым, нелюдимым. Подозрения Меники скоро перешли в уверенность. Теперь же при виде Меги рассеялись ее последние сомнения: все ее тайные догадки окончательно подтвердились.

Вечером няня принесла Меги настой, приготовленный из сока растения карцили. Так же, как и месопотамская финиковая пальма, это растение двуполо. Корень его белый, а из лепестков—красные мужского, а белые женского пола. Меги узнала настой по его цвету и испугалась. Она как-то видела смертельно-бледное лицо крестьянки, выпившей этот ужасный напиток.

— Пей, не бойся! — шепнула ей волшебница.

— Ни за что! — крикнула Меги.

Лицо Меники помрачнело. Не сказав ни слова, она вышла из комнаты.

Меги дрожала от страха. Ей казалось, что прикосновение чего-то ужасного околдовало ее. Взглядом, полным гнева, посмотрела она вслед старой волшебнице. Ее тело уже знало, что зачало. Настой, приготовленный Меники, был, конечно, тем средством, которое убивало плод. Кровь девушки заволновалась, опьяненная неведомой тревогой, в которой шевелилась незнакомая, крохотная, почти ничтожная радость.

Вато своим близким всегда казался странным. После возвращения из Мегрелии эта странность его усугубилась. Он отрастил длинные волосы и почти ни с кем не говорил, разве что с самим собой. На все замечания или вопросы окружающих его людей он отвечал несокрушимым молчанием. Да он, собственно, никого уже и не замечал вокруг себя, прислушиваясь лишь к своему внутреннему голосу. С тревогой следил отец за превращением сына. Могучий, строгий старец боялся, что разум сына может помутиться. Разве его рваная одежда и чрезмерное пристрастие к молитве не были первым признаком помешательства? Однако он знал, что на чистом теле сына было свежее белье. Это немного успокаивало его. Князья и дворяне, жившие по соседству, не любили Вато. Его свободный, независимый дух не позволял им сблизиться с ним. Особенно странным показалось им его отношение к одному общепринятому в тех краях обычаю. Правящие князья Гурии издавна справляли на второй день Нового года особый праздник. В этот день князья и крепостные менялись ролями. Крепостные в качестве князей приходили к настоящим князьям, которые прислуживали им весь день, как подданные, щедро угощая их. Устраивался роскошный пир: крестьяне пировали, а их хозяева становились их слугами. Этот обычай был заимствован и некоторыми другими князьями, в том числе и отцом Вато. Вато так понравился этот праздник, что он выразил горячее желание, чтобы он отмечался хотя бы десять раз в году. Отец находил, что это уж слишком. Обычно сдержанный, он на этот раз вспылал. Когда Вато увидел разгневанное лицо отца, он потупил взор, и оба с тех пор не говорили об этом предмете. Но соседние князья и дворяне, узнав о желании Вато, были немало удивлены, считая, что Вато сошел с ума. Крестьяне же любили его. Но доверием к нему они так и не прониклись, ибо боялись его разноцветных глаз. Особенно женщинам он внушал страх своим странным взглядом.

Вато много рисовал, а в свободное от рисования время читал. В эти часы он не оставался дома, а ухо-

УДК 82(075)373.01

913.02(075)373.01

дил с книгой в поле и устраивался в тени ~~какого-ни-~~ будь дерева. То, что его по-настоящему занимало, были фрагменты из греческого, вавилонского, иранского, грузинского и индийского эпосов. Но чаще всего он читал Библию. Он любил также приручать птиц, заставляя их сидеть на шесте, хлопать крыльями, заманивал коршунов и соколов в сети. У него всегда было множество пернатых, и он, казалось, понимал их язык. Из-за этого его пристрастия к нему тянулись дети, не боясь его разноцветных глаз. У Вато была еще одна, совершенно особая страсть: он любил камни, обожал их, как вавилонянин, и был счастлив, когда ему удавалось найти какой-нибудь камень с древней надписью. Он часто бродил по полям и лесам и уходил в горы. Иногда казалось, что он живет не во времени, а парит над ним. Он часто ни с того ни с сего останавливался, сам не зная почему. Тогда его взгляд терялся вдали. Мысли его текли, как глубокие, подземные течения, унося его с собой. В такие часы он жил лишь грезами и видениями. Дерево для него вдруг могло превратиться в животное, а животное — в камень. Перед его внутренним взором всплывали фантастические изображения древних египтян и вавилонян, индусов, персов и грузин: крылатые четвероногие животные, птицы с телами зверей, чудища с головами змей. Что же это такое? — спрашивал он себя. Ведь таких существ на самом деле нет! Мысль его развивалась так: а кто знает, может быть, все явления в своей первоначальной сути едины? Может быть, их множественность лишь мнимая, и они как раз поэтому переходят друг в друга? И разве не именно на этой основе возникают фантазмагии?

Вато размышлял об обычаях некоторых диких племен, избравших волка тотемом, прародителем человека. Не объяснялось ли это тем, что для них грань между человеком и волком еще была неопределенной, так как в их представлении одно существо переходило в другое? Ведь иначе это просто невозможно себе представить. При этих мыслях у Вато сильно билось сердце и, он, словно из глубокой шахты, выходил из недр странных ощущений, грозивших поглотить его. Он пугался собственных мыслей, но они были навязчивы и возвращались снова и снова. Первому челове-

ку было ведомо это первоначальное существо: оно обитало в нем как пра-знание, но тысячелетия стерли, притупили его, и лишь на немногих древнейших памятниках человечества еще сохранились его следы, выразительные, как идолы каменного века. Так думал художник или что-то в нем думало так. От произведений изобразительного искусства он перешел к литературным памятникам. Он начал глубоко постигать смысл метафор, парабол, притч. То, что они выражают, и есть действительность; и говорят они прежде всего о единстве явлений в своих первоисточниках. После возвращения из Мегрелии Вато все больше предавался этим размышлениям. Он чувствовал, что окружен витающими над ним образами. Среди этих образов была и Меги, которая, как ему казалось, заключала в себе все остальные. Образ Меги, постоянно парящий над ним, стал частью его души. Однажды, когда он вышел в поле, его внимание приковала мощная скала. Совершенно случайно он взглянул на свои руки, и взгляд его задержался на них. Вдруг пальцы его показались ему немymi существами, каждое из которых обладало своим собственным взглядом, улыбкой, кивком. Вато содрогнулся. Его взгляд скользнул по скале, и на долю секунды его осенило: этот камень — ты сам. Вато окаменел от этой мысли и лишь с трудом ему удалось выбраться из глубины своих размышлений на поверхность действительности. Но такие мгновения повторялись все чаще и чаще, и он постепенно стал привыкать к их необычности. С каждым разом он все внимательнее наблюдал за тем, как растворялось его «я» в вещах, и ему в конце концов открылось то, что до сих пор было тайной: он не вполне растворялся в другом, а от него как бы оставался новый лик, почти телесный и все же неосязаемый и невесомый. Эта мысль опять-таки лишь на долю секунды посетила его. Смутная, неосознанная тревога охватила художника. Он что-то читал об «оболочках» Демокрита и об «эйдолоне» Пиндара. Не было ли то, что оставалось в нем после саморастворения в вещах, той «оболочкой», тем «эйдолоном», наподобие того, как двойник сохраняет телу непреходящее существование? Эта мысль поразила Вато, и он побледнел. И вдруг он вспомнил о восковой фигурке.

Его мозг заработал с невероятной силой. А что, если именно это изображение должно передать «двойника»? Он начал строить разного рода догадки, но не мог воплотить их в мысль. Он чувствовал себя разбитым, как эпилептик после припадка.

От восковой фигурки мысли его перескочили к портрету. Лишь теперь он начал по-настоящему вникать в тайну искусства Леонардо да Винчи: лик в лике. Может быть, тот таинственный лик, который просвечивает сквозь картину, и есть «эйдолон» изображаемого? Теперь уже горело не только сердце Вато, в котором жил образ Меги, но горела и его десница в радостном стремлении воплотить этот образ в зримом, осязаемом портрете. Слабое тело Вато теперь наполнилось сверхчеловеческой силой. Его потянуло к материалу. Ему хотелось своим прикосновением оживить его. В каждой вещи, опаленной небесным огнем, он видел камень, в котором, по религиозным представлениям вавилонян, обитает звериный бог. С помощью того же небесного огня, который Вато ощущал теперь в себе, он жаждал вызвать из камня небесное существо. Теперь художник понимал Авраама из Ветхого Завета, поклонявшегося в лице халдейского тура такому камню. Нет ничего более единого на этом свете, чем такое представление. И вот Вато стал камнепоклонником. Ему не терпелось высечь образ Меги из такого камня. Но ведь он был лишь художником, а не скульптором, и ему стало грустно.

Вато был словно одержим. Он раздарил детям всех своих птиц, оседлал коня и поехал в Мегрелию. Обычно тщедушный, он вдруг превратился в настоящего джигита. Вихрем мчался под ним его конь, вихрь был и в горячей голове седока. Сверхчеловеческие, демонические мысли зарождались в его мозгу, рассыпаясь, как искрящийся «звздопад» в день Святого Лаврентия. Конь скакал к реке. Голова Вато пылала. Конь бросился в бурный поток Риони и в считанные секунды пересек реку. Вато поднял глаза и увидел голубое небо. Шум реки, который нес с собой что-то первобытное, остался позади. Словно гул первого после сотворения мира дня, дошел этот шум до слуха художника, ставшего по-звериному чутким. В то же мгновение молнией сверкнула мысль: вызывая звезд-

ного бога из материи, он сам становился богом, почти богом. Это длилось не более мгновения. «Молния» была настолько сильной, что Вато не смог додумать мысль до конца. На берегу реки он упал с коня. Крестьяне, работавшие в поле, побросали мотыги и поспешили к нему на помощь. Из уголков рта Вато текла отвратительная слюна, а из левого виска сочилась темная кровь.

— Солнечный удар! — сказал один из подбежавших крестьян.

— А может быть, и падучая, — возразил ему второй. Крестьяне подняли Вато и положили его в тень орехового дерева. Художник скоро пришел в себя, и к нему стали возвращаться обрывки мыслей, как бы прерванные тысячу лет тому назад. Конь Вато закусил удила, то и дело пофыркивая.

ВРЕМЯ СОЗРЕВАНИЯ

Наступили жаркие, напоенные солнцем дни. Созревала пшеница. Дремали животные. Начали набухать зерна кукурузных початков, тяжелел виноград, окрашиваясь в цвет тусклого янтаря. Зрела и Меги, наливаясь, как яблоко крепкой яблони. Зрели ее сильные груди. Как примирение еще недавно противоборствовавших элементов, ее тело осенил мягкий покой. И до этого она была молчаливой, теперь же совсем онемела, погрузившись в темную бездну материнства, принесшего ей и счастье и тревогу. Это было блаженство плоти. Но во взгляде девушки сквозила печаль. Она прислушивалась к глухим, едва уловимым ритмам. Сознание, которое само еще было в стадии роста, восприняло рост травы. Лишь изредка выходила Меги из состояния растворенности. Это происходило в те редкие мгновения, когда перед ее мечтательным взором проплывал образ абхаза. Тогда ее охватывал гнев. Но уже в следующий миг она успокаивалась. Она уже почти не выезжала верхом, подсознательно избегая резких движений. Как часто раньше, желая показать свою ловкость, она вскакивала на кувшин, наполненный водой, обхватывала его горлышко ступнями, держась в таком положении несколько минут, не про-

ливая ни капли. Теперь ей это и в голову не пришло бы. Ее нрав заметно смягчился.

Проходили дни, насыщенные созреванием плодов. Меники не переставала наблюдать за Меги. Она и Цицино уже знали тайну Меги. Но няня волновалась больше, чем мать. Она, правда, уже смирилась с мыслью, что Меги придется рожать, но ей нужно было заранее знать, будет ли это мальчик или девочка. Для того, чтобы установить это, она велела одному мальчику и одной девочке сломать куриную косточку. В руке мальчика осталась большая часть кости. Меники изменилась в лице, ибо это указывало на то, что родится мальчик, а ей хотелось девочку. Она злилась весь день, но уже к вечеру успокоилась. Ночью она рассказывала сказки.

Проходили дни, проходили недели, овейные дыханием приближающейся осени. Заклинатель Уту, как и прежде, заговаривал животных. Иногда он ловил чью-нибудь кошку и подносил ее к зеркалу у камина, чтобы она увидела свое отражение и привыкла к дому. Он рассказывал скучавшей Бучу сказки. Охотнее и чаще всего он рассказывал сказку о чудесной морской звезде. Три раза она поднимается из воды и каждый раз опускается на крышу какого-нибудь дома. Когда она появляется с крестом, то в этом доме рождается мальчик с огненными глазами, в которые никто не осмелится заглянуть. Бучу слушала вполуха, думая о чем-то другом.

Проходили дни, проходили недели, ядреные, налитые множеством красок. Вато писал портрет Меги. Он уже не размышлял и не анализировал, ибо кисти его теперь было ведомо все. Его сознание возносилось вместе с потоками космоса и было прозрачно, словно он жил за полярным кругом, где все покрыто снегом, отражающим солнце. Вато жил лишь портретом, который он чутьем художника извлек из внутреннего образа девушки. Он глубоко почувствовал, что в человеке можно увидеть солнце, и когда он смотрел на Меги, то видел в ней чистоту солнечной крови. Эту солнечную кровь должны были передать его краски, и он подбирал их с особым благоговением. Во всем существе Меги он видел непорочную, готовую к зачатию девственницу. Он рисовал Мадонну, но без

младенца, Мадонну, предвкушавшую материнское счастье, в глубине лучезарного взгляда которой уже таилась печаль: взор будущей матери, казалось, уже предугадывал судьбу своего дитя. На сей раз Меги уже не сопротивлялась взгляду художника. Она сидела под деревом, и ей казалось, что земля ей лишь грезится. Медленно, будто гаснущие искры,плыли ее мысли. Вато тронула скрытая печаль девушки, и ему хотелось охладить ее утомленные веки свежими лепестками цветов. Его взгляд вдруг стал ясновидящим. Глядя на Меги, он почувствовал себя на миг слитым с творческой силой вселенной, и дрожь прошла по его телу. Но этот миг прошел, как удар молнии, и его взгляд вошел почти в физическое соприкосновение с девушкой. Меги тут же ушла в себя, как улитка. Художник прервал работу.

Проходили дни и недели, наполненные исходящими от собак и лошадей испарениями, влажными ветрами безбрежного моря, ароматом сена, запахом парного молока и козьего сыра, сыростью и теплом конюшен.

Абхаз то исчезал из Мегрелии, то снова появлялся. Он пытался через Джвебе встретиться с Меги, но это ему никак не удавалось. Прошел слух, что он несколько раз встретился с Цицино, но никто не мог сказать ничего определенного об их отношениях. Когда же они в каком-нибудь обществе молча сидели друг возле друга, то пронизательный взгляд мог заметить, что между ними что-то было: уже лишь тот факт, что они были вместе, говорил о какой-то принадлежности друг к другу.

Нау был рабом Цицино, и он с наслаждением подчинялся ей. Из человека он превратился в зверя, поклонявшегося своей богине в человеческом облике. С обостренным, звериным чутьем искал он на теле Цицино следы от поцелуев. Но он не видел их и стал похож на собаку, потерявшую след. Нау не находил себе покоя. Он наблюдал за Цицино, следил за ней даже по ночам. Он чуял призраков. Однажды ночью ему почудился расплывчатый силуэт абхаза, ожидавшего, как ему показалось, кого-то. Но силуэт скоро исчез. С той ночи несчастный раб совершенно потерял покой. Он не знал сна ни ночью, ни днем, а дремал так

чутко, что даже кошка заставляла его вскакивать с постели. Малейший шорох настораживал его. Но Цицино больше думала о дочери, чем о себе, когда она бывала с абхазом. И все-таки она думала и о себе.

НОЧЬ

На Мегрельскую равнину опускались ночи во всем великолепии Южного полушария. Они порой были так прозрачны, что невооруженным глазом можно было видеть фазы Венеры.

Нау уже давно не смыкал глаз по ночам. Его терзало смутное предчувствие беды...

Ослепительно белая ночь легла на безграничную тишину. Нау сидел на верхушке могучего дуплистого дуба, скрытый в листве. В случае надобности он мог спрятаться и в дупле. Он, казалось, ждал кого-то. В руках у него было ружье. Уже в течение многих ночей он вот так подкарауливал кого-то, но никто пока не появлялся. Он истощил себя ночным бдением, и каждый восход солнца был для него облегчением. Но в эту ночь инстинкт его ожидал чего-то. Он сидел, сжавшись в клубок, и тело его, казалось, стало зрячим. Охваченный нечеловеческой страстью, комок плоти обрел дар ясновидения. Его незримые сверхчувствительные щупальца докладывали ему: эта ночь принесет что-то новое. Он посмотрел на заходящую луну, похожую на опаловый пупок Астарты. Плышались шорох. Нау насторожился. Со стороны ущелья приближался всадник. От напряженного всматривания и вслушивания внутренности Нау слились с телом в единый комок, в один атом. Всадник подъехал к небольшому холму, остановился, спешился и привязал коня к суку ивы. По тому, как незнакомец слез с коня, Нау узнал в нем абхаза. Атом по имени Нау зашевелился, готовый вот-вот расщепиться, но тут же собрался и напрягся снова.

Мужчина в выжидательной позе остался стоять возле коня. Он ждал Цицино, назначившую ему свидание. Абхаз был озадачен. Он не понимал, что означал этот вызов. С Цицино он два-три раза встретился у княгини. Кроме того, он виделся с ней несколько

раз в семьях, стоявших близко ко двору. Во время этих редких коротких встреч они мало говорили, упоминая между прочим и имя Меги. Астамур с радостью признался бы во всем матери своей возлюбленной: в своей неукротимой страсти, в вине своей перед Меги, в безграничной любви к ней. Но мать Меги, казалось, избегала его покаяния. Когда же ему удалось однажды заговорить с ней об этом, она улыбнулась непроницаемой улыбкой и шепнула ему, что когда-нибудь ответит ему на его признание. И вот теперь, вот здесь он ждал ее ответа.

Через несколько секунд слева показалась фигура женщины, приближавшейся к мужчине. Нау вздрогнул: это была Цицино. Ксмок плоти готов был вырваться из дупла, но какая-то другая сила удержала его. От напряжения он не мог шевельнуться, застыв, как застывает больно прикушенный язык. Увидев оливковое лицо Цицино в лунно-синем сиянии, абхаз просиял. Он пошел ей навстречу и поцеловал ей руку. Нау вздрогнул опять, и его указательный палец пополз к курку.

Цицино ощущала, как вздымается ее грудь. В этом абхазе было что-то, смущавшее ее свободный дух амазонки. Она вообще смотрела на мужчин сверху вниз, как на отпущенных ею рабов. Но на этот раз все было не так. От абхаза исходила какая-то непостижимая притягательная сила. Но каждый раз, встречаясь с ним, она подавляла в себе чувства женщины. Может быть, она боялась испытать поражение? Нет. Ее отношение к абхазу было сложнее. Астамур привлекал ее, как, пожалуй, никто другой. Однако Цицино ни на минуту не забывала о своей обещенной дочери. Порыв нежности к Астамуру в такие минуты переходил в бешенство, и она думала тогда о мести, о мести амазонки. Отомстить за поруганную честь дочери? Но каким образом? Обхватить своими нежными и в то же время хищными руками его шею, унижить его в любви, обессилить, уничтожить! Но осуществлению этой мести что-то препятствовало. Цицино было известно: Меги любит абхаза. Но нечто, возможно, еще более серьезное, чем любовь Меги к абхазу, останавливало ее. Она не была уверена, что месть не пе-

рейдет в наслаждение. Никогда еще душа Цицино не была в таком смятении.

Цицино и Астамур начали перешептываться, но слова обоих не соответствовали их чувствам и мыслям. Нау был весь внимание, хотя он почти ничего не понимал. Однако то, что доходило до его слуха, звучало, как бессвязные слова любовного стихотворения, и он держал указательный палец на курке.

— Как ярко светит луна! — сказал Астамур.

— Она почти слепит глаза, — ответила, улыбаясь, Цицино.

Молчание было бы невыносимым для мужчины, если бы не чарующая улыбка женщины.

— Как поживает Меги? — спросил наконец абхаз.

— От нее нельзя добиться ни слова, — сказала Цицино и приблизилась к Астамуру. Ее горячее, благоухающее дыхание обдало его, и легкое волнение овладело им.

— Я сгораю от любви... Я люблю... — пробормотал он.

— Правда? — спросила она многозначительно.

Астамур смутился и умолк. Слова были излишни. Живой, трепещущий мост появился между обоими, и слова лишь разрушали его.

— А если я люблю? — спросила вдруг Цицино изменившимся голосом. Астамур побледнел. Нау больно укусил себя в левую руку: последние слова Цицино он расслышал отчетливо.

— Кого? — спросил абхаз после небольшой паузы.

— Вас... тебя... — ответила Цицино.

Эти слова не дошли до слуха Нау, ибо произнесены они были чуть приоткрытыми устами. Лишь теперь Астамур взглянул на эти уста, искаженные от звериной похоти.

— Меня? — спросил он удивленно.

— Да, тебя... — сказала Цицино и снова улыбнулась.

Нау не расслышал и этот шепот. Он еще сильнее укусил себя в руку.

Абхаз взглянул женщине в лицо. Его взгляд скользнул по темной сини ее больших глаз: они горели, как два камня фиалкового цвета. Мужчина потупил взор. Взгляд этой женщины оказывал на него магическое

действие, словно парализующий взгляд самки хищника. У него потемнело в глазах, и он почувствовал какую-то неодолимую силу, овладевшую им. Он ощутил натиск таинственных токов, способных вырвать человека из самого себя. Что-то безграничное, неизведанное им доселе прошло через все его тело, потрясло и увлекло его. Астамур упал перед Цицино на колени, целуя ее ноги. Она медленно опустила свои пальцы в его волосы. Неистовая страсть охватила абхаза. Он целовал ее колени, бормоча бессвязные слова.

Нау держал указательный палец наготове. Нажать на курок? Но тогда он потеряет ее навсегда. Как часто он сидел здесь, в дупле этого дерева, скорчившись, с ружьем в руках. Как часто он был готов убить любовника, которому отдавалась Цицино. И все же он ни разу не нашел в себе мужества исполнить свое намерение. Он цепенел от сверхчеловеческой душевной боли. Каждый раз, на рассвете, он принимал решение в следующий раз непременно убить ее избранника. Но в следующий раз повторялось то же самое. В своем страдании он поддерживал себя мыслью о том, что эта женщина хоть в какой-то мере будет принадлежать ему, и к страданию примешивалось предвкушение блаженства. Если бы в его разгоряченном мозгу хоть раз возникла демоническая мысль, что он, вечно возрождаемый, всегда будет возвращаться к этому страданию и видеть, как его возлюбленная каждый раз отдается другому любовнику, он бы ни на секунду не поколебался: пусть будет так, предстоящее блаженство все поправит, все оправдает. С приглушенной болью всматривался Нау в Цицино. Он так затаил дыхание, что малейший перебой в сердцебиении взорвал бы его.

Абхаз потерял всякую власть над собой. Совершенно забывшись, он гладил колени и бедра женщины, издавая глухие звуки наслаждения. Цицино уже не улыбалась. Она чувствовала, как в ее теле поднималась горячая, сладостная волна. Еще миг, и она, как и Астамур, оказалась бы во власти безумия. И вдруг ее взор, уже начавший было затуманиваться, воспринял вблизи два горящих угля; она вздрогнула: не были ли это глаза Меги? Горячая волна отхлынула от нее, и женщина пришла в себя. Ее первым чувством

была подавленность. Абхаз еще был в чаду упоения: он ползал в ногах у нее, целовал ее, бормоча что-то, раздувшимися ноздрями втягивал в себя аромат ее колен. Вдруг женщина отступила от мужчины и сказала с презрением:

— Ползай, ползай... Любви моей дочери ты недостойн...

Уже в следующее мгновение Цицино осознала, что слова эти были произнесены слишком громко. Может быть, ей хотелось, чтобы их услышали там, откуда только что сверкнули чьи-то глаза? Но если бы кто-нибудь стал ей это доказывать, она решительно отвергла бы это. Цицино неестественно громко рассмеялась. Как бы протрезвев, абхаз стремительно вскочил на ноги. От выражения нежности и блаженства на лице женщины не осталось и следа. Цицино стояла перед ним, как разъяренная амазонка, желанная и страшная. Через весь его восторг, через упоение будто бы прошел острый нож — он вдруг увидел перед собой врага. Ему хотелось всадить кинжал в грудь этой женщины, но обессиленная рука осталась на эфесе. Астамур уже не сомневался, что был околдован чарами мегрелки. Побезденный, униженный, раздавленный, он чуть ли не ползком удалялся от нее. Его тело обмякло, он потерпел моральное фиаско. Цицино улыбалась. Никакой любовный восторг не доставил бы ей такого наслаждения... Словно вакханка, только что одолевшая свою жертву — мужчину, но только еще страшнее и обольстительнее, стояла Цицино перед Астамуром...

Слова, произнесенные Цицино, вывели Нау из оцепенения. Лежавший на курке указательный палец наконец расслабился. Восторженная радость, в которой еще была приглушенная боль, готова была вот-вот разорвать одержимый смертельной страстью комок плоти. Нау еще раз укусил себя в левую руку — теперь уже от бешеного, животного восторга. Он медленно выполз из дупла дерева... Словно тусклый опал, сияла луна. Вдали слышался лай собак. На склонах гор горели костры. В ночной тиши перекликались пастухи, мычали коровы, блеяли овцы... Нау вылез из темной норы на широкий простор. Его душа благословила каждый листочек, каждую травинку. Указатель-

ный палец нажал наконец на спусковой крючок, и горячая пуля полетела в голубое небо, как первый поцелуй...

Цицино оглянулась. Она шла домой и увидела своего раба. Она заметила его окровавленную руку и все поняла. Она подозвала его. Нау дрожал. «Я все знаю...» — сказала ему госпожа, улыбаясь. Поглощая эту улыбку, как подачку, раб думал с тревогой о том, что сна означала. В эту ночь Цицино снова одарила его любовью. Нау принял и эту подачку в экстазе, свойственном богу животных.

ВО ВЛАСТИ ЧАР

В облике Астамура было что-то от мамлюка. Это впечатление еще больше усиливалось, когда он сидел в седле. В его теле была гибкость хищного зверя. Но мегрельская земля высасывала из него силы. Меги стремительно вошла в его сердце, наполнив его до краев. Он любил ее — в этом он не сомневался. Но он не знал, как девушка относилась к его любви. Может быть; она совсем отвернулась от него после того, что произошло между ними? Но он боялся подтверждения этого предположения. В его душе еще теплилась надежда, подогретая тонкими намеками матери Меги. И вот теперь это приключение с Цицино. Оно совершенно уничтожило его. Цицино взбудоражила его кровь. Это произошло, правда, в минуту слабости, которая быстро прошла, но его чувство к Меги так или иначе было осквернено, да и сам он был навсегда посрамлен. Цицино заклемила его насмешкой амазонки. Как мужчина, он был опозорен, его достоинство поколеблено. Астамур потерял веру в себя, в свои силы.

Конь его первым ощутил это: он заупрямился и перестал подчиняться хозяину. Нервы Астамура начали сдавать. Его мать с трудом узнавала своего сына — так он переменялся в последнее время. Почти всегда он возвращался из Мегрелии усталым и обессиленным. Мать находила этому объяснение в колдовских чарах самой мегрельской земли и заклинала сына не ехать туда больше. «Тамошняя земля окол-

довывает людей», — говорила она ему часто. И в самом деле: он чувствовал себя там во власти какого-то волшебства. Но в этом волшебстве было наслаждение и соблазн, и поэтому он, несмотря ни на что, часто приезжал в Мегрелию. И лишь после встречи с Цицино, когда его мужскому достоинству была нанесена смертельная рана, он решил забыть дорогу в Мегрелию. Мать обрадовалась такому решению сына.

Скоро Астамур освободился от колдовских чар. Он начал постепенно забывать о своих приключениях в Мегрелии. Прежняя сила и уверенность вернулись к нему. Мамлюк торжествовал; мать же ликовала еще больше. Колдовство исчезло, чары рассеялись. Он снова стал встречаться с друзьями, выезжать верхом, охотиться, пировать. Образ Меги потускнел в его воспоминании, встреча с Цицино была почти забыта. Будто сновидение, исчезающее от малейшего соприкосновения с действительностью, остались в глубинах его подсознания картины Мегрелии. Однако мгновения этого соприкосновения приносили с собой блаженство, доходившее до боли. В такие минуты на него находила глубокая тоска, что случалось с ним особенно часто, когда он стоял на берегу моря. Это ничем не измеримое, неделимое чудовище стирало все образы с поверхности его сознания, оставляя лишь единственный, давший о себе знать в виде приглушенной тоски. Астамур боялся моря, но смутное воспоминание, связанное с ним, влекло его на берег. Правда, это случалось с ним в редкие минуты, и он надеялся подавить в себе это влечение. Но надолго ли? Однажды один из его друзей подарил ему сокола. Он был точь-в-точь такой же белый, как тот, с которым он в прошлом году поехал в Мегрелию. Астамур осторожно погладил шею гордой птицы — и вдруг его сердце пронзила острая боль воспоминания. Хотя у сокола и не было полоски в виде полумесяца вокруг шеи, но в остальном он был поразительно похож на того. Мамлюк загрустил. Сокол бросил на него человеческий взгляд, и из бездонной глубины хищных глаз вдруг почти осязаемо сверкнул незабываемый луч, лишь однажды вспыхивающий в жизни человека сквозь темный шелестящий покров вечности. Астамур вздрогнул: во взгляде сокола на миг мелькнул взор мегрельской де-

вушки. Горячая волна нежности захлестнула его сердце, и он понял: чары не рассеялись, колдовство не исчезло. К большому огорчению матери он на следующее утро в мрачном настроении поспешно оседлал своего коня. Мать, конечно, догадалась, что он собрался в Мегрелию.

Едва перейдя шумную Кодори и достигнув мегрельских полей, он осознал вдруг раз и навсегда, что никакая земная сила не в состоянии избавить его от этого затаенно-блаженного чувства. Сразу же по прибытии в замок княгини он открылся Джвебе; который посоветовал ему встретиться с Меги. Астамур решил последовать совету друга. Джвебе добавил, что Астамуру следует решительно поговорить с девушкой. Но как встретиться с ней? Джвебе узнал, что она никуда не выходит, если не считать коротких прогулок недалеко от дома, и никого не принимает. Верховую езду она совсем оставила.

С этого дня Джвебе чаще стал бывать у Бучу. Он был уверен, что лишь от нее он узнает, как и где можно увидеть Меги. Он старался войти в доверие к Бучу и как бы между прочим иногда спрашивал о Меги. Бучу только улыбалась в ответ. Лишь однажды она с понимающей улыбкой ответила Джвебе вопросом на его очередной вопрос:

— А что, разве абхаз вернулся?

— Возможно... — ответил Джвебе тоже с улыбкой.

И вот наконец Бучу сказала ему, что завтра к вечеру она ждет у себя Меги. Джвебе обрадовался, услышав об этом.

На следующий день, на закате, Астамур стоял под деревом у проселочной дороги и ждал. Он был на этот раз без коня. Тянулись тягостные минуты ожидания, полные мрачных мыслей. Ему казалось, что он не выдержит нервного напряжения. Когда наконец показалась девушка, Астамур был совершенно обессилен ожиданием. Лица Меги абхаз не мог рассмотреть, но он видел лишь ее одну...

Меги шла с опущенной головой. На ней было просторное платье, скрывавшее ее подозрительную полноту, на плечи накинута длинная шелковая шаль желтого цвета, складки которой еще больше скрадывали ее фигуру. Голова ее была повязана белым плат-

ком, концы которого вплетены в косы. Она шла медленно, плавно, но не только потому, что несла ребенка, а потому, что ее занимало и смущало что-то другое. Меги не могла забыть ту злополучную ночь, когда она стала невольной свидетельницей свидания матери с абхазом. Невольной, ибо ей никогда и в голову не пришло бы хоть в чем-то заподозрить боготворимую ею мать. Цицино была для нее олицетворением небесной лазури, красоты, чистоты, непорочности. Меги не замечала и ее эпизодической близости с Нау. Она, правда, иногда перехватывала взгляд Нау, исполненный звериной нежности и скользивший по телу Цицино, но воспринимала это как выражение преданности слуги, примерно так, как выражает преданность своему хозяину собака или раб. Но в ту ночь мысли в голове у Меги совершенно смешались. В ту ночь она вышла из дому, чтобы помечтать при свете луны. Темнота не пугала ее. От своей матери она унаследовала бесстрашие, которое Цицино в свою очередь впитала уже с молоком Меники. Меги часто выходила из дому ночью, давая укутать себя невидимым, мягким покровом, испытывая при этом физическое наслаждение... И вот теперь она вдруг вспомнила бессвязные заверения абхаза в любви. И к кому они были обращены? К ее матери. Эта безумная мысль сковала все ее тело, а сознание было не в состоянии воспринять весь ужас этой встречи. Она стояла тогда как камень. И «камень» этот мгновенно рассыпался бы на куски, если бы она не услышала последние слова матери, обращенные к абхазу: «Ты недостойн любви моей дочери!». Лишь после этих слов к ней вернулось сознание, хотя уже и помутненное. После этого мать остерегалась говорить с Меги о свидании с абхазом. Она ждала, что дочь сама заговорит с ней об этом. Но Меги молчала. Может быть, из страха узнать правду. Цицино же думала: «Или она ничего не слышала тогда, или же те мои слова ее успокоили». Меги молчала, но что-то непостижимое, прокравшееся ей в душу, терзало ее. Она старалась хранить молчание, но это было мучительнее всего. Так прошло несколько месяцев, но та встреча больно отзывалась в ее душе.

Меги шла медленно, думая о той встрече. Вдруг она увидела абхаза. Она испугалась, как разбуженная

сомнамбула, и остановилась на несколько мгновений. Первым ее желанием было повернуть назад, но она не решилась. И она пошла вперед, едва заметно ^{бурно} коря шаг, краснея, понутив голову. Ее руки ^{непроизвольно} гладили складки шали. Тело ее ощущало стыд. Но когда она приблизилась к Астамуру, в ней впервые проснулись материнские чувства: она видела перед собой отца своего ребенка, которого она носила под сердцем, и стыд уступил место радости.

Астамур дрожал. Он сразу же заметил полноту Меги. Цицино ведь до этого намекнула ему об этом несколько раз. Он обрадовался ей и закричал:

— Меги!

Девушка подняла голову. В зове абхаза она почувствовала и радость, и отчаяние. Он начал лихорадочно говорить, задыхаясь от возбуждения.

— Ты — мое пламя, ты душишь меня!

Дрожь прошла по телу Меги. Она вскинула голову, взглянула абхазу в глаза. Астамур потупил взор.

— Так же вы клялись моей матери!

Эти слова, будто молния, сверкнули, ослепив абхаза. Целый рой мыслей зашевелился в его мозгу, и среди них одна, которая, какой бы безрассудной и глупой она ни была, казалась ему спасительной соломинкой, к которой тянется рука утопающего.

— Да, я клялся Цицино... — вымолвил он наконец. — Но лишь из любви к тебе, ради тебя, Меги...

Лицо Меги просияло. Теперь уже слова Астамура были для нее соломинкой.

И в самом деле: невозможно было поверить в то, что слова эти Астамур произнес лишь из любви к ее матери. Луч радости засиял в глазах Меги.

Но взор абхаза тускнел. Он ничего не видел перед собой. Он недоумевал. Откуда ей это известно? Неужели она выследила, подслушала? Не может быть. Неужели Цицино сама ей это сказала? Невероятно. И вдруг он со всей остротой почувствовал, что уличен во лжи. Из груди его вместо слов вырвался хрип. Силы покидали его. Его тело разрывало на куски, и каждый кусок был подавленным криком.

Взгляд Меги, уловивший неладное, стал беспокойным. Абхаз пробормотал что-то бессвязное. Он и сам

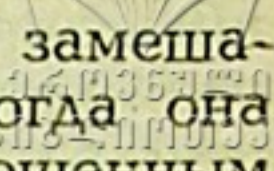
уже не верил своим словам. К своему ужасу он почувствовал, что соломинка переломилась.

Девушка ждала... «Что же дальше?» Убийственный вопрос для влюбленного, силы которого на исходе. Теперь сломалась и Мегина соломинка. Она почувствовала неискренность слов Астамура. Она еще стояла в ожидании чего-то... Если бы Астамур, одержимый страстью, бросился к ней и унес ее на руках далеко, как знать, быть может, она против своей воли, как в дурмане, полетела бы с ним хоть на край света. Но теперь... Девушка заметила его слабость, его смятение и удалилась. Абхаз стоял уничтоженный. Впервые в своей жизни он плакал.

ПОДКИДЫШ

В душе Меги зрела восемнадцатая весна. Она всем телом ощущала, что наливается, как плод. Она сама была плодом, погруженным в свой внутренний рост. Она подставляла себя весенним лучам солнца, радуясь ему, как радуется созревающая гроздь винограда. Блаженство разливалось по ее молодому телу. Созревавший в самом себе плод ликовал, но приподнятый на один миг из утробы, он почувствовал себя запятанным. Меги физически ощущала это ничем не истребимое пятно позора. Лишь Цицино и Меники были посвящены в ее тайну. Догадался ли Астамур об этом, они не знали. Когда опытный взгляд няни или матери ощупывал ее тело под широкими складками платья, она смущалась и краснела от стыда. Цицино и Меники старались сдерживать любопытство и не смотреть лишний раз на Меги. В доме воцарилось молчание. Мать и няня почти не говорили между собой. От Меги нельзя было добиться ни слова. Она являла собой плод, несущий в себе другой плод.

Последняя встреча с Астамуром вызвала в девушке полное смятение чувств. В ее душе образовалась пустота. То, что постоянно, глухо терзало ее — встреча матери с Астамуром, — становилось для нее с каждым днем все таинственнее. Она не решалась спросить мать об этом. Она знала, что своим вопросом убила бы любовь в сердце матери, да, пожалуй, и в

себе самой. Меги, как могла, скрывала свое замешательство, что ей все больше удавалось. Иногда она выдавала себя взглядом, непроизвольно брошенным на мать. Это случалось в те минуты, когда она позировала Вато. Она догадывалась, что художник внутренне оголял ее, овладевал ею и лишал ее чего-то. Это раздражало ее. Когда в это время мимо них проходила Цицино, Меги и на нее смотрела почти гневным взглядом. От Цицино не ускользал ее взгляд, но она приписывала его беременности дочери и тут же успокаивалась.

Меги привыкла к одиночеству. С подругами она уже не встречалась, совсем перестала выезжать верхом, совершая лишь прогулки в одиночестве, во время которых она вдыхала аромат трав влажной земли. Она часто приходила к источнику и смотрела на его чистую гладь, отражавшую светлую лазурь неба. По поверхности воды скользили тени от листьев. Девушка наслаждалась прозрачностью ничем не замутненного источника, созерцание которого одновременно пробуждало в ней и печаль: ведь сама она была уже не той, что раньше. И она отводила взгляд от источника.

Так было и сегодня. Был март. Так сильно запахло весной, что казалось, будто она вот-вот поглотит или задушит девушку — свой собственный плод. Меги вспомнила прошлогоднюю весну. Как иначе все было тогда! А может быть, это не весна, а она сама так изменилась? Ей стало не по себе. Если бы она в эту минуту могла заглянуть в свои собственные глаза, она бы с ужасом увидела, что они навсегда утратили былую лучезарность. Девушка думала о встреченных ею тогда всадниках, особенно о том, у которого на руке был белый сокол. Как близко и как далеко это было! Как радостно было тогда на душе и как мрачно теперь! Яркие лучи солнца причиняли боль ее глазам. Она чувствовала себя раненой, и рана эта была открыта. Вдруг Меги вздрогнула и насторожилась. Раздался топот копыт. Она отскочила в сторону и спряталась в кустах. Тогда, купаясь в источнике, она не спряталась при появлении всадников, хотя и испытывала девичий стыд. Может быть, это те же самые всадники? Девушка с трепетом прислушалась. Всад-

ники приблизились, и она не поверила своим глазам: это оказались Джвебе и Астамур! Не привидения ли это? А может быть, ей это приснилось? Меги замерла в кустах, наблюдая за приближающимися мужчинами. На этот раз ни у одного из них не было сокола. Как и тогда, они подъехали к роднику.

Они весело смеялись, шутили. Их кони пили прозрачную воду. Меги слышала каждый звук.

— Ты помнишь? — спросил Джвебе друга.

— Что? — спросил в ответ абхаз.

— Девушку... Меги... Здесь...

— Помню, конечно...

Джвебе лукаво улыбнулся и медленно произнес:

— Ты, наверно, уже думаешь о другой?

— А разве в Абхазии или Мегрелии мало красивых девушек?

— Ах, так...

Меги вся напряглась, превратившись в трепещущий, оголенный нерв.

— А ты что думал?

Астамур дерзко рассмеялся, произнеся эти слова. Ему хотелось похвастаться перед другом. Он, конечно, чувствовал, что лгал, но демон тщеславия сильнее человека, особенно в тех случаях, когда дело касается женщин. Отсюда бахвальство Астамура. Он не знал, что слова воздействуют на атмосферу. А здесь атмосферой была Меги. И атмосфера эта, как в химической реакции, распалась сразу же после того, как абхаз произнес последние слова. Меги казалась себе разорванной на куски. И когда эти куски постепенно снова соединились в единое тело, всадники уже ускакали.

Вечером у Меги появились сильные боли. Начались родовые схватки. Цицино не находила себе места. Меники посчитала месяцы и очень удивилась, что не хватало одного месяца. Она предположила, что роды будут преждевременными, и сделала на всякий случай необходимые приготовления, ибо была сведущей и в акушерстве. Вато находился в Гурии, и поэтому в доме остались лишь женщины. Нау пока ничего не знал, но слабому полу нужна была его помощь, и Цицино доверила ему тайну дочери, так как была уверена, что может во всем положиться на не-

го. Меги без единого крика терпела боли. Она полностью покорилась судьбе. В полночь роды закончились. К великому разочарованию Меники родился мальчик. Цицино тем временем успела обстоятельно поразмыслить о происшедшем и с помощью Нау беспрепятственно осуществила свой план. За полночь у калитки послышался плач грудного ребенка. Слуги проснулись. Кто-то из них вышел из дому и принес младенца. Все решили, что это подкидыш, и ребенок был отдан жене одного из слуг для кормления. Цицино была рада, что дочь разрешилась от бремени. Меники же не могла смириться с тем, что родился мальчик, а не девочка. Мысли обеих женщин были заняты новорожденным. Только одна Меги не думала о своем дитяти, ибо не питала к нему никаких материнских чувств. Ей казалось, будто что-то инородное и случайное, Бог весть каким образом оказавшееся в ее теле, теперь оставило его. Она чувствовала, что не родила, а как бы извергла его. Поэтому бедное дитя и для нее было подкидышем.

ТРИ УДАРА

Меги снова позировала художнику под тем же деревом. Солнце палило уже не так нещадно, и приятное тепло растекалось по телу девушки. Теперь ей не казалось, будто Вато намеревается лишить ее чего-то сокровенного. После родов ее нрав смягчился, она стала радоваться краскам полотна. Весна плыла по лику земли, пьянея от бутонов и почек. Художник глубоко чувствовал дышащее блаженство полей. Для него отныне краски и были бутонами. Он был счастлив, что на его полотне появлялось нечто новое, родственное всему тому, что расцветало вокруг. Меги сидела молча. На ее губах играла вожденная тоска, глаза ее источали тихую грусть. Художник перевел взгляд с девушки на портрет, затем с портрета на девушку. Его кисть на мгновение остановилась. Нет, это еще не все, что мне нужно, — подумал он. Он ждал последнего мазка.

Неподалеку Нау расправлял ветви дуба. Он пригибал их к земле и привязывал к кольям, вбитым в

землю на одинаковом расстоянии. Нау вторгнулся в естественный рост дуба, желая получить от дерева равномерную тень. Он засучил рукава, обнажив сильные, мускулистые руки. При этом на руках его обнаружались вытатуированные женские фигуры, обвитые змеями. Нау обычно старался не оголять свои руки, но на этот раз он увлекся работой и забыл об осторожности. Он заметил, что художник удивленно поглядывает на его татуировку, и, пристыженный, работал как одержимый.

— Что у тебя на руках? — спросил вдруг Вато.

Нау повернул к нему лицо и пробормотал что-то невнятное. Десятилетним мальчиком его продали в Турцию в рабство. Там его звали Османом. Мальчик жил в богатой семье, тосковал по родине, страдал и мечтал о побеге. В пятнадцать лет ему удалось бежать. Он прибыл в Ризе, где какой-то лаз взял его к себе. Осман стал паромщиком. Через три года он приплыл к колхидским берегам. Плавая по морям, он встречался со многими матросами, в подражание им он сделал себе на руках татуировку. Вопрос художника пробудил в его душе воспоминания о безрадостном прошлом.

— Мир тебе, Нау! — раздался вдруг резкий старческий голос. Это был Уту, тихо подошедший к нему. Нау прервал работу и повел заклинателя в конюшню, чтобы показать ему хворую лошадь. Войдя в конюшню, старик подошел к лошади и посмотрел на нее горящими глазами. Это была кобыла Цицино.

— Не подходи к ней близко! — предостерег его Нау.

Эта лошадь была самой дикой среди всех лошадей, принадлежавших Цицино. Никто, кроме Цицино и Нау, не осмеливался подойти к ней. Однако Уту не обратил внимания на предостережение Нау. Он спокойно подошел к лошади, как будто давно уже знал ее. Она не обнаружила никаких признаков волнения, и старик погладил ее по шее. С изумлением, граничащим со страхом, глядел Нау на заклинателя, ибо лишь теперь убедился, что Уту и в самом деле был волшебником. Он не мог выговорить ни слова.

— Где больная лошадь? — спросил Уту.

— Здесь... Ты что, не видишь ее? — ответил Нау.

Старик приблизился к больной лошади.

— Надо вывести ее, — сказал он.

Лошадь вывели. То, что от нее осталось, был жалкий, призрачный скелет. Глаза гнома, словно поблекшие осы, стали вдруг пронизательными и жгучими. Сначала Уту открыл пасть лошади. Он увидел желтые, гнилые зубы, оттянул уши животного и для чего-то заглянул в ушные раковины. После этого он тщательно осмотрел копыта. Шкура на бабках пообтерлась, и они были теперь покрыты лишаями. Старик поводил исхудалую лошадь туда и сюда.

— Она околеет, — сказал он негромко.

Слово «околеет», будто капля яда, проникло в уши Нау. Он отвернулся и снова принялся за свою работу. Художник тоже услышал это слово и насторожился. Он знал, что Уту по всей Мегрелии слыл за безбожника и мерзкое слово «околеет» подтверждало это.

— Почему «околеет»? — возмутился он. — Скажи: она умрет...

Гном обернулся. Взгляд его блеклых глаз стал злым.

— Как будто это не одно и то же, — ответил он. Околеет или умрет... В этом нет никакой разницы. — И после короткой паузы он со злостью добавил: — Околеет... Все околеют... И ты околеешь, и я, и этот болван Нау, и Цицино...

Старик явно разошелся. Видно, он уже не мог остановиться. Нау изо всех сил потянул за большой сук — ведь он был очень силен — и, сломав его, упал вместе с ним на землю. Будто молния ударила в него, и на миг он, казалось, сам стал молнией. Молния сломала сук, и сам Нау был теперь этим сломанным суком. Никогда еще он не думал о смерти, как не умеет о ней думать зверь. Разве может тигр, совершающий прыжок с высокой скалы, верить в смерть? Но после слов Уту мысль о смерти острой стрелой вонзилась в душу Нау. Если бы гном остановился, упомянув его имя! Хотя бы он не произнес имени боготворимой им Цицино! Тогда молния не ударила бы в Нау. Но Нау уже не был в состоянии думать. Он наконец поднялся, подавленный, уничтоженный. Уту засмеялся, показав желтые, стертые до десен зу-

бы. Вато тоже смеялся, и даже улыбка Меги перешла в смешок.

— Ах ты, болван... — весело произнес старик. Нау было не до смеха. Мрачный, он снова повернулся лицом к дереву.

— Значит, все околеют в конце концов? — спросил еще раз художник.

— Да, конечно, все околеют, все кончится...

При этих словах старик раздавил клопа на спине лошади, как бы в подтверждение сказанного. Однако Вато не отставал от заклинателя:

— И ничего не останется?

— Не останется, ничего не останется... — ответил Уту. Он говорил о смерти как о чем-то обычном, повседневном. Однако после небольшой паузы он задумчиво произнес:

— Впрочем, мир не околеет. Все околеет, но мир останется.

— А почему же мир не околеет?

— А бес его знает... — сказал гном и снова повеселел.

Меги слушала их разговор с напряженным вниманием.

— А все-таки, как ты это объяснишь? — настаивал художник.

Уту задумался и начал говорить. Казалось, что кто-то другой говорил в нем.

— Все отдельное проходит, но целое — мир — будет жить!

Так говорил Уту. Художник с удивлением слушал его бессвязную, путаную речь. Старик продолжал бормотать:

— Лист увядает, а на его месте появляется новый... Я околею, и черви съедят меня. Может быть, я стану червем... И червь будет радоваться солнцу... Так все устроено... так мне кажется.

Так путано и бессвязно продолжал говорить гном.

— Червь будет радоваться солнцу?.. Но тебя ведь уже не будет... Ты ведь не увидишь солнце... — настаивал художник. Старик теперь уже отвечал с возбуждением:

— А разве не все равно, кто будет радоваться солнцу? Буду ли это я или это будет червь... Важно

лишь то, что кто-то вообще будет радоваться. А это будет всегда...

— Но вспомнит ли червь о том, что он когда-то был Уту?

— Я вижу, ты настаиваешь на своем, — ответил ему старик, улыбаясь, — ведь это не так уж и важно... А впрочем, почему бы червя и не вспомнить... Ха-ха-ха!.. Мне иногда кажется, что я сам был раньше кем-то другим, например, лохматым псом. Ха-ха-ха!..

Уту смеялся. Художнику на мгновение показалось, будто в этом смехе звучит безумие... Не было ли то, что он говорил, безумием? Вато стало не по себе. Меги охватил испуг и она ушла в себя. Лишь Нау казался спокойным. Он взял себя в руки, молча продолжая работать.

Художник задумался. Может быть, — думал он, старик говорит правду, может быть, и в самом деле вечно лишь целое — вселенная, — а мы мгновения, отдельные удары ее пульса?.. Его вдруг осенило. Он представил себе «эйдолон». Может быть, «эйдолон» и есть мгновение вечности, всего лишь миг Божественного? Он взглянул на картину и вздрогнул: а что, если эта картина — лик Безымянного, один из его образов, появляющихся и исчезающих в мгновение ока? А самое глубокое стремление художников направлено на то, чтобы воплотить этот образ в своей первожданности? Художник испугался своей мысли. Она показалась ему слишком смелой.

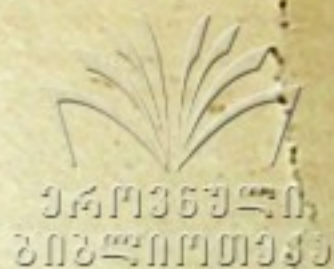
И тут снова раздался смех старика, продолжавшего возиться с больной лошадью:

— А ты, Меги, знаешь, что тот абхаз — как бишь его зовут? Кажется, Астамур, — ухаживает за Хатуной Дидиа? Бучу сказала мне об этом.

Это был еще один удар. Меги побледнела и насупила брови. Художнику показалось, будто портрет содрогнулся. Он испугался еще больше.

Старик весело хохотал.

ХАТУНА ДИДИА

Рано утром во двор к «амазонкам» вошел нищий. В Мегрелии любой прохожий — желанный гость. Нищий хромал на левую ногу. Голова и лицо его были повязаны рваным платком, из-под которого выглядывал один глаз. Неуверенно, словно остерегаясь чего-то, направился он к домику прислуги. Женщина средних лет отворила дверь, держа на руках трехмесячного ребенка. Завидев нищего, она вернулась в людскую и скоро снова появилась, неся деревянную тарелку с кусками остывшей мамалыги. Она дала нищему тарелку. Он взял ее и, усевшись под деревом, стал есть без видимого аппетита. Ребенок спал.

— Ты откуда родом? — спросила женщина.

— Из Нижней Имерети, — ответил нищий.

У него был хриплый голос, и говорил он с трудом. Незакрытым правым глазом он внимательно разглядывал младенца.

— Это твой ребенок? — спросил он.

— Нет, это найденыш, — ответила женщина, глядя детскую головку.

— Мальчик?

— Да.

Женщина плюнула три раза в сторону. Она боялась, что не в меру любопытный нищий сглазит ребенка.

Нищий перестал есть. В правой руке он еще держал кусок мамалыги. Зрячим глазом он, казалось, вот-вот поглотит младенца. Тут послышались шаги со стороны балкона. Нищий оглянулся и увидел направляющуюся к ним празднично одетую Меги. Он прислушался к шагам девушки и, когда она подошла, приветствовал ее глухим голосом. Меги что-то пробормотала ему в ответ и подошла к кормилице.

— Он кашлял сегодня ночью?

— Немного, — ответила кормилица.

Нищий внимательно наблюдал за Меги. Ему показалось, что она справилась о ребенке как бы между прочим, как спрашивают о какой-нибудь собачке.

— Милое дитя, — сказал нищий тихо.

— Собачье отродье! — сорвалось с губ девушки.

— Как ты красива и как сердита!

Меги оглянулась. Что-то в этом хриплом ^{голосе} заставило ее насторожиться. Она строго ^{взглянула} на нищего. В эту минуту она и в самом деле была и красивой, и сердитой.

Меги пошла к Бучу. Имя Хатуны Дидиа не выходило у нее из головы. Кто она? Красива ли? Где и как можно увидеть ее? Эти вопросы терзали Меги. Она знала лишь то, что Хатуна жила в соседней деревне. Сегодня воскресенье, и она, вероятно, будет в церкви, — подумала девушка. Когда Меги вошла во двор Одишария, Бучу поспешила ей навстречу, и подруги приветствовали друг друга.

— Ты для кого так вырядилась? — спросила Бучу.

— Пойдем со мной в соседнюю деревню в церковь. — И Меги назвала деревню.

— А почему не в нашу церковь? — спросила подруга.

— Ах, знаешь, — смутилась Меги, — там, наверное, веселее, чем у нас, — здесь ведь все знают друг друга.

Однако по лицу Меги Бучу поняла, что дело здесь было далеко не в веселье. Она вдруг непроизвольно подумала о Хатуне Дидиа. Меги захотелось увидеть свою соперницу, которую она надеялась встретить в церкви. Едва заметно улыбнувшись, Бучу взглянула на Меги. Но Меги молчала. А что, если я сейчас заведу разговор о Хатуне? — подумала Бучу, но не решилась заговорить об этом.

— Ну что ж, пойдем, — сказала она и пошла одеваться.

По дороге в церковь они почти не говорили. Каждой хотелось заговорить о Хатуне, но ни у одной не хватило смелости.

— Наверно, Хатуна будет там, — сказала неожиданно для себя Бучу. Меги промолчала. Она еще больше побледнела, а Бучу покраснела от стыда.

Подруги молча вошли в церковный двор.

Богослужение уже приближалось к концу, когда в церкви показалась стройная девушка. «Хатуна Дидиа», — прошептал кто-то. Взгляд Меги остановился на вошедшей. Бучу почувствовала этот взгляд и сдержанно улыбнулась. Хатуна посмотрела кругом. Ее ли-

до напоминало тонкий профиль египетской царицы. В черных глазах был влажный отблеск счастья. Косы ее были покрыты платком, волосы — по-видимому, черные — не были видны. Легкий пушок лежал над чуть пухлой верхней губой. Правую щеку украшала ямочка. Всем существом своим она, казалось, отражала стальной блеск морской волны.

Меги вздрогнула. Она сразу почувствовала, что ее соперница необычайно красива. Однако это не была зависть, а лишь готовность бросить вызов, ибо впервые она осознала, что и сама красива. Она ощутила свою красоту как нечто, существующее отдельно от нее, как ток некой силы, готовой соперничать с силой другой.

Хатуна начала молиться. Меги украдкой наблюдала за своей соперницей. Бучу перехватила взгляд подруги, остановившийся на Хатуне. Она многое прочла в этом взгляде. Глаза Хатуны вдруг утратили влажный блеск. Ямочка исчезла. Выражение счастья испарилось. Стальной отблеск волны потух. Девушка стояла, не шелохнувшись: так глубоко погрузилась она в молитву. Казалось, она никого не замечала вокруг себя. Египетская царица превратилась в сестру Беатриче. Благоговейная печаль наполнила ее существо.

Меги вздохнула с облегчением. Богослужение кончилось. Прихожане стали выходить из церкви. Меги старалась не упустить из виду соперницу. Но как изменилась эта девушка после молитвы! От благоговейной печали красавицы не осталось и следа: она была весела, как прежде. Улыбка озарила ее лицо, обнажив ряд ровных жемчугов, напоминавших зерна молодой кукурузы. Она чему-то радовалась и сияла счастьем. В ее походке было что-то обольстительное, в глазах — и сдержанность, и соблазн, на губах — выражение чего-то вызывающе-греховного, о чем она сама не подозревала. словно несокрушимая волна, шла Хатуна, переменчивая и безгрешная, как волна. Во всем ее облике было нечто неотразимое, победоносное.

Никогда до этого момента Меги еще не доводилось испытывать действие жала ревности, и Бучу передалось ее состояние. Вдруг во двор церкви въехали молодые всадники. Среди них были Астамур и Джве-

бе. Меги увидела их и хотела было укрыться от их взора, но это ей не удалось. Ее теперь гораздо больше занимала соперница, нежели абхаз. Хатуна заметила Астамура, она плавно выступала, словно летела на крыльях сказочной птицы, готовой броситься навстречу возлюбленному. Однако он опередил ее и сам пошел ей навстречу. Хатуна задрожала от счастья. Астамур подошел к ней, Меги тут же заметила на его лице выражение радости и уверенной мужской силы.

Меги стояла сумрачная, абхаз не замечал ее. Бучу теперь все поняла.

— Как тебе понравилась Хатуна Дидиа? — спросила она на обратном пути подругу.

— Она красива, — ответила Меги кратко и сухо.

По дороге домой они почти не разговаривали. О Хатуне никто из них не упоминал ни словом.

УБИЙСТВО

Цицино не могла понять чувства Меги к ребенку. Ей даже казалось, что дочь ее вообще не питает к нему никакого материнского чувства. Она лишь утешала себя тем, что Меги ведь приходилось быть очень сдержанной, ибо никто не должен был знать, что она родила. А что все-таки происходило в душе девушки, когда она оставалась наедине со своим младенцем? Меги сама не могла разобраться в этом. Иногда ее всю пронизывало богатое, теплое и нежное чувство материнства. Но это были всего лишь краткие мгновения, после которых ею вновь овладевало другое чувство, ядовитое и острое, исполненное ненависти и неистовой злости. В эти минуты она ощущала в себе жгучее жало позора, воплощенного в ее собственном ребенке. Ее позор жил, жил в ее сыне. Дикая волна ненависти захлестывала тогда ее всю, и она с выражением ужаса и отвращения отталкивала от себя свое дитя. О, если бы она могла лишь ненавидеть, ненавидеть смертельной ненавистью!.. Это было бы легче перенести. Но к ненависти примешана любовь, и это было ужаснее всего. Казалось, что доисторические элементы-близнецы яростно набросились друг на друга, засты-

вая одновременно в любовном объятии, — подобное чувство испытывала Меги в такие минуты.

После посещения церкви в соседней деревне в душе Меги окончательно поселились печаль и растерянность. Цицино узнала через Нау, которому она поручила следить за каждым шагом дочери, все подробности этого посещения. Меги все больше замыкалась в себе. В глубине ее души бушевали чувства-близнецы. Безумно расширенными, невидящими глазами смотрела она в пустоту. Так было и в тот день, когда она держала ребенка у левой груди, и Цицино наблюдала за ней через щель из соседней комнаты. Увидев пылающий, безумный взгляд Меги, она побледнела. Она вспомнила встречу абхаза с Хатуной Дидиа, о которой сообщил ей Нау, и почувствовала жалость к дочери. Цицино вошла в комнату Меги, но та не шевельнулась. Нелегко было матери начинать разговор, но она преодолела себя. Разговор не получался: Меги не отвечала на намеки Цицино. Внешне она оставалась спокойной — и это спокойствие вывело Цицино из себя. Она чувствовала, как теряет самообладание, и вдруг с трудом произнесла слова, показавшиеся ей чужими:

— Ты ведь сама во всем виновата...

Меги обернулась.

— Я? Я виновата? В чем?

— ...Он шел тебе навстречу... Но ты...

— Что я?

— Ты не захотела...

Гнетущее молчание.

— Не захотела после той ночи, — с трудом произнесла наконец дочь.

— После какой ночи?

— После вашей встречи.

Снова гнетущее молчание.

— Ты, значит, следила за мной? — гневно спросила мать.

— Нет, я не следила... гуляла и случайно услышала...

— Что ты услышала? — Цицино дрожала от злости. — Он говорил со мной о тебе... Ты что, не слышала?

— Что? — спросила Меги в страхе.

— Мои последние слова.

— Я слышала их.

— Ну и?..

— Ты могла встречаться с ним и в другое время,
— неожиданно для себя самой сказала Меги.

— Ты, видно, думаешь, что это было свидание?
Эх ты...

Мать не закончила фразу и в ярости вышла из комнаты. Меги сникла. Она не могла простить себе, что не сдержалась и обидела мать. Узы нежной привязанности, соединявшие мать и дочь, были теперь порваны, и непреодолимая пропасть пролегла между ними... Меги злилась, терзалась, упрекала себя. Вдруг ребенок задел косу матери, свисавшую над его головой. Меги охватила какая-то нечеловеческая, первобытная ярость. Правой рукой она схватила свою тяжелую косу и с неожиданной для себя дикой ненавистью прижала ею на секунду головку ребенка к своей груди. Младенец вскрикнул от боли, и мать тут же пришла в себя. Меги передала няне ребенка, уже не издававшего криков боли. Он совершенно успокоился.

Однако случилось нечто непостижимое. Ночью малыш заболел. Утром Меги узнала о болезни ребенка и испугалась. Лишь теперь в ней проснулось материнское чувство. Весь день она не находила себе места, ибо решила, что причинила вчера боль своему ребенку и это послужило причиной болезни. Она молила Невидимого, Всемогущего, чтобы он оградил ее дитя от опасности. О, что только она ни отдала бы за это! Но странно: если бы она могла заглянуть в себя, то поняла бы — она боялась не столько самой смерти сына, сколько того, что причиной ее могла быть боль, которую она, мать, причинила ему вчера. Она старалась отогнать от себя эту мысль. Разве не могло дитя заболеть из-за чего-нибудь другого? Но мысль эта терзала Меги весь день. Наступила ночь, но Меги не могла сомкнуть глаз. Она то и дело бегала в людскую, где лежал ребенок, и напряженно, со страхом прислушивалась к его дыханию. Но она слышала лишь стук своего собственного беспокойного сердца. О, хоть бы дитя умерло не сейчас, позже! Это было бы не так страшно — Меги вся превратилась в мольбу к Бесконечному.

ОН УКУСИЛ

Ее сын умер на другой день. В агонии кормилицу в левую грудь, и, хотя у ребенка еще не было зубов, няне было очень больно.

Меги погрузилась в мрачное безмолвие. Лишь Меники не удивлялась смерти ребенка. «Я знаю, что означают эти прожилки под глазами, — говорила она тоном ясновидящей, — с такими прожилками долго не живут, он не был жильцом на этом свете. К тому же он никогда не кричал, а это уже верный знак. Я уверена в этом».

Меги жадно внимала волшебнице. Но еще с большей жадностью слушала она, когда Меники говорила:

— Разве ты не знаешь?.. Это были роды на восьмом месяце, а восьмимесячные не выживают. Семимесячные — это другое дело... — В таких словах Меги искала утешения.

КОСЫ МЕДЕИ

Ребенка еще не крестили, и поэтому он не мог быть похоронен на кладбище. Было решено предать его земле в поле, в каком-нибудь уединенном месте. Его завернули в полотенце и передали Нау. Нау взял на руки маленькую, страшную ношу и пошел в поле. Там он услышал шаги за спиной. Оглянувшись, он увидел Меги, в тихой печали следовавшую за ним. Они молча пошли вместе. На небольшой поляне ребятишки играли в мяч. Когда Нау и Меги подошли к детям, те прервали игру, и один из мальчиков как бы между прочим сказал, обращаясь к другому:

— Ты знаешь, что у Дидиа со вчерашнего дня пируют?

— А что у них?

— Говорят, Хатуну выдают замуж.

— За кого?

— За какого-то абхаза.

— Стало быть, у них свадьба?

— Нет, помолвка.

Мальчик, сообщивший эту весть, украдкой посмотрел в сторону Меги. Кровь ударила ей в голову, и уже хорошо знакомая ей волна ярости захлестнула ее. Нау и Меги пошли дальше. Меги нарвала полевых

цветов, сломала несколько веток цветущей дикой яблони и, взяв у Нау ребенка, положила на него цветы с ветками и завернула все в шаль.

Нау ничего не понимал.

— Ты знаешь, где живет Хатуна Дидиа?

— Да, — ответил озадаченный Нау.

— Отнеси ребенка абхазу. Он пирует у Дидиа.

Нау взял мертвого ребенка из рук Меги.

— Передай ему ребенка и скажи, что это подарок от меня.

Лишь теперь Нау взглянул девушке в лицо. Ему показалось, что она сошла с ума, но он ничего не сказал ей.

— Свадебный, мол, подарок... от меня... слышишь?

Нау молчал.

— Скажи ему, что я задушила дитя своими ко-сами.

Нау снова взглянул на Меги. Теперь и его взгляд выражал безумие.

— Но ведь это неправда? — прохрипел он.

— Делай, что тебе говорят!.. Иди!

Меги пошла в другую сторону. Нау постоял еще немного в нерешительности, потом направился к дому Хатуны.

У Дидиа и в самом деле был настоящий пир, но не по случаю помолвки. К брату Хатуны пришли Джвебе, абхаз и еще несколько друзей. Абхаз явно ухаживал за Хатуной — это видели все, кто окружал его. Но он не решался просить руки девушки. Окружающие, однако, всегда быстрее принимают решение относительно того или иного человека, нежели он сам, особенно в вопросах, не имеющих к ним никакого отношения. Поэтому и на сей раз все было решено за абхаза и пущен слух, что он берет в жены Хатуну. Слух этот дошел и до его ушей, и он не стал его опровергать. С того момента, когда Астамур услышал, как Меги с презрением назвала своего ребенка «собачьим отродьем» — ибо это он тогда явился к ней, переодевшись в нищего, — его сердце ожесточилось. Он не мог решиться взять в жены Хатуну, что-то удерживало его от этого шага, но он даже и не пытался пресечь распространение слуха о его женитьбе.

Нау вошел в дом Джвебе и попросил вызвать аб-

хаза, который был уже навеселе. Нау передал ему сверток.

— Подарок от Меги, — сказал он глухо. Услышав имя Меги, абхаз испугался. Аромат свежих цветов и веток был приятен ему, и опьянение его сразу же улетучилось. Вдруг он увидел головку мертвого ребенка.

— Что это? — закричал он в ужасе. Его охватило безумие.

— Подарок от Меги, — робко повторил Нау слова Меги.

— Молчи, подонок! — прикрикнул абхаз на Нау. Он положил сверток в траву.

Крик абхаза пробудил дремавшие силы Нау. Твердо, вызывающим тоном он сказал:

— Меги удушила дитя своими косами.

— Подлая шлюха! — крикнул абхаз, и рука его потянулась к рукоятке кинжала. Ярость Нау стала твердой и беспощадной, как сталь. Он был готов к отпору. Абхаз побледнел. Он вдруг пришел в себя и увидел перед собой страшного человека. Он был уверен в эту минуту, что может смертельно ранить своего противника, но так же ясно сознавал, что смертельно раненный зверь в последнем прыжке задушит и разорвет его на куски. Астамур еще больше побледнел. В висках застучало. Дрожь прошла по телу. Рука отпустила эфес, и он прошипел:

— Уйди!

Нау отступил, с трудом сдерживая ярость.

Астамур упал перед маленьким трупом на колени и разрыдался, как ребенок. Он поднял сверток и незаметно покинул двор. Вдруг, вспомнив что-то, он побежал вдогонку за Нау.

— Нау, Нау!.. Стой!.. — крикнул Астамур вслед Нау, который в изумлении остановился.

— Прости меня, Нау, я сгоряча обидел тебя.

В словах абхаза были печаль и доверительность. Нау ничего ему не ответил. Его поразили вид Астамура.

— Почему, почему она это сделала? — спросил он в отчаянии, глядя в пустоту глазами, полными слез. Нау стало жаль его.

— Где теперь Меги? — спросил абхаз кротко.

— Она направилась в эту сторону, когда я пошел к тебе, — сказал Нау уже почти дружелюбно.

Астамур стоял, обуреваемый мрачными мыслями. Когда Нау ушел, он решил во что бы то ни стало повидать Меги. Привязав сверток к ветвям дуба, он решительно зашагал в сторону, указанную ему Нау. Скоро он заметил на поляне Меги. Увидев его, она остановилась.

— Это правда? — крикнул он в бешенстве, идя ей навстречу.

Плотно сжатые губы Меги не размыкались.

— Что ты наделала, безумная? — крикнул он снова.

В глазах Меги и в самом деле мелькнуло безумие.

— Ты ответишь мне наконец?..

Он стал медленно приближаться к девушке. Рука его потянулась к эфесу кинжала. Меги молчала. И вдруг длинный нож блеснул в ее руке.

— Не подходи! — крикнула она угрожающе.

— Это правда? — повторил он свой вопрос, дрожа от ярости. Слово упавший сверху камень, прозвучал ответ:

— Правда.

Ужас исказил лицо абхаза. Рука, наполовину обнажившая кинжал, снова застыла... Взгляд Меги был еще страшнее. И снова он понял, что может сейчас, вот в этот миг смертельно ранить девушку. Но так же ясно он сознавал, что Меги, словно пантера, в ту же секунду нанесет и ему смертельный удар. Меги и в самом деле была похожа на пантеру. Астамур оцепенел, и опять силы оставили его.

Он стоял, будто околдованный, пожирая девушку изумленными глазами. Одета в желтое платье, с белым платком на голове, она казалась ему привидением. Она была страшной в гневе и в то же время прекрасной. Ее глаза пылали огнем, но она молчала.

— Скажи наконец что-нибудь! — умолял ее абхаз.

— Из-за тебя я это сделала.

— Из-за меня?

— Я любила тебя...

Это неожиданное признание было для Астамура как удар молнии. Он забыл обо всем, что произошло,

и бросился перед Меги на колени, целуя как одержимый ее ноги. Меги отскочила в сторону. Он не понимал ничего, он стоял перед ней на коленях.

— Иди к своей Хатуне! — произнесла она с презрением.

Астамур продолжал стоять на коленях как вкопанный, медленно начиная понимать причину бешенства девушки.

— Это неправда, неправда... — пробормотал он растерянно.

Но Меги уже не слушала его. Она резко отвернулась от Астамура, показавшегося ей таким жалким, и она действительно уже не любила его в эту минуту. Она вся дрожала от отвращения к коленопреклоненному. Она пошла прочь от него, мрачная и неприступная, жестокая и страшная. Абхаз еще долго стоял на коленях. Его подбородок дрожал.

Острая боль, будто стрела, насквозь пронзила юную грудь Меги. Она лишь теперь окончательно осознала, что и вправду убила свое дитя. Дрожь сотрясала ее тело, лицо ее стало еще мрачнее. Она оглянулась, чтобы позвать на помощь отца мертвого ребенка, но его уже не было.

Мрачная и безучастная ко всему шла Меги, ничего не видя перед собой. Ее ноги не ощущали под собой землю. Пламя гнева в крови погасло, и невыразимый ужас обуял ее. Ей казалось, что это была не она, а какая-то другая, не знакомая ей женщина. Даже имя свое она вспомнила лишь с трудом. Словно медуза, плыла она по неведомым волнам. Ее пустой, погасший взор скользил безучастно по залитой солнцем равнине. Блики солнца в кроне деревьев ей уже не напоминали, как прежде, светящиеся пятна леопардовой шкуры, а скорее струпья отвратительной сыпи. Меги казалась себе прокаженной, запятнанной. Ей хотелось плакать, но слез у нее не было, ей хотелось кричать, но она задышалась. И все же крик, сдавленный крик был в ее волосах, в ее светлых косах. Волосы терзали девушку, тяжелые, волнистые косы душили ее. Она достала нож и отрезала свои длинные, прекрасные косы.

Как долго сдерживаемый крик вырывается на свободу, так облегченно вздохнула Меги, освободив-

шись от кос. Но она не могла заставить себя бросить их. Будто ставшие плотью лучи солнца, извивались они вокруг кисти ее руки. Они были прекрасны, но печать преступления лежала на них. Рука Меги задрожала: не были ли эти косы ею самой, девушкой по имени Меги? И она пошла дальше, понутив голову.

Вдруг Меги увидела то дерево, под ветвями которого она тогда промчалась на своей лошади. Она вспомнила себя, ту девушку Меги. Имя «Меги» прозвучало для нее как-то странно и незнакомо. Она подошла к дереву, взглянула на нижний сук, на котором висела прядь ее волос, застрявшая в тот день. Меги вдруг охватил страх. Внутренний взор ее рисовал петлю самоубийцы. В горле у нее пересохло. Она задыхалась. Широко раскрытыми глазами уставилась она на прядь волос. Как близка была смерть от нее в тот день, и почему она не взяла ее? Но ведь сук на месте. Волосы обвились вокруг него. Они манят, они зовут. В смертельный яд превратились мысли. На суку висели концы срезанной веревки. Здесь, наверно, дети качались на качелях. Взгляд Меги был прикован к суку с обрывками веревки. Ее мозг вдруг окутал густой туман, тело превратилось в крик, тщетно ищущий выхода на свободу. Слово какое-то омерзительное чешуйчатое животное, по ее телу поползло ощущение отвращения и ужаса, и Меги, как дикая кошка, прыгнула на дерево. Она села на сук, сделала петлю из кос и привязала к ней концы веревки, после чего она обеими руками взялась за сук, опустила вниз тело и просунула голову в петлю, страстно желая избавиться от самой себя.

Но было бы это избавлением?

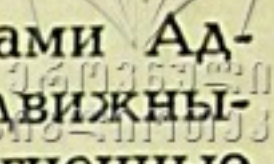
Как в звездный час, ее осенило: мгновение, в течение которого проходит тысячелетие. Меги вся была зрение, каждая часть ее тела превратилась во взор, направленный внутрь. Этот всепроникающий взор скользил по неведомым, бесконечным просторам. И вдруг она увидела: когда-то давным-давно жила на свете девушка, задушившая своими собственными косами родное дитя, или ей лишь показалось, что она задушила его? Эта девушка побежала в поле, отрезала мучившие ее косы, подошла к дереву, в ветвях которого застряла прядь ее волос тогда, когда она одна-

жды промчалась здесь на лошади, вскочила на дерево, привязала отрезанные косы к суку, сделала из них петлю, просунула в нее голову... Меги не смогла смотреть дальше. Сквозь хаос узнала она в этой девушке себя самое. Рука конвульсивно схватилась за сук, голова была полна предсмертного ужаса... Еще одно мгновение, не менее страшное: Меги смотрит в будущее, в далекие тысячелетия: та девушка снова подходит к дереву, и, как кошмарный сон, повторяется то же самое, за исключением последнего движения. В ужасе Меги видит: та девушка оглянулась так же, как и она... Нечеловеческий страх охватил ее. Еще немного и она отпустила бы сук. И вдруг что-то светлое, словно быстрый солнечный луч, прошло через ее сознание... Это был ее добрый гений, озаривший ее в этот миг.

Объятая ужасом, девушка отвернулась от ужасного. Она вытянула голову из петли и спрыгнула с дерева. Ее ноги вновь ощутили под собой землю. Ужасное рассеялось. Словно проклюнувшийся из скорлупы птенец, вышла Меги из страшных глубин на волю, окрыленная, вновь рожденная. Она пошла, все дальше удаляясь от того дерева, боясь оглянуться. Ей казалось, что она окаменеет, как жена Лота, если оглянется. Меги еще была полна печали, но печаль ее посветлела. В душе ее еще царило уныние, будто она сама себя оплакивала, как покойницу. Глаза ее уже видели вновь солнечные крендельки сквозь листву деревьев и уже не было ощущения гноящейся сыпи. Вечер таял в багрянце. Росли тени. Меги взглянула на свою тень: и она удлинилась. Ее шаги были легки, как в царстве теней. На глаза ее навернулись слезы. Меги плакала. Она оплакивала себя.

УМИРАЮЩАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Меги шла через широкое поле. Перед небольшим холмом она остановилась. Подобно расплавленной руде, разливался закат. Девушка посмотрела вдаль: кроваво-красный диск солнца тускнел. А если оно погаснет совсем? — подумала она и вздрогнула от этой вне-

запной мысли. Далеко на горизонте, над горами Аджарии, плыли облака, но они казались неподвижными. Пылающий диск солнца посылал свои огненные лучи, озаряя ими облака. Взгляд Меги впитывал все цвета и оттенки неба: от темного пурпура граната до светло-оранжевого и далее до бледно-лимонно-желтого и отливающего опалом перламутра. Эти цвета чередовались, чтобы в конце концов превратиться в спокойный матово-белый цвет. Белое еще дышало первою силой света. Небо очистилось, посветлело, стало почти осязаемым, но оставалось отрешенным. С изумлением увидела это Меги. Слово белые лебеди, чьи головы терялись в бесконечности, проносились по небу облака. Но иногда казалось, что они стоят на одном и том же месте. Беззвучная мелодия пространства. Меги вбирала ее в себя всеми порами своего тела. Предел бесконечности. Во вселенной крушились образы и среди них — погруженный в мечты образ Меги. Парила Земля — Меги ощущала это всем существом — в беспредельном пространстве. А вместе с Землей парила и Меги, освободившаяся от притяжения Земли.

Диск солнца погас. Уныние и мрак разлились по Земле. И Меги была сумрачна. Она напоминала умирающий жемчуг. Где та прекрасная незнакомка, на чьей груди она вновь оживет? Меги вдруг вспомнила о своем портрете и ускорила шаги, чтобы увидеть Вато.

Художник в последние дни стал реже показываться в доме амазонок. С каждым днем он становился все нелюдимее. Он построил себе хижину недалеко от дома Цицино, под горизонтально склоненными, будто зеленый шатер, ветвями старого дуба. В этой хижине он жил и работал. Он питался медом, хурмой и пшеном. Люди избегали его. Он жил в уединении, вернее, наедине с природой. Работу над портретом он продолжал. Он уже не сомневался, что закончит ее. Ему казалось, что он подошел к той грани, когда портрет уже обладает собственной силой, способной завершить себя и дать художнику все необходимые штрихи и цвета, как бы предначертанные свыше. Блаженству его не было предела. Когда он сидел перед своей хижинкой, глядя на финиковую пальму, увитую

виноградной лозой, ему казалось, что он сам — пло-
доносящая лоза. Художник был окрылен творческой
удачей. Но радость его не была вполне чистой. Порой
какая-то мутная волна омрачала ее. Вато любил свое
произведение, но он любил и Меги. Он любил ее, мо-
жет быть, даже еще больше, чем портрет. Страсть
подтачивала его здоровье, но в глубине души он знал:
если страсть его будет удовлетворена, то погибнет
любовь. Поэтому он укрощал в себе по мере сил своих
буйное пламя желания. Он испытывал муки челове-
ка, томимого жаждой. Но в душе он наслаждался
тем, в чем ему было отказано в действительности.
Главной, скрытой причиной его уединенного образа
жизни было, по-видимому, желание удалиться от со-
блазна.

В эту минуту, когда он думал о Меги, она вдруг
оказалась перед ним. Это был ее первый визит к нему,
Вато, немало удививший его. Он с радостью поспешил
ей навстречу, и радость была и в словах его:

— Меги, ты?..

Меги молча с мрачным лицом приближалась к
нему. Ее взгляд, выражавший безумие и тоску, испу-
гал Вато.

— Что случилось? — спросил он с тревогой в го-
лосе.

— Ничего — сдержанно ответила девушка.

Ее взгляд стал спокойнее. В глазах ее оставалась
печаль. Вато задумался. Раньше Меги, пожалуй, утаи-
ла бы от него цель своего визита. Сегодня же она
сказала прямо:

— Я пришла посмотреть на картину.

— Это правда? — спросил обрадованный ху-
дожник. — Идем, идем...

К стене хижины была прислонена лестница. Меги
стала подниматься по ней первой. Вато вдруг увидел
ее обнаженное колено, похожее на колено Дианы,
приготовившейся к прыжку, и почувствовал, что укро-
щенное пламя в любое мгновение может вырваться на
свободу. Нечеловеческим усилием он погасил в себе
вспышку желания и последовал за девушкой. С зата-
енным дыханием он волочил свое взбудораженное
тело, как улитка раковину.

— Вот она!..

Вато сдернул покрывало с мольберта, и перед Меги предстал вдруг в окружении тонких штрихов, передававших вечерние сумерки, чудесный портрет девушки. Портрет изображал ту самую девушку, которую она оплакивала: она стояла среди высокой кукурузы, доходившей до ее плеча. Зеленые, непроницаемые тона местами сгущались, переходя в цвет ляпис-лазури. То было время перед заходом солнца. Колыхалось кукурузное поле, зеленые волны окружали девушку, тянулись к ней, словно к добыче. Тяжелый лист в виде ящерицы прижался к юной груди, то ли лаская ее, то ли в неистовой страсти. В правой руке у девушки был стебель, извивавшийся как бы от боли. Она стояла с гордо поднятой головой, во весь рост, и волнистые волосы ее горели на фоне необозримого изумрудного поля. Благодаря редкому искусству, которым владеют лишь иранские мастера, тона здесь были смягчены: мерцающий блеск волос напоминал тот не поддающийся точному определению красный цвет дубового листа, который иногда находишь осенью — единственный среди множества опавших листьев. Волосы девушки были зачесаны назад, но одна прядь на левом виске, росшая сама по себе, придавала ясному, открытому лбу упрямое выражение. Диковинный цвет лежащего на дне моря белого камня, который можно увидеть широко раскрытыми глазами сквозь прозрачную воду, когда над ней стоит полуденное солнце, — это был ее цвет. Ноздри ее были похожи на ноздри волчицы, чующей приближение опасности. Около правого уголка рта видна родинка, напоминающая след укуса похотливого самца. Чувственный рот плотно закрыт, но любой его поцелуй может ранить. И все же печать тихой грусти лежала на устах девушки. Полуоткрытые глаза — будто влажные египетские изумруды, но увлажнены они не от счастья. В пещере они засветились бы. Их взор парил над всем, и стоило человеку, смотрящему на эту картину, заглянуть в эти глаза, как перед ним исчезало все прочее, составляя теперь лишь второстепенные детали. Мысль портрета тут же менялась. Кукуруза уже не тянулась к девушке. Она вся была самоотвержение. Твердость линий исчезала, и покой опускался на картину, как ночь опускается на острова южных морей. Казалось,

будто девушка предчувствует нечто неведомое, будто она готова вобрать в себя бесконечность. От всего ее существа веяло кротостью и покоем. Но в этом покое было что-то от печали кочевников. Тишина, нарушенная неожиданно вспорхнувшей птицей, — вот то неуловимое, что уловила здесь кисть художника. Волшебство исходило от картины, будто сквозь бездонную тишину сочилась слеза.

При виде портрета печаль, наполнявшая Меги, немного посветлела. Может быть, умирающий жемчуг еще можно оживить? Вдруг ей стало холодно и страшно.

— Прикрой ее! — приказала она художнику.

— Она прекрасна, не правда ли? — спросил Вато.

— Да, — равнодушно ответила Меги. Но мысли ее были уже далеко.

— Но ты прекраснее... — робко добавил художник.

Меги увидела огонь в его глазах, который не понравился ей. Она чуть вздрогнула, глядя отсутствующим взглядом во двор. Сумерки сгущались. Вато не отрывал взгляда от Меги, но она, казалось, не замечала его. Он, обычно неразговорчивый, говорил теперь много и лихорадочно. Слова его были бессвязны, мысли рассеяны. Однако спокойный взгляд девушки словно не воспринимал его волнения.

Сгущались тени. Вдруг художник вскочил, охваченный дикой страстью... Бледный, дрожа всем телом, тяжело дыша, подошел он к девушке. Меги сидела неподвижно и казалась спокойной. Рукой, горевшей, как пламя, Вато коснулся косынки Меги. В то же мгновение он отдернул руку от косынки, ибо не нашел кос на прежнем месте. Вато оцепенел. Но прикосновение его руки испугало Меги, как если бы ей нанесли неожиданный удар. Ей казалось, будто огонь коснулся ее волос, и голова ее запылала.словно взбешенная менада, вскочила она со стула и выбежала из хижины.

Художник стоял как громом пораженный, ничего не понимая.

Уже стемнело, а Меги еще не вернулась. На лице Меники в предчувствии недоброго четко обозначились морщины. Цицино помрачнела. Но больше всех волновался Нау. Он не знал, что и подумать, когда Меги приказала ему передать абхазу мертвое дитя и сказать ему, что она, дескать, убила его. Его мозг был взбудоражен, и дух подавлен. Он, правда, видел, как Меги встретила с абхазом, но не мог сделать никакого вывода из этого. И наконец попытка девушки покончить с собой окончательно сбила его с толку. Неужели она и в самом деле пыталась повеситься? Его звериный инстинкт был не в состоянии постичь это. Когда Меги побежала к дереву, он наблюдал за каждым ее движением. Он видел, как она отрезала свои косы и сделала из них петлю. Когда же она накинула петлю на шею, он весь превратился в оголенный нерв. Он боялся пошевелинуться, как прохожий боится позвать сомнамбулу, стоящую на краю пропасти. Но он был наготове и знал, что как только девушка отпустит сук, он бросится к ней и перережет петлю. К счастью, этого не случилось, и Нау облегченно вздохнул, когда Меги была уже далеко. Он еще долго стоял на месте, не смея шелохнуться. Когда Меги скрылась из виду, он подошел к дереву, вскарабкался на него, отвязал косы и соскочил на землю. Косы он спрятал на груди. Они были еще теплыми... Нау пошел домой. Меги он уже не видел. Что могло с ней случиться? — спрашивал себя Нау и не находил ответа. Наконец женщины осмелились спросить его о Меги. Он рассказал им то, что видел, умолчав лишь о случившемся у дерева. Это был первый случай, когда он скрыл что-то от боготворимой им женщины. Ему всегда казалось, что Цицино читает его мысли, и он бледнел и конфузился перед ней. Срезанные косы Меги огнем обжигали ему грудь. Ему не хотелось еще больше огорчать Цицино и няню. Едва дыша, он прошептал: «Может быть, Меги у Бучу?». Цицино велела ему немедленно разыскать Меги там, и Нау тотчас пошел к Мегиной подруге. Тем временем в доме Цицино появился и Вато. Он рассказал женщи-

нам, что Меги была у него, вскочила вдруг ни с того ни с сего и убежала. Вато был взволнован, однако заметил, что женщины были встревожены еще больше. Желая хоть как-нибудь объяснить Цицино и Меники исчезновение Меги, он сообщил им, что она отрезала свои косы. «Отрезала косы?». По лицам женщин пробежала дрожь. Нау вернулся через полчаса, но он не мог сообщить ничего утешительного. Бучу сказала ему, что Меги, мол, зашла к ней на несколько минут, попросила нитку и кусок материи и тут же ушла. «Нитку и кусок материи? Что это значит?»

Цицино молчала с мрачным лицом. Меники опустила голову, словно древняя вавилонянка, намеревающаяся гадать по разделенному на пятьдесят ячеек глиняному оттиску печени. Лицо ее, изборожденное множеством морщин, в эту минуту и в самом деле было похоже на пророчествующую печень.

— Может быть, она хотела переодеться? — спросила Меники тихим голосом.

— Зачем? — так же тихо ответила ей Цицино.

Молчание. Цицино подозвала Нау и вместе с ним вышла на балкон. Она приказала ему оседлать коня и поспешить к Хатуне Дидиа. Не исключено, что Меги пошла туда, чтобы встретиться там с абхазом. Нау поскакал к дому Дидиа. Меги не оказалось и там. Не застал он у Хатуны и абхаза. Цицино не могла совладать с собой.

— Немедленно скачи к княгине, найди там Джвебе и узнай у него все, что ему известно о Меги. И чтобы к утру ты был здесь! — крикнула она.

Нау поехал в Зугдиди. Была темная ночь. Но глаза Нау, как и глаза его коня, видели во тьме. Было уже за полночь, когда он въехал в княжеский двор. Ему удалось разбудить нескольких слуг, с которыми он был в приятельских отношениях. Они сообщили Нау, что Джвебе проводил княгиню в Горди, где была ее летняя резиденция.

— А где Астамур? — спросил Нау.

— Астамур, — отвечали слуги, — уже несколько дней не показывался здесь.

В эту ночь ни Цицино, ни Меники, ни Вато не спали. Рано утром Нау вернулся усталый и взбудораженный. Весть об отъезде княгини повергла всех в

крайнее изумление. Как? Сейчас, осенью, она отправилась в летнюю резиденцию? Ведь уже был октябрь. Цицино всем сердцем, сердцем матери почувствовала что-то неладное. Ведь в это время шла Крымская война, и вся Мегрелия со страхом ждала вторжения турецких войск. Редут-Кале уже пал.

Может быть, абхаз вернулся на свою родину? И Меги уехала с ним? Мозг Цицино лихорадочно работал. Она не могла в такую минуту сидеть сложа руки. Оседлать коней! Помчаться за ними! Лошади скоро были готовы, и Цицино в сопровождении Нау отправилась в путь. Однако, не доезжая Кодори, им пришлось остановиться и повернуть обратно.

ВТОРЖЕНИЕ ТУРОК

Это было 25 октября 1855 года. Омер-паша во главе тридцатитысячного корпуса появился на берегах Ингури, имея целью отвлечь внимание русских от блокады Карса, мегрельская часть Грузии была в особых отношениях с Россией. В 1808 году был заключен договор, содержащий следующие пункты: жизнь и свобода подданных мегрельского правителя теперь были в распоряжении русского царя; в решении же внутренних вопросов Мегрелия сохраняла автономию. Таким образом, территория, подвластная мегрельскому правителю, находилась с момента подписания договора под покровительством русской армии. Этот договор Омер-паша использовал в качестве повода, чтобы рассматривать Мегрелию как часть Российской империи. Он пересек Кохи и Кахати, разбил русских, выступивших против него, занял Зугдиди и продвинулся до берегов Цхенис-Цкали (Гипос — у древних). Владетельница Мегрелии бежала из летней резиденции, укрывшись со своими детьми в горном неприступном Лечхуми. Все эти события разыгрались в течение нескольких дней.

В Мегрелии царило волнение, и Цицино в отчаянии следила за ходом событий. За корпусом Омер-паши следовали пестрые, наскоро собранные банды из абхазов, цебельдов, убыхов и других горских на-

родностей, присоединившихся к Турции. Они нагоняли страх на всю округу от Зугдиди до Онтото. Они мародерствовали и похищали детей. Цицино не находила себе места. Правда, Омер-паша кое-что предпринимал для предотвращения грабежей и насилий, но он, конечно, не был в состоянии предусмотреть каждый отдельный случай. Даже некоторые мегрельские феодалы следовали примеру мародеров; они вспомнили о своих давным-давно всеми забытых феодальных правах и стали продавать туркам мальчиков и девочек. Цицино носилась от одного места к другому, словно обезумевшая пантера. До нее дошел слух, что сам Омер-паша приобрел таким образом одалиску необычайной красоты. А что если Меги вправду попала к туркам? При этой мысли Цицино охватила ярость, напоминавшая ярость лошади, раненной на полном скаку. Она решила поехать к княгине в Лечхуми, чтобы с ее помощью добиться аудиенции у Омера. Нау она взяла с собой. Княгиня с семьей находилась в Мури в сорока верстах от Горди. Это было почти неприступное место: ущелья и пропасти, по краям которых тянутся головокружительные тропки, а внизу текут бурные реки, образующие во многих местах водоемы и пороги, над ущельями были подвешены мосты из длинных виноградных лоз. Через два часа пути из Горди — резкий, крутой спуск к реке Цхенис-Цкали. Узкая тропка, пробитая в скале, серпантинном уходит в глубь ущелья. Но лошади Цицино и Нау привыкли и не к таким тропам. Деревушка Мури расположена в начале тесного ущелья, через которое Цхенис-Цкали проложила себе дорогу из высокогорной Сванети. У подножия горы стоит княжеский дом с широкой террасой. На высокой горе видна старая крепость, а на том берегу реки — Цагерский монастырь. В этом монастыре княгиня укрыла своих детей. Сама же она расположилась в крепости Мури, ибо отсюда можно было поддерживать связь с Имерети.

Княгиня приветливо встретила Цицино. Но обратиться к Омер-паше с личной просьбой она не могла. От имени Цицино княгиня написала прошение на французском языке, с которым Цицино должна была отправиться к Омер-паше. Но она сначала заехала до-

мой, захватив маленький лезгинский кинжал, который спрятала на груди. Для чего он понадобился ей? Уж не представила ли она себя на месте мстящей Юдифи перед мрачным, страшным Олоферном?

Омер-паша принял ее в Зугдидском дворце с большими почестями. Османский полководец был пленен красотой мегрельской вдовы. Чувствовала ли это Цицино, было трудно определить по ее непроницаемому лицу. Но от настороженного взгляда Нау не ускользнуло пламя, вспыхнувшее на мгновение в глазах Омер-паши. Нау стоял недалеко от Цицино, мрачный, словно нубиец, готовый по первому знаку своей госпожи броситься на завоевателя. Омер-паша прочел прошение. Он тут же велел вызвать Каци Маргания — абхаза, перешедшего на сторону турок, — и в присутствии Цицино приказал ему: принять все меры, чтобы найти Меги. Маргания опустил голову в знак повиновения и удалился. Цицино была счастлива. На прощание Омер-паша подарил прекрасной вдове дорогую шаль цвета шафрана.

Прошли дни и недели. Поиски Меги не увенчались успехом. Цицино не прекращала искать ее повсюду. Тем временем 16 ноября был сдан Карс. 22 ноября весть о сдаче крепости дошла до лагеря Омер-паши. Таким образом турецкий корпус выполнил свою задачу в Мегрелии, и в декабре Омер-паша отвел свои войска из Цхенис-Цкали в Редут-Кале. Цицино, Меники и Вато в отчаянии продолжали искать пропавшую Меги.

У МЕЛЬНИКА

Куда пойти? Как успокоить затравленное сердце? — лишь об этом могла теперь думать Меги после того, как она покинула хижину Вато. Вернуться домой? Ни за что на свете! Как нечто омерзительное, тошнотворное показалась ей теперь попытка самоубийства. Она была почти уверена, что не смогла бы утаить дома этот страшный факт, тем более, что Нау, по-видимому, все подглядел. Да и как бы она объяснила исчезновение своих кос? Ее короткие волосы обжигали ей голову. Ко всему этому прибавилась еще глухая

неприязнь к матери. Мысли девушки, словно острые жгучие иглы, мучили ее. Но ведь мать и няня будут беспокоиться. Ничего, пусть и они немного пострадают. Тем большей будет их радость, когда она, спустя некоторое время, снова вернется к ним. Предвкушение этой радости почти успокоило ее. Она не шла, а бежала.

Бучу забеспокоила, когда увидела запыхавшуюся Меги. Но Меги не дала ей опомниться и попросила у нее кусок материи и нитку с иглой. Получив и то, и другое, она так же внезапно исчезла. Она шла, не зная куда, шла без передышки. Была темная, влажная ночь. Деревни спали. Повсюду царил тишина. Лишь изредка из леса доносился крик зверя. Тогда Меги останавливалась, прислушивалась к биению своего сердца. Боялась ли она? Едва ли. Она шла все дальше и дальше. К утру она сделала привал у подножия горы. Это было безлюдное место. Меги на скорую руку сшила себе брюки из своего платья, смастерила башлык из куска ткани, взятого у Бучу, и, переодевшись, пошла дальше. Благодаря стройной фигуре, ее легко можно было принять за юношу. Конечно, одежда не ахти как ладно сидела на ней, но ведь сколько мегрельских пастухов одето в рванье! Башлык она опустила так низко, что ее девичьи черты не бросались в глаза. В конце концов, ей даже нравилась ее маскировка.

Меги направилась в сторону моря. Быть может, его могучее дыхание манило ее? Кто знает, где бы она остановилась, если бы в Мегрельской долине вдруг не появились турецкие войска. Теперь она была вынуждена остановиться. Меги подошла к мельнице, стоявшей уединенно и тихо на берегу реки, надеясь найти здесь пристанище.

Мельник был невзрачный человек в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет. Нельзя было определить, поседел ли он уже или нет, так как голова его постоянно была посыпана мучной пылью. Он был низкого роста, коренаст, глядел мрачно и мог сойти за водяного, обратившегося в мельника. Его длинные руки доходили до колен, а левая была шестипалой. Она скорее походила на звериную лапу, чем на руку человека. Левым пепельно-серым глазом он смотрел на

мир угрюмо и недоверчиво, а правый был изъеден сибирской язвой, и на его месте кровавым пятном зияла пустая глазница. Старик никогда не улыбался и мало говорил. Казалось, что он превратился во внутренний слух. Медленно, неуклюже ковылял он на своих коротких ногах. Одна нога его была заметно короче другой. Иногда он вполголоса напевал себе что-то, но нельзя было разобрать ни слов, ни мелодии. И все-таки лицо его выражало нечто, близкое к доброжелательности, но это могло быть и равнодушие. Андри — так звали мельника — приютил «юношу», не обнаружив ни малейшего любопытства по отношению к его персоне.

Меги помогала мельнику в той несложной работе, с которой он справлялся и до ее появления. В это время редко кто заглядывал на полузабытую мельницу. Меги, и без того склонная к мечтательности, здесь, на мельнице, совсем ушла в свои грёзы. Она была крайне молчалива и говорила очень редко, да и то приглушенным тоном. Шум мельницы уносил ее в далекий мир, в мир мечтаний. Она часами сидела, погруженная в раздумья, и то, что ее окружало, казалось ей призрачным и если не привлекательным, то вполне безобидным и сносным.

Вдали блестело море, широкая гладь которого то и дело возвращала ее к действительности. Оно манило девушку к себе, но она не решалась подойти к нему ближе. Боялась ли она? Волнение моря нарушало покой, воцарившийся совсем недавно в ее душе. Ей были знакомы и близки все элементы земли, но море было нечто другое, совершенно ни на что не похожее из того, что она хорошо знала. И все-таки в минуты раздумий в недрах ее существа что-то манило ее, и это нечто было так же первобытно, неопределенно и глухо, как море.

Однажды в полуденный час, когда осеннее солнце Колхиды, словно большой желтый плод, повисло над землей, Меги увидела гигантскую тучу, подкрадывающуюся с правой стороны моря. Она казалась абсолютно неподвижной, но огромная тень ее с непостижимой быстротой покрывала всю обозримую зеркальную гладь моря. Лишь на одной стороне еще было видно солнце. Но скоро оно совершенно исчезло. Наступила тьма,

таинственная и жуткая. Словно спящий Левиафан, разбуженный и охваченный вдруг смертельным безумием, вздыбилось море. Подозрительная кромка пены появилась на гребнях взбешенных волн. Лик природы преобразился. Ее стихия, обычно такая близкая и светлая, теперь показалась девушке непостижимой и непроницаемой. Со страхом взирала она на тучу, распростершую свои гигантские, чудовищные крылья. Тяжело, величаво и мрачно плыла она над землей. Вдруг ее тело разверзлось, и она разразилась неистовой бурей. Меги испугалась и укрылась на мельнице. В трепете листьев она узнала свою собственную дрожь. Страшный ливень обрушился на землю. Казалось, все будет затоплено им, и Меги вместе со всеми. И все же в глубине своего существа она ощущала смутное блаженство; нечто первобытное, беспредельное и безымянное овладевало ею. Меги дрожала.

Андри обращал на «юношу» мало внимания. Лишь иногда его походка заставляла мельника задуматься. И голос его звучал по-девичьи. Но мелькнувшее на секунду подозрение тут же исчезло: разве мало таких юношей, которые похожи на девушек, особенно в Мегрелии, да к тому же в переходном возрасте? Но в последнее время мельника стал беспокоить сон его помощника. Во сне он с кем-то боролся, но в его стоне слышался трепет блаженства и счастья. Чисто женский трепет, — подумал старик. Подобные сны участились после той бури. Но Андри еще сомневался: может быть, ему это показалось? Он потерял покой. Но скоро сомнения его окончательно рассеялись. Однажды, когда Меги ссыпала кукурузу в люк мельницы, он стоял, чем-то занятый, возле нее. Она вдруг споткнулась, и он поддержал ее, не дав ей упасть. Точно спелые плоды, легли ее плотные груди ему на руки. У мельника закружилась голова, девичьи груди, казалось, обожгли его. Ее уста источали пьянящий аромат. Медленно, нехотя отпустил «водяной» свою добычу. После этого случая жгучее желание становилось изо дня в день все неистовее, поглощало его. Однажды ночью, когда мельнику вновь показалось, что девушка борется с кем-то, он подкрался к ней и обнял ее своими сильными руками. Он был ведь еще довольно крепким мужчиной... Меги проснулась и громко вскрик-

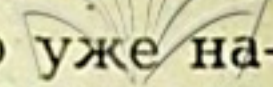
нула. Вместо приснившегося ей солнцеликого юноши ею овладевал какой-то отвратительный «водяной». Она чувствовала на своих губах отталкивающий запах, исходивший изо рта пыхтевшего старика. К ее правой груди присосалось пресмыкающееся — шестипалая лапа грязного животного. словно взбешенная волчица, вскочила Меги, бросилась на старика и схватила его за горло. Мельник был не в силах разжать ее пальцы, вцепившиеся в него мертвой хваткой. Через несколько минут послышался его предсмертный хрип. Не был ли в этом хрипе отзвук блаженства? Меги в ужасе отпрянула от старика. Страх и отвращение поползли по ее телу. Мельник был мертв.

ЖЕРТВА

Турки покинули Мегрелию, и жизнь возвращалась в свою привычную колею. Меги нигде не удавалось найти. Цицино решила, что Меги, по-видимому, во время турецкой оккупации бежала с абхазом на его родину. В который раз она велела оседлать коней и поехала в сопровождении Нау в соседнюю Абхазию. Но в доме Лакербая она и на этот раз не узнала ничего утешительного.

Мать Астамура была в отчаянии: ей сообщили, что сын ее присоединился к войску Омер-паши и ушел вместе с турками. Ничего другого об Астамуре никто не знал. Цицино еще цеплялась за надежду, что Меги ушла вместе с Астамуром в Турцию, ведь надежда всегда сама находит себе опору. Когда Цицино вернулась в Мегрелию, она застала в доме Вато и Меники. Оба были необычайно взволнованы. В отсутствие Цицино Вато спал в ее доме, взяв с собой портрет. Но однажды ночью он оставил портрет в своей хижине, будучи уверенным, что его там никто не возьмет. Однако картина исчезла, и ее, по всей вероятности, украли. Художник был в отчаянии: Меги пропала, картину похитили — все пошло прахом. Он похудел, и его странности теперь еще больше бросались в глаза. Дом Цицино стал очагом беды и печали.

Но Меги не бежала в Турцию. Через два дня наш-

ли труп мельника. Его синевато-красное тело уже начали грызть крысы. Но еще что-то другое вызывало ужас: люки мельницы были пусты, и жернова, как два призрака, стучали вхолостую, словно искусственные, мертвые организмы, симулирующие жизнь. Мельника похоронили. Предполагали, что он или убит турками, или умер своей смертью. Следов же насильственной смерти на его горле уже не было видно, так как труп был изъеден крысами.

Меги была уже далеко. Она решила покинуть Мегрелию, ибо ей казалось, что на ее родной стране лежит проклятие. Себя она теперь уже окончательно считала убийцей, но, к своему удивлению, она заметила, что мысль о самоубийстве уже не приходила ей в голову. Она огрубела, подобно пораженному молнией суку дерева, который, несмотря ни на что, пускает здоровые ростки. Словно клеймо на теле, жгло ее бесчестие. По непонятной ей самой причине она уже не могла ходить в мужской одежде и снова надела платье. От него, правда, остались одни лохмотья, но разве в Мегрелии мало девушек одеты в лохмотья? Она пошла в сторону Гурии, оборванная, опозоренная, голодная. На одной поляне она увидела свободно пасущуюся лошадь, села на нее и, переправившись через Риони, продолжила путь пешком. Силы покидали ее, но она шла, шла без надежды, без цели. Охотники князя Эристави нашли ее в Гурии, едва живую, лежавшую в открытом поле. Они привезли ее в княжеский замок. Никто ни о чем не стал спрашивать девушку, ибо в то время в Гурию прибредало много беглецов из Мегрелии. Меги приглянулась молодой княгине Цецилии, второй жене князя, принявшей ее в число своих камеристок. Однако и здесь ее ждало испытание. Бесконечные приставания молодого князя, пасынка Цецилии, не давали ей покоя. Меги была в конце концов вынуждена открыться молодой княгине, рассказав ей кое-что из того, что с ней произошло. Цецилия взяла Меги под свое покровительство и велела пасынку оставить девушку в покое. Но повеление молодой мачехи не возымело действия, ибо сама она с лицом Мадонны, искушаемая на каждом шагу, была не вполне безвинной: молодому князю было известно, что его мачеха состояла в интимной связи с

дворянином, жившим в соседнем поместье. Муж Цецилии был стар и вспыльчив. От него постарались скрыть факт измены жены. Но у самого князя появилось подозрение, и он установил слежку за женой. Однажды ночью ему послышался подозрительный шорох в покоях жены. Он оказался вдруг в ее спальне, в исподнем, с обнаженным мечом в руке. Любовнику удалось вовремя выпрыгнуть в окно. Темнота спасла его. Но Цецилия долго не могла прийти в себя, и дрожь в голосе чуть было не выдала ее. И тут в спальне неожиданно-негаданно появилась Меги. Она была посвящена в тайну своей покровительницы. Меги сказала, что из ее комнаты, примыкавшей к спальне княгини, только что выпрыгнул какой-то мужчина. Цецилия затаила дыхание. Старый князь был озадачен. Он, конечно, чувствовал, что его жена именно теперь обманула его, ибо ревность не слепа, она зряча и даже более того: она порой становится ясновидящей. Старый рогоносец задрожал от бессильной злости. Но вместе с тем ему очень хотелось, чтобы это было неправдой, было бы вычеркнуто из круговорота его бытия — лишь в подобном желании ревность слепа. Смущенный и огорченный, а, может быть, и с затаенной радостью опустил он меч и извинился перед супругой, оправдав свою выходку необходимостью защиты ее же чести. Меги он бросил: «Вон отсюда, девка!». Этого требовала его честь. Меги удалась, торжествуя, но слова князя обожгли ей спину. Цецилия потребовала от мужа, чтобы тот сохранил в тайне случившееся.

Прошло несколько месяцев. Меги почувствовала себя беременной. Тогда, на мельнице, все-таки случилось непоправимое. Позор облекался в пятно во плоти, обретавшее жизнь. Меги испытывала такое отвращение к своему собственному телу, что ей иногда хотелось выплюнуть себя из самой себя. Она доверилась Цецилии. Княгиня посоветовала ей избавиться от плода, но Меги, предпочитавшая избавиться от самой себя, не согласилась с княгиней. Однако помощь пришла неожиданно скоро. Однажды вечером после того, как Меги подняла тяжелый груз, она выкинула мертвого ребенка. Она испытывала к нему отвращение. Князь торжествовал, выкидыш был для него не-

опровержимым доказательством невинности жены. Меги скоро оправилась, но пережитое подтачивало ее сердце. И все-таки, несмотря ни на что, она порой чувствовала себя девушкой, целомудренной, ничем не запятнанной.

О выкидыше скоро узнал весь княжеский дом, и слух о нем дошел до деревни. Меги сгорала от стыда. Молодой князь стал приставать к ней пуще прежнего. И тогда она решила навсегда уйти из Гурии. Цецилии не хотелось отпускать от себя полюбившуюся ей девушку, ставшую ей почти подругой. Но Меги ничто и никто уже не могли удержать. Тайком, доверившись лишь княгине, она покинула дом Эристави.

ПРИЗРАК ЛУНЫ

Меги снова дышала ароматом трав влажной мегрельской земли. Она была на пути к родному дому. Ее тоска по матери была так сильна, что она уже не боялась рассказать ей и о своем позоре, и о пережитых кошмарах. Она начала воспринимать свою судьбу как нечто закономерное и само собой разумеющееся. Она шла медленно, погруженная в свои мысли. Вдали послышались звуки «Челы» — мегрельской аробной. Сердце ее радостно забило. Она зашагала быстрее, нагнав скоро пару буйволов, запряженных в арбу. «Чела» — означает по-мегрельски «буйвол». Отсюда название песни. Буйволы шли нехотя, меланхолично, и песня молодого погонщика тоже была грустной. Когда Меги приблизилась к нему, он прервал песню. На арбе сидела женщина с девочкой лет десяти. Девочка спала, положив голову на колени матери. Женщины обменялись приветствиями, и незнакомка предложила Меги место рядом с собой. Меги приняла предложение, так как очень устала. Разговор не получался. Меги стала приглядываться к ребенку. Он спал, время от времени всхлипывая во сне. Мать ласково погладила девочку по голове. Вдруг девочка громко вскрикнула. Было что-то удручающее в этом надломленном голосе, казалось, будто зазубренный нож перерезал сон. Ребенок проснулся с плачем. Глаза мате-

ри наполнились слезами. Меги узнала страшную болезнь, поразившую девочку: это было осложнение после воспаления мозговой оболочки. Мать поделилась с Меги своим горем. Ее девочка, предчувствуя приближение приступа, сникает, умоляя родителей не оставлять ее одну. Она жалобно, душераздирающе плачет. Бедное дитя силится подавить слезы, но это ему не удается. Оно молит о помощи, но помочь не может никто. Кошмар душит ее ребенка. От постоянной боли в голове девочка не находит себе места, пока ее, обессиленную, измученную, не коснется своими крылами всемогущий сон и не закроет ей веки.

— Куда ты везешь ее? — спросила Меги.

— В деревню Цкепи, — ответила женщина.

— К банщику?

— Нет, я хочу показать ей там картину... Может быть, она ей поможет.

— Картину? — Меги подумала, что речь идет о чудотворной иконе.

— Говорят, в Цкепи какая-то девочка страдала такой же болезнью, — продолжала мать, — однажды, когда эта девочка плакала, она вдруг увидела эту картину и сразу же и навсегда исцелилась. Рассказывали потом, что девочка просто-напросто не могла оторвать глаз от картины.

Мать при этом ласково посмотрела на свою дочь. Девочка уставилась на нее отсутствующим взглядом. Ее тельце сотрясалось от судорог. На распутье женщины расстались. Меги пожелала матери выздоровления ее дочери и продолжила путь пешком. Она еще долго думала о больной девочке, но не переставала думать и о своей судьбе. Сколько тяжелых испытаний уже выпало на ее долю! Казалось, что она уже испила чашу горести до дна. И все же, как знать, не страдала ли мать этой больной девочки неизмеримо больше, чем она, Меги? От одной этой мысли на душе у нее сразу посветлело и потеплело. Она шла через родные поля. Смеркалось. Огромная бледно-красная луна появилась на небе. Меги присела на траву, решив еще немного подождать и отдохнуть. Ей хотелось появиться дома, когда луна окутает мегдельские нивы своим спокойным, мягким сиянием. Какая будет радость для всех, какое счастье!

Меги погрузилась в сладостную мечту.

Она видит перед собой маленькую хижину, скромную, уединенную. Вокруг ночь, тишина. Люди сидят у очага. Тихо догорает огонь. Сказка только что кончилась. На лицах слушателей печаль. Все думают с бесследно пропавшем: на охоте, в море или на войне. В эти тихие мгновения все вспоминают о нем без слов, и также без слов обмениваются мыслями. В душе у каждого теплится крошечная надежда: может быть, он еще жив, может быть, не погиб. Каждый из них верит, верит втайне, но твердо, что вдруг откроется дверь и появится он, любимый, желанный. Тихо догорает огонь. На лицах людей печаль и вера в невозможное.

Так или почти так представляла себе Меги свое возвращение. Она встала и решительно зашагала по направлению к родному дому. Мягким, опаловым светом светила луна. Меги слышала учащенное биение собственного сердца. Она шла как в бреду, но отчетливо воспринимала все, что ее окружало, что попало ей на пути. Наконец показался ее дом. В неопишемом волнении вошла Меги во двор. Она зашаталась и ей пришлось прислониться к стволу орехового дерева, чтобы удержаться на ногах. В доме было тихо, темно. Даже собаки дремали. Войти сейчас же в дом, разбудить мать, разбудить Меники, ошеломить их! Меги в порыве радости сделала еще один шаг к дому и тут же остановилась как вкопанная: на балконе сидела ее мать, и кто-то целовал ее. Боже мой, неужели Нау? Уж не призрак ли это луны? Сердце Меги лихорадочно заколотилось, но она не могла сделать ни шагу. Цицино сидела спиной к Меги, но дочь узнала мать. Нау стоял перед ней на коленях, жадно целуя ее обнаженные колени. Ее пальцы играли в волосах раба, точно лаская прирученного зверя. Страдания разожгли страсть Цицино. Нау на миг поднял голову и тоже окаменел: неужели Меги? Он хотел было вскрикнуть от неожиданной радости, но не издал ни звука. Стыд и страх отразились в застывшей судороге. Не привидение ли это? Он опустил голову, и она, казалось, застыла, колени Цицино сразу же ощутили это.

— Что с тобой? — спросила его госпожа. Нау

наконец осмелился поднять голову, но Меги уже исчезла.

— Ты что, онемел? — спросила его еще раз Цицино, уже не скрывая своего раздражения. Нау молчал. Он смог издать лишь какой-то неясный звук, похожий скорее всего на рычание безобидного зверя. Цицино оттолкнула его от себя, как собаку, и встала.

Меги, не оглядываясь, выбежала со двора. Теперь она знала, что для нее все потеряно безвозвратно. Что, собственно, произошло? Как будто ничего особенного: чувственное желание, избравшее для своего удовлетворения раба. Но Меги не могла до конца постичь происшедшее. Она была готова снова один за другим пережить все ужасы, выпавшие на ее долю, чтобы только не видеть этот последний. Цицино, боготворимая ею мать... Нет.. нет... Теперь она уже не думала о больной девочке. Ей самой приходилось страдать еще больше. Может быть, и ей стоило пойти в Цкепи, чтобы найти утешение в чудодейственной картине?..

ДВОЙНИК

Прекрасен правый берег Техури. Вдоль него тянется гряда холмов, усеянных тихими, уединенными усадьбами. Здесь находится и Накалакеви. Это слово означает буквально: «место, где когда-то был город». Это развалины древнего города Аэя, о котором упоминает еще Геродот и который позднее Страбон называет «археополисом». Здесь стоит украшенная великолепными фресками церковь эпохи Юстиниана. Ее своды выложены огромными квадратами. Недалеко от церкви расположена цитадель с потайным ходом, ведущим к реке. Немного ниже по течению реки высится старинная усадьба с двухэтажным домом и длинной, широкой террасой, начинающейся у самого берега моря. В середине двора могучие широколистые платаны, дубы и ореховые деревья образовали плотный шатер. За этой усадьбой, у подножия конусообразного холма начинается деревня Цкепи. На вершине холма можно видеть увитые плющом развалины

высокой башни, которая была когда-то частью крепости мегрельских князей.

Женщина с больным ребенком въехала во двор азнаура Кордзая. Во дворе уже стояло много повозок с тентами. Здесь царило оживление. Со всех концов Мегрелии, Гурии, Сванети и Имерети сюда съехались больные. Это были одержимые навязчивой идеей, Виттовой пляской, эпилептики, заики, страдающие любовной тоской, помешанные, словом, целое сборище душевнобольных. Все они терпеливо ждали исцеления. Их поддерживала вера, вера в чудо: если даже все уже потеряно, все же где-то на земле, возможно, есть еще крошечный луч надежды, сулящий облегчение. За этот созданный мечтой и обретший в возбужденном сознании почти осязаемую плоть лучик надежды цеплялись больные, но еще больше — их близкие. Души больных были так взбудоражены, что оказывали воздействие на тело, а случаев магического исцеления ведь было немало. Азнаур Кордзая был практичным и ловким человеком. Он сумел извлечь пользу из того случая с больной девочкой, о котором тогда рассказала Меги женщина на арбе. В сущности, в этом случае не было ничего сверхъестественного. Девочка уставилась на портрет девушки, красота которой повергла ее в изумление, и успокоилась на короткое время. Родные девочки приписали картине чудодейственную силу, ибо человеческая природа нуждается в том, чтобы счастливый исход болезни или несчастья объяснить чудом — даже в том случае, если оно лишь мнимое. Слух о чудесном исцелении девочки быстро распространился, возбудив множество людей. Кордзая купил эту картину на ярмарке в Сенаки. Но чтобы еще больше подчеркнуть ее чудодейственность, он рассказывал, что приобрел ее у какого-то итальянца, которому он в городе Поти оказал дружескую услугу. Молодую женщину, изображенную на картине, он называл «Девой Марией», хотя многих настораживал тот факт, что она была без младенца. Однако вера в чудо не нуждается в доказательствах. Портрет стал для Кордзая источником дохода. Ему приносили яйца, сыр, шерсть, привозили овец, кур и голубей. Больные и сопровождавшие их близкие могли видеть картину лишь в час захода солнца. Таково было требование

Кордзая, которое никто не мог объяснить. Портрет был выставлен под кроной тысячелетнего дуба. Люди уже собрались и с немым восхищением уставились на картину, когда среди них вдруг появилась девушка. Никто сначала не обратил на нее внимания.

Это была Меги. Отсутствующим взглядом посмотрела она на окружавших ее людей и вдруг увидела картину. Она вздрогнула, будто глаза ее встретились с пламенем, но не с обжигающим, а с ласкающим. Это был ее портрет. Меги словно окаменела, но мысли не переставали роиться в ее голове. Что это? Не привиделось ли ей это? Как попал сюда ее портрет? Волнение Меги мало-помалу улеглось. Душа ее преисполнилась кротости и тепла: ведь это ее портрет исцеляет и успокаивает других. Следом за этой мыслью, точно злая шутка, появилась еще одна: хотя ее изображение и исцеляет других, но ведь это портрет неисцелимой. Тихая печаль поселилась в ее сердце, прекрасный лоб осенила глубокая мысль. Может быть, эта картина, изображающая ее, исцелит и ее, Меги? Меги не отрываясь смотрела на портрет. Она заметила, что в нем было что-то другое, чужое. Она вздрогнула и отвела взгляд от картины. И тут она увидела юношу, привезенного из Гурии. Она узнала в нем того молодого человека, который в Гурии часто и как-то странно пытался встретиться с ней взглядом. Этот юноша страдал любовной тоской. Его мать рассказала, что какая-то незнакомка — по всей вероятности, ведьма — околдовала его. Юноша увидел Меги, и из его горла вырвался дикий крик. Была ли это любовь? А может быть, проклятие? Меги, погруженная в созерцание картины, вздрогнула от неожиданности. Мать больного юноши посмотрела на Меги и вскрикнула, как безумная.

— Вот она стоит, эта шлюха! Это она околдовала моего сына!

— Шлюха? Здесь не место шлюхам! — Толпа враждебно смотрела на Меги, готовая вот-вот разорвать ее на куски. Меги стояла не шелохнувшись. Мать юноши не переставала кричать. Спокойствие Меги лишь подзадорило людей. Но вызов, который она бросила им, придавал ей новые силы. Резким движением она сор-

вала с головы платок, гордо выпрямилась и, обратив на толпу пылающий взор, гневно бросила:

— Это я — шлюха? Посмотрите на меня!.. Вон та, — Меги показала на портрет, — это ведь я!

Толпа умолкла. Перед ней в живой плоти стояла та, перед кем они только что преклонялись, лишь с той разницей, что у девушки на портрете взгляд был кротким, тогда как глаза живого прообраза источали такое пламя ярости, что оно, казалось, было способно испепелить всю толпу. На лицах людей злость сменилась смущением и страхом, но мать больного тут же пришла в себя:

— Она ведьма, колдунья!.. Она может принять любой образ! — Нетерпеливая толпа поверила и этим словам. Вновь взоры всех обратились к Меги. На мгновение им показалось, что она все же не та девушка, что изображена на картине. Меги и в самом деле была уже не совсем прежней: на ее лице остались следы тех потрясений, которые обрушились на нее. Мать продолжала кричать: «Колдунья, ведьма, шлюха!..»

Медленно, еще колеблясь, двинулась толпа в сторону Меги.

Но Меги и след простыл.

ГОЛОВА ЛЕБЕДЯ ПОД КРЫЛОМ

Была тихая ночь: как будто спящий лебедь спрятал голову под крыло... Меги шла медленно, никуда не спеша. Она сама была подобна лебедю, черному лебедю с печально поникшей головой. Она шла, погруженная в грустные мысли. Недавно она потеряла весь мир, а теперь и себя самое: с нее спадала оболочка за оболочкой, словно шелуха луковицы, но сердцевины не было. Она потеряла себя, и остался лишь блуждающий, ищущий взгляд, лишь ее расплывчатый образ. Земля качалась под ее ногами, словно рушилась всякая опора. Звезды превратились в глаза, а тела — в какие-то туманные образования. Тихо шла Меги. Ей подумалось, что она сама — взгляд этих тел, внутреннее око этих расплывчатых созданий. Мысль эта тут же погасла. Что делать? Может быть, просто так, без цели, бродить по земле? Попадается ведь иногда че-

ловек, бездомный и безымянный. Он бредет с места на место, не требуя ничего. Если такому человеку подать хоть что-нибудь, он будет несказанно благодарен тебе. Лишь в исключительных случаях такой человек заговаривает с кем-нибудь. Чаще всего он говорит сам с собой, когда остается в полном одиночестве. Никому он не рассказывает о себе, избегая даже воспоминаний обо всем, что с ним произошло. Он бредет молча, тихо, никем не замеченный. Когда дети дразнят его, он улыбается. Люди принимают его за умалишенного и говорят это. Он слышит и задумывается: может быть, люди и правы, ибо разум его и в самом деле помутился. Он идет через города и села. Рот его полуоткрыт, глаза — будто выпиты. Он бредет, словно призрак. В его походке печаль. Временами призрак обретает плоть и кровь, и тогда он отходит в сторону, молча, с мрачным лицом, будто судьба. И тут призрак роняет скупые слезы...

Глаза Меги наполнились слезами. Она подошла к ясеню, сорвала два листка и прикрыла ими глаза. На один лист упала капля необыкновенной росы. Вдалеке волк выл на луну...

ЭПИЛОГ

В родной деревне, овеваемой ароматами зрелой осени, я записал рассказ старика. Солнце Грузии светило надо мной так же, как светило оно мне тридцать лет тому назад. И все-таки я был чем-то недоволен: мне не доставало концовки рассказа Гегии, ибо что-то в нем оставалось недосказанным. Историю возникновения портрета я уже знал. Но оставался вопрос: как попал он в руки старику? Много лет тому назад, когда я на мельнице разглядывал волшебный портрет и слушал под шум воды и стук жерновов рассказ Гегии, я думал лишь о Меги. Да тогда, пожалуй, и нельзя было думать еще о чем-нибудь другом, глядя на ее портрет, ибо он завораживал. Теперь же меня мучил вопрос: не связана ли судьба портрета каким-нибудь образом с тайной самого Гегии? Мысль моя вдруг стала ясновидящим пламенем: я понял, что Гегия был одним из действующих лиц своего рассказа. Но каким? Может быть, это художник Вато? Я задумался:

тщедушный Вато едва ли дожил бы до седых волос Гегии. Загадку эту я мог, по-видимому, решить лишь с помощью самого рассказчика.

Я решил ускорить отъезд. У мельницы я остановил коня.

— Опять сделаем привал? — спросил мой кузен, улыбаясь.

— Не помешает, — ответил я, немного смутившись. Несколько крестьян сидели возле мельницы, обмениваясь новостями. Гегия стоял в стороне, и я подошел к нему.

— Добрый день, Гегия!..

— Здравствуй! — ответил он. Через несколько секунд он спросил:

— Ты уже уезжаешь? Так скоро?

— Меня ждут дела...

— Дела... — улыбнулся он. Покосившись в мою сторону, он сказал с хитрой усмешкой:

— Ты, наверно, уже все записал, все то, что я тебе рассказал?

— Да.

— Гм-м... И что же, хорошо получилось?

— Надеюсь.

Молчание. Затем я сказал как бы самому себе:

— Лишь одно мне непонятно...

— Что тебе непонятно?

— Как попал к тебе портрет?

Старик взглянул на меня недоверчиво и, тяжело ступая, отошел в сторону.

До отхода поезда у меня еще было четыре часа, и я с облегчением вздохнул. Что-то все же не давало мне покоя: неужели мне не удастся выведать у старика хоть что-нибудь о его последней тайне? Неподалеку рос дуб, под которым лежал длинный камень. Гегия сел на него. Я остановился рядом. Снова молчание. Любое неосторожное слово могло отпугнуть от меня молчаливого старца. Я стоял и ждал чего-то. Гегия опять взглянул на меня, но на сей раз чуть теплее. На его губах мелькнула улыбка, теперь уже лукавая.

— Ты хочешь знать... Но ведь это нехорошо, — сказал он наконец.

Я молчал. Страх обронить лишнее слово заставил меня ждать, пока Гегия сам заговорит, и я молчал.

Но молчание мое, по-видимому, было красноречивее и убедительнее страха.

— Я отобрал портрет у Нау... — Слова Тегии упали тяжело, словно пробужденные от тысячетней спячки.

— У Нау? — спросил я испуганно.

— Да, у Нау, — ответил он и начал рассказывать. Я слушал, затаив дыхание.

Безумная страсть испепелила несчастного Нау. Цицино все больше становилась для него божеством. Он же оставался рабом для нее. Она часто принимала своих фаворитов. Нау следил за каждым ее шагом. Он неистовствовал, как безумный, свирепел от неисцелимой ревности. Там, в дупле того дерева, он подстерегал ее с ружьем в руках, но каждый раз, как и до этого, его останавливало предчувствие возможной близости с этой женщиной. Лишь однажды дрогнул мускул на его виске, будто глухой крик вырвался из немоты тела. Мускул напрягся и в ярости затрепетал, точно кто-то хотел перерезать его острым ножом. Но мускул не умер: он корчился и дрожал от боли и жажды мести... Цицино улыбалась какому-то незнакомому мужчине. Нау не знал его. Незнакомец ласкал Цицино, с радостью и наслаждением принимавшую его ласки... Палец Нау пополз к курку. Была ночь, низко нависли тучи. В свете молнии Нау поймал блаженную улыбку Цицино и мужчины. Нау сам превратился в молнию, в черную, как сталь, холодную молнию. Он ждал ее очередной вспышки, ждал с животным страхом. Нау вздрогнул. Воспаленными от долгого бдения глазами он увидел украденный у него поцелуй: он, будто разрезанный на две половины плод, подкатился к нему и снова соединился. Нау знал, что силы его на исходе. И вот настал миг приближения смерти, последний, решающий, резкий, бесконечный. Палец лежал на курке. В такие минуты Нау страдал невыразимо, молча, как страдают звери, но теперь к его страданию примешалось наслаждение, острое, едкое. Он чувствовал, что приближалась месть, жуткий, порывисто-сладостный миг. В его воспаленном мозгу вдруг всплыл случай, происшедший в XVII веке в Грузии. В то время страна была раздроблена на несколько постоянно враждовавших царств и княжеств. Этой

междоусобицей воспользовались Иран и Высокая Порта. Однажды вдова царя Имерети с помощью своего фаворита, князя Вахтанга, выколола глаза своему пятнадцатилетнему пасынку Баграту. Вахтанг взошел на престол. Но случилось, что и ему выкололи глаза. Однако судьбе не было угодно остановиться на этом. Ей хотелось чего-то большего, самого жуткого, окончательного: чтобы кровавые глаза Баграта и Вахтанга — четыре кровавых глаза — встретились, и чтобы Баграт был мстителем, а Вахтанг — жертвой. Во мраке ночи двое слепых крались друг к другу — страшное, непостижимое зрелище! Баграт наугад нанес своему врагу несколько ударов кинжалом. Люди добились его. Они вырвали сердце Вахтанга из трепещущего тела и положили его в руки нетерпеливо звавшего их Баграта. Более часа слепой мститель держал в руках сердце своей жертвы, сжимая, разрывая его, будто боясь, что оно еще сможет забиться...

Нау держал указательный палец на курке. Эта старая история, которую он когда-то слышал, почему-то именно теперь припомнилась ему. Звериное заговорило в нем во весь голос, пьяня его, будто это он, Нау, держал в руках кровавое, трепещущее сердце врага. Но кто же этот враг? Оба: мужчина и женщина. Кто из них в большей степени? Наверное, женщина... Нау уже не думал. Он сжал свое обездушенное сердце рукой. Уже лишь волосок отделял его от бесконечности, — и вот палец коснулся курка. Грянул выстрел, и вместе с ним сверкнула молния. Нау казалось, что молния вырвалась из него самого, разорвав его на части. Но он почему-то остался цел и невредим, хотя и чувствовал, что руки и ноги его как бы отделились от тела, будто что-то изнутри взорвало его. Он бросился к тому месту, где еще мгновение назад мужчина держал в своих объятиях женщину. В следующий миг он был уже там. Он упал ниц перед Цицино, увидел распостертое тело мужчины и с отвращением отшвырнул его. Он мог бы растерзать его зубами, но сейчас ему было не до него. Нау мог думать сейчас только о Цицино. Ее тело было еще теплым, и оно, возможно, еще дышало. Нау призвал все волшебные силы, какие только есть на земле и над землей, чтобы вырвать Цицино из когтей смерти. Он обнял и стал целовать

ее, словно зверь, обезумевший и ставший на мгновение богом, — но без его всемогущества. Зверь действовал, в отчаянной ярости призывая всех демонов. Нау сам был низвергнутым демоном. Он обнимал Цицино, целовал ее, произносил заклинания, рвал на себе одежду и волосы, предлагал свою душу лежавшей перед ним женщине, был готов, подобно вавилонскому Адапу — первому человеку — обломать крылья всем ветрам, но женщина лежала бездыханно. И Нау почувствовал, что ведь и у него нет теперь крыльев, и рухнул наземь, словно из него вырвалась буря, оставив ему лишь пустую оболочку. Цицино была мертва. Эта мысль сверлила и обжигала мозг Нау. Он лежал не шелохнувшись, будто насмерть сраженный зверь. Подобно предсмертной агонии, мучил Нау вопрос: его ли пуля сразила Цицино или это была молния? Ночь обезумела, Нау — еще больше. К утру он смог установить, что пуля сразила мужчину, а тело Цицино было сожжено молнией...

Гегия умолк. Я слушал с напряженным вниманием. Впервые его будто из дерева вырезанное лицо изменилось. Словно в пустоту, глядел он в прошедшее, мелькнувшее на мгновение, как рубцы от ран, на его лице. Наконец-то мне удалось нарушить молчание, которое этот человек, точно огромный камень, воздвиг между мной и собой.

— Ну а потом?.. — спросил я шепотом.

— Потом? — глухо повторил старик мой вопрос и еще глуше добавил: — Нау не смог забыть Цицино... Зверем он был, зверем и остался... — И снова Гегия погрузился в бездну молчания.

Помолчав немного, он продолжил свой рассказ тихим, печальным голосом. Нау одичал. Он стал мрачным и нелюдимым. Он боялся встречи с Меники и Вато. Разбитый, потерянный, он однажды вспомнил о портрете, который, как он слышал, исцеляет даже одержимых. Он отправился в Цкепи. Но каково было его изумление, когда он увидел перед собой портрет Меги. Дикая радость охватила его, будто живая Меги оказалась вдруг перед ним. Он и не подумал о том, чтобы во всеуслышание объявить имя автора картины. Он просто-напросто решил похитить ее. Ему удалось осуществить это через несколько дней. Чуть ли не

вся Мегрелия узнала об исчезновении картины. Нау боялся остаться один на один с портретом и решил отнести его Меники. Но буря в нем не утихала. Он продолжал неистовствовать, как смертельно раненый хищник. Однажды он раскрыл сверток. В нем лежали аккуратно сложенные косы, косы женщины.

— Чьи косы? — перебил я его.

— Мегины косы... Те косы... Помнишь, она хотела повеситься на суку...

Старик продолжал. Нау держал в руках косы гранатового цвета, и вдруг его охватила нечеловеческая тоска. Он побежал в скорбящий дом амазонок. В косах Меги, казалось, дремало волшебное пламя жизни. Он вошел в дом. Там сидела Меники, старая, окаменевшая.

После исчезновения Цицино и ее покинуло все живое. Она теперь была похожа на мумию. Няня не удостоила Нау ни единым взглядом. Он пошел в другую комнату. В углу он увидел портрет Меги. Он взял его и долго, зачарованно смотрел на него: перед ним было нечто живое, олицетворявшее одновременно и мать, и дочь. По его телу прошел огонь. Не в этом огне было что-то новое для него: он горел и растворялся в одно и то же время. Нау поставил портрет на место и вышел из дома. Он снова затосковал по Цицино, затосковал дикой, звериной тоской. Он вернулся в дом амазонок, подошел к портрету, и тут тоска вдруг прошла. Нау не мог объяснить себе, что с ним происходило. Когда он отходил от картины, его терзала неизъяснимая страсть и тоска по Цицино. Стоило же ему подойти к ней — и душа его почти успокаивалась. Его нутро уже не обжигало то жуткое, темное пламя. Теперь это был другой, не испытанный им доселе очищающий огонь, горевший в нем чистым, неземным пламенем. Звериный мозг Нау не был в состоянии все это осмыслить. Он чувствовал, что эта картина заключала в себе все, чем он дорожил. Более того: он ощущал в портрете ту таинственность и то высшее счастье, которое смерть не в силах отнять у смертного. Невиданное блаженство наполнило душу человека-зверя. Нау похитил портрет Меги во второй раз. Тут Гегия прервал свой рассказ.

Мне не давало покоя сомнение: может быть, Нау

и есть Гегия? Но как приподнять завесу над этой последней тайной? Как заставить старика сказать правду? Я решил не принуждать и не тормозить его лишними расспросами. Я был почти уверен, что Гегия снова задумается и сам откроется мне до конца. Ведь рассказ оставался недосказанным, и я чувствовал, что Гегия хочет докончить его. Вдруг он посмотрел на меня и спросил со смешком:

— Ты, наверно, думаешь, что я — Нау?

Я вздрогнул: в его словах я на миг увидел ужас безумия. Я не смог произнести ни звука в ответ.

— Почему ты молчишь?.. Ведь я угадал, да? Говори! — приказал он уже почти сердито.

— Ты угадал, — сказал я вдруг, испугавшись своих собственных слов.

— Но это неправда, — пробормотал Гегия и продолжал: — Нау был моим двоюродным братом... Он оставил мне портрет... Он уже не мог держать его при себе... Он мучил его... Нау исчез... — так лепетал Гегия, точно говорил сам с собой.

Снова наступило молчание. Рассказ, кажется, подошел к концу. Я крикнул своему кузену, чтобы он седлал лошадей. Старик вздрогнул.

— Я, наверно, скоро умру... Зачем только я рассказал тебе все это?!

— Ты думаешь, Гегия, что, раскрыв мне эту тайну, ты лишил себя самого дорогого?

— Возможно... Но теперь дело в другом... Я просто чувствую, что смерть не за горами, и, наверно, потому рассказал тебе эту историю...

— Но, Гегия...

Старик не хотел меня слушать. Он поднялся и неуверенной походкой пошел к мельнице. Мой двоюродный брат подвел лошадей. Гегия скоро вернулся, держа в руке какой-то сверток.

— Это, — сказал он вполголоса, — тебе от меня на память. Когда ты узнаешь, что я умер, тогда раскрой сверток...

— Ты хочешь умереть, Гегия?!

— Почему ты так решил? — спросил он испуганно.

— Я ведь хорошо знаю тебя... Ты нисколько не изменился с тех пор...

— Ты, значит, думаешь, что я таким и останусь?..

Старик улыбался. Я стоял молча.

— Откуда тебе знать, — нарушил я молчание, — что ты умрешь прежде меня?.. Разве ты не знаешь изречение Руставели: «Тот неправ, кто забывает хоть на миг, что станет прахом»¹.

— Я слышал это... Но я знаю, знаю точно, что скоро умру...

Гегия уже не улыбался. Его взгляд выражал спокойную уверенность в своей смерти. Я испугался. Хорошо еще, что подошли крестьяне. Старик тем временем пришел в себя и снова был таким, как прежде. Он проводил меня и моего родственника до берега.

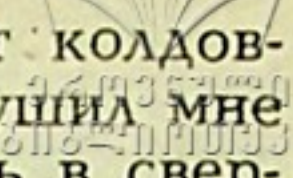
— Значит, не забудешь? — сказал он глухим голосом.

— Нет, — ответил я смущенно.

Мы простились. Мне казалось, что я прощался с человеком, уже принадлежавшим вечности. В его левом глазу я увидел большую застывшую слезу. Он смотрел на меня не мигая. Если бы его ресницы дрогнули, то слеза, как крошечный камешек, скатилась бы на землю. Но именно эта застывшая слеза придавала его лицу человеческое выражение. Без нее Гегия запечатлелся бы в моей памяти как некое странно чужое и почти нечеловеческое существо.

Мы расстались. Он еще долго стоял на берегу и смотрел нам вслед. Бесконечно далекий, одинокий атом — таким я запомнил его, когда он кивнул нам в последний раз и исчез. Я поехал в Тифлис. В пути я то и дело ощупывал таинственный сверток. В нем было что-то мягкое, напоминавшее шелк. Уж не хотели старик наказать меня, вручая мне этот узелок? А если да, то за какую провинность? Может быть, ему хотелось отомстить мне за то, что я выведал у него эту тайну, тайну девушки, изображенной на портрете? Сверток стал для меня тяжелым бременем. Словно какой-то чужеродный элемент, проникал он в мою душу, не давая мне покоя. Я мог теперь думать только о нем, хотя внешне я и казался рассеянным. Я не мог уснуть и собраться с мыслями. От свертка исходило какое-то колдовство. Я решил выбросить его ку-

¹ Ш. Руставели. «Витязь в тигровой шкуре». Перевод Ш. Нуцубидзе.

да-нибудь, чтобы освободиться от него и от колдовства. Может быть, открыть его? Но Гегия внушила мне такой суеверный страх, что я боялся увидеть в свертке что-то страшное. Ведь мне было велено раскрыть его после смерти его обладателя. Но кто может сказать, когда он умрет, этот окаменелый человек, давно уже живший вне времени? Чтобы не смотреть на сверток, я спрятал его в чемодан. Но это не помогло. Началась новая, еще более невыносимая пытка: я почувствовал, что желаю Гегии скорой смерти. Я отгонял от себя эту мысль, все мое сознание противилось ей, но где-то в одном из его крошечных уголков я ощутил ее так, как порой дает о себе знать затаенная боль. Я был на грани безумия. Мне казалось, что какой-то демон овладел мной. Ко мне подступал самый страшный вид безумия, при котором сохраняется полная ясность сознания:

Прошло несколько месяцев. Я сидел в приемной зубного врача. Впервые в жизни я был рад зубной боли: если она и не устраняла другую, то хотя бы смягчала и приглушала ее. Я перелистывал старые газеты и журналы, лежавшие на столике для развлечения пациентов. Я не люблю газет: я читаю в них лишь телеграммы. Но почему-то газета восьмидневной давности привлекла мое внимание. Я начал просматривать ее с начала, не пропуская ничего. Вдруг одно сообщение бросилось мне в глаза. Я внимательно прочел его. Оно касалось моей деревни и давалось под заголовком: «Наводнение». Я сразу же подумал о реке Дзерули, в которой я так часто купался в детстве. Мне снова припомнилось то внезапное наводнение, которое было так непохоже на наводнение других рек. За горой, отделяющей нашу деревню от Окрибы, исчезает река. Нет, она не исчезает, а уходит под гору и течет глубоко под ней. Эта река и есть Дзерули. Она вытекает из большой сталактитовой пещеры. Случается, что на нашей стороне погода совершенно ясная, а по ту сторону горы льет проливной дождь. Тогда Дзерули свирепствует, словно дикий зверь, вырывающаяся из каменного плена. Вода в других реках прибывает постепенно. Здесь же она набухает внезапно, стремясь накрыть своей желтовато-мутной массой другие, более мелкие воды. Будто хищники, они вгры-

заются друг в друга и бросаются в неукротимой ярости в русло реки. Трудно представить себе более верную картину разбушевавшейся стихии... Я жадно, быстро прочел заметку о наводнении. И вдруг: «Мельницу унесло паводком...» Какую мельницу? Затаенная мысль хочет, чтобы это была та мельница. И снова я ловлю себя на мысли, что желаю смерти старику... Другой человек, видно, думал сейчас за меня. Но то, что я узнал, было куда страшнее. Не помня себя, я выбежал из приемной врача и поспешил на телеграф. Я послал кузену телеграмму, прося его подробно сообщить мне, что произошло с мельницей. Я настоятельно просил его сообщить мне о судьбе Гегии и его сумки.

Я возвращался домой. Странно, что зубная боль совершенно прошла. Но другая боль выросла неизмеримо. Я потерял покой, потерял себя самого. Я без конца подходил к ящичку стола, где лежал сверток. Мне хотелось открыть его, но руки не повиновались мне. Так прошло два дня без сна и покоя. На третий день я получил письмо. Руки мои так дрожали, что, вскрывая конверт, я оторвал кусочек письма. Я присоединил его к листу и начал читать. Дрожь моя не унималась. Мои глаза искали то место в письме, где сообщалось о смерти Гегии, и они быстро нашли его.

Я был счастлив — в этом я уже не сомневался. Кузен сообщал, что мельницу унесло паводком и вместе с ней старика. Его тело прибило к берегу в пяти милях ниже мельницы. Сумки на месте не оказалось, так писал кузен. В конце письма была приписка, которая, видно, была сделана не без улыбки: «На груди у Гегии вытатуировано имя «Цицино». Я был потрясен. Тайна окончательно прояснилась: старик Гегия и был Нау. Значит, он солгал мне, сказав, что портрет терзал Нау. Мне казалось, что гора скатилась с моих плеч. Признаки безумия улетучились. На какое-то время я даже забыл о свертке. Я погрузился в размышления, и чувство безграничного покоя наполнило меня. И все же частица ужаса еще оставалась во мне. Итак, Гегия говорил о себе как о постороннем человеке! Перед моим взором встал его образ, а образ этот был мне хорошо знаком. Я знал его с детства, он говорил со мной, он рассказал мне всю эту историю, пове-

дал мне о муках Нау, и, оказывается, это был он сам, Нау! Я испытывал одновременно два чувства. Они совершенно потрясли меня. Одно исходило от образа Гегии, созданного моим художническим воображением, другое же — от физического образа. Я знал, что ужас, испытанный мной, внушил мне второй, его реальный образ.

Я успокоился, хотя изумление не покидало меня, медленно пошел к ящику и открыл его. Мои руки вновь затряслись. Я достал сверток, раскрыл его и вскрикнул от радости и испуга: я видел косы, плотные, длинные косы цвета граната, словно застывшие потоки солнца. Солнце пропитало их своим теплом, когда они росли. Благодать солнца пронизала мое существо: это косы Меги. Гегия навсегда простился с ними, когда подарил их мне, но с портретом Меги он не мог расстаться до последнего дня. Лишь смерть вырвала его из рук старика. Он еще смог поцеловать его остывающими губами.

Я вижу, как река подхватила портрет и понесла его к другой реке — Квириле. Я вижу, как Квирила передала его Риони, Фазису древних. Риони же понес его по долинам и нивам Мегрелии, где выросла девушка, и вынес его к Черному морю, Понту Эвксинскому, необъятные просторы которого были ее родиной. Там родилась девушка, там утонул ее портрет. Теперь в моих руках ее косы, гранатовые косы, пропитанные солнцем. Благодать солнца вошла в меня. Я не ведаю блаженства, равного этому. Я ощущаю во плоти дар солнца, одно лишь прикосновение которого наполняет неземным упоением.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

О косы, гранатовые косы Меги! В вас я вижу солнце моей родины! От вас исходит аромат моей земли! Вместе с вами росла девушка, дочь моей страны. Ее дыхание осталось в вас. Неутоленная тоска ее зрелой груди передалась вам. Она была страстной и все ж непорочной каждой капелькой крови. Ее страсть, ее целомудрие струятся в вас, гранатовые косы. Она вся была ярость, словно топор амазонки, и я порой

боюсь тронуть вас, солнечные косы. Вы задушили ее дитя, о страшные косы. Вы были радостью ее девичьих дней, о косы. Вы стали ее петлей, когда она расставалась с жизнью. О вы, косы, вы задержали в себе то мгновение, когда бесконечность соприкоснулась с земным чувством. А когда девушка приняла в себя это мгновение, вы затрепетали, пламенные косы. И в вас, косы, живет миг, освобождающий человека от него самого, не лишая его жизни. Вы ужаснулись, обезумели, как та девушка, будто плоды, будто радость, носившая вас. Я вижу, как вы содрогнулись тогда. Девушка уберегла вас от позора: не допустила, чтобы вы стали петлей самоубийцы. Она нашла другой выход — может быть, нечеловеческий, но благороднее человеческого. В вас воплотилось ее благородство, о косы. Девушка, носившая вас, была рождена дыханием моря. Она вышла из недр мегрельской земли. С тоскою ждала она солнцеликого жениха. Разве вы, косы, не видите, что пламя этой тоски вылилось в вас? И теперь еще я ощущаю в вас эту тоску, о косы. Но солнцеликий жених не явился — его ведь и не было — и девушка загрустила. Ее тоска перешла к вам: я вижу вашу печаль, о вы, отсеченные косы. Пройдут годы, и вы будете жить. В печальные дни я приду к вам, о косы. Тогда вы избавите меня от губительных мыслей. Я буду ласкать, целовать вас, о косы, и я знаю: девушка, носившая вас, не обидится на меня, ибо лишь телесное прикосновение было ей не по душе. Она страстно желала другого. Если же я недостойн даже думать о ней, то она простит меня: ведь мне хотелось лишь прошептать ее образ, образ смятенной души. Вам, косы, ведомо это. Пройдут годы. Я умру. Кто-то другой будет держать вас в руках, и к нему перейдет от вас благодать земли. Пройдут тысячелетия, но вы будете жить, косы, даже тогда, когда поблекнете, покоробитесь, как волосы мумий. Но вы будете жить, косы, будете жить теми минутами, которые оправдывают жизнь на нашей планете. Вы улыбаетесь, косы; вы страшите меня, вы хотите сказать мне, что со временем не будет и вас, о косы. Знаю, косы, знаю. Но пощадите меня, хоть один-единственный раз пощадите, милые косы!

Перевод с немецкого Сергея ОКРОПИРИДЗЕ

Верийский рассвет

Восход встречали горожане
 Привычной утренней возней.
 И, сонно кашляя, рычали
 Ряды машин на мостовой.
 Бранилась очередь за прессой,
 И очередь за молоком,
 А в подворотне, с интересом,
 Босьяк дырявым сапогом
 С ленивой праздностью повесы
 Играл с породистым щенком.
 У гастронома выпивохи
 Дрожат, позвякивая медью.
 А страж порядка волоокий
 На них порывивал медведем.
 Шныряют юркие старушки,
 По их старушечьим делам,
 Хорек-воришка (на подножке)
 Создаст угрозу кошелькам.
 Восход на зимнем сером небе.
 Приобретает белизну.
 Приподымает город веки,
 Воспринимая новизну.

Без названия

Нодару посвящается

Простывшие люди с гусиною кожей,
 Из бывших прохожих, стояли у двери,
 Стучали зубами, им ветер влезал в
 рукава.
 А там, за окошком, в тепле, за буфетом
 Стояло вино и варилась жратва.
 Смотрели в окошко, там крыса бежала,
 Там кошка лежала в тепле.
 А время ползло и совсем не бежало,
 И деньги потели в руке.
 Так хотелось зайти...

Закат

Сквозь облако длинный слоеный закат
Прополз в мандариновый старенький
сад.

Там семьдесят восемь деревьев-
старушек

Шептались о чем то,
А ветер их слушал...

Молва

Молва цвела бездарным пустоцветом,
Амбиции росли лежалой кучей,
И погонял коней упрямый кучер,
Но письма пропадали без ответа.
И был израненный, немой, глухой, народ,
Была река, но сумерки скрывали
Средь камышей и тины нужный брод.
Три раза уж коней меняли,
Теряли седоков, мешки добра,
Но семена большого неустройства
Пустили злаки зла —
И все пропало...
Но чернь, однако, не устала
Звонить в колокола.

* * *

Июнь — это сок из коралловой вишни,
В июне роса выпадает излишне,
Покрасит листву в малахит разнотонный
Под небом бездонным небесный
владыка,

И тихо стрекочет кузнечик.

* * *

А ночь была так дивно хороша,
Настой весенних трав витал зефиром,
И чтоб не расплескать, я нежно, не
дыша,
Принял в ладони свет и запах мира.

Был тем, кем не был я

Э то похоже на начало сказки, не правда ли — «Было это иль не было»?.. Но это не сказка. Это рассказ, а точнее — быль.

То, о чем я собираюсь рассказать, я испытал сам, ничего не выдумывал. И о сюжете не думал, о нем позаботилась сама жизнь и распорядилась событиями, не спросясь меня. В этом смысле труд мой можно было бы назвать мемуарами, но это не совсем точно. Я выбрал из моей жизни лишь те моменты, которые никоим образом не связаны с моей профессией, с моими помыслами и желаниями, но тем не менее события эти имели место в моей жизни, хотя я не могу расценить их и как стихийное бедствие или злой рок. То, что произошло, должно было произойти в стране, в которой я жил!..

Хочу рассказать о моей «военной деятельности», несмотря на то, что никогда не был военным, но вместе с более чем двумястами миллионами мне подобных жил в огромной казарме, которая распростерлась от Балтийского моря до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Черного моря, солдаты (и мужчины, и женщины) которой отличались друг от друга лишь тем, что одни из них спят пока что в своих кроватях, и быть может, даже со своими любимыми, другие — в колыбелях, третьи покоятся в земле в «индивидуальных» или братских могилах, ну а несколько миллионов человек — на двухъярусных койках.

И больше никакой разницы. Если не принимать во внимание того, что для обитателей двухъярусных коек издаются приказы, действуют правила иного характера (строевой, караульной или гарнизонной службы), а для остальных — постановления, решения и резолюции. Все эти приказы спускаются «свыше» и

беспрекословно исполняются, только «двухъярусным» не говорят, что тем самым выражают их помыслы и чаяния, «одноэтажных» же убеждают, что исполняют их желания.

Вот такой странный рассказ решил я написать. Правду сказать, и сам не знаю, к какому жанру отнести сие произведение — к художественной прозе, документально-художественной или вовсе к публицистике. Пусть читатель сам рассудит. Но несмотря на это я не теряю надежды, что его заинтересует, каким образом я был тем, кем никогда не был.

Советский Союз, «великая социалистическая держава», был одним огромным военным лагерем, сам Чингисхан позавидовал бы системе, именуемой «всеобщей воинской повинностью», в которой человек оказывался уже в детсадовском возрасте. Помнится, один знакомый рассказывал мне: отвел ребенка в детский садик и спустя несколько дней поинтересовался, чем он там занимается, чему научился. Узнав, что мальчику присвоили какое-то «звание», встревожился, зачем таких маленьких детей делят «по старшинству», и выразил недоумение заведующей садиком. На другой день спросил у сынишки — чем вы занимались сегодня? Сегодня у нас был уже другой старшина, ответил мальчуган, ну а мне было велено сообщать воспитательнице, если кто-нибудь провинится!

Таким образом растят советских детей — кого соглядатаями, кого чиновниками..

Признаться, не помню, как в 30-е годы, в моем детстве, готовили меня к борьбе с врагами народа, не помню и того, каким образом я стал «октябренок», но, как видно, для службы в первой военизированной структуре — пионерской организации — меня подготовили должным образом.

Здесь повторяются ритуалы солдатской службы. Правила «приема» в пионеры никоим образом не отличаются от принятия присяги, тот же строевой шаг, то же «равняйся!», то же клятвенное обещание верности делу Ленина-Сталина: «Будь готов!» — «Всегда готов!»

Объезжая войска на параде 7 ноября, маршал обращался к ним:

— Здравствуйте, товарищи!

В ответ слышался гул:

— Здрав жлаем тац марш Сов Союза!

— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Ура, товарищи!..

— Урааа! Урааа! Урааа!

Сотрясались небеса и твердь...

Солдаты научились этому, еще будучи пионерами, так же, как и ходить строем и отдавать «честь», хотя пионерское приветствие несколько отличалось от этого ритуала. И у пионерской организации были свои полковники и генералы, которые назывались звеньевыми, председателями совета отряда, у которых в отличие от рядовых пионеров (или солдат) были отличительные знаки, вместо военных знаков отличия, у них на повязках красовались одна, две или три красные полоски (в зависимости от «занимаемой должности»).

Для детей все это было игрой, но игрой с дурным предзнаменованием.

Из времен моей пионерской «службы» я помню всего лишь одну военную операцию. Не знаю, кому впервые пришла в голову эта мысль, председателю совета нашего отряда или какому-то другому, только мы решили объявить войну русским. А дело было в четвертом классе.

Следует заметить, что национальная рознь и вправду не ощущалась у нас до самого недавнего времени. В нашем классе, помнится, учились и русские, и армяне, и евреи, но мы не отличали ребят по принадлежности к той или иной нации. Что же касается «русских», коим мы объявили войну, то это были четвероклассники русского сектора. Причин «воевать» с ними у нас не было, разве только то, что мы с трудом разбирали, о чем они говорят, они же нас и вовсе не понимали, потому и не завязалась у нас дружба. Они были сами по себе, мы — сами. Нас они не трогали, но, видно, сблизиться нам все-таки хотелось, и потому мы решили «по-мужски» во всем разобраться.

Наш класс располагался на первом этаже, их — на четвертом. Нападение мы устроили на их территории и жестоко разгромили «противника»; с криком и визгом ринулись они в класс, мы — за ними, и тут

произошло непредвиденное: вооружившись портфелями, нам дали отпор их девчонки. Признаться, уж не помню финала этой «битвы», узнали или нет об этом взрослые, провели или нет с нами идеологические вожди, комсомольские лидеры беседы о великой сталинской дружбе между народами. Нет ничего удивительного в том, что я этого не помню, ибо у нашей «военной операции» не было ничего общего ни с национализмом, ни с интернационализмом.

Более того, не только антифашистская, но и антигерманская пропаганда не сумели помешать нам дружить с немецкими военнопленными, что работали строителями на улице Долидзе. Многие из них потом оказались на Делисском кладбище для военнопленных, рядом с новыми корпусами университета. Один из них, по имени Ганс, особенно сдружился с нами. Он немного говорил по-русски, мы знали пару слов по-немецки, так и беседовали. Он был высоким, конечно же, худым (кожа да кости), до войны был музыкантом, немного рисовал и развлекал нас веселыми картинками. Нас удивляло, что он ненавидел Гитлера и говорил в сердцах «Гитлер капут». Ганс не принимал от нас никакой еды, зато не отказывался от табака, хотя он ему и не нравился. «Русский табак — капуста!», говорил он, чуть ли не задыхаясь от кашля.

Не забуду 22 июня 1941 года. Из серого, словно слоновье ухо, репродуктора услышал я о начале войны с Германией. Выскочил в другую комнату и сообщил домашним. Я был не только удивлен, но и оскорблен, когда увидел окаменевшие и испуганные лица женщин: как они не понимают, что кавалерия Буденного разнесет врага в пух и прах. Что стало впоследствии с вымуштрованными армиями всем хорошо известных Буденного, Ворошилова или Тимошенко, у всех на памяти. Ну, а у меня в ушах звенела бравая песня:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет!

И естественно, мы, дети, целыми днями играли в войну. В нашем районе было много заброшенных стро-ек, которые напоминали поле сражений, и мы с утра до ночи выслеживали «фашистов», брали их в плен и вечно спорили, кто выстрелил первым. Фильм Михаи-ла Чиаурели «Георгий Саакадзе» оказался как нель-ся кстати. К тому времени я уже прочел и роман Си-мона Квариани, и «Великого Моурави» Анны Анто-новской, и даже написал по его мотивам пьесу. И раз пьеса была моя, ясное дело — роль Георгия Саакадзе надлежало исполнять мне. И вот однажды вечером в присутствии соседей мы сыграли наш спектакль. Я так вошел в роль, что чуть было и вправду не проло-мил Корчихану — Гизо Хвадагиани — голову деревян-ной саблей, и если бы не чалмой повязанное на голо-ве полотенце, ему пришлось бы очень худо. Таким об-разом вклинилась в наш «советский» патриотизм, на-ряду с именами Александра Невского, Суворова и Ку-тузова, национальная тема.

Мы, дети, гораздо легче переносили войну, тем не менее, отчетливо ощущали ее тяготы. Я не гово-рю о голоде, об очередях за керосином, о стекающем по ледяным пальцам мандариновом джеме, с которым мы, счастливики, выходили из огромных очередей, о том горе, которое приносили в наши дома вести с фронта. Я хочу рассказать о взаимоотношении нашей же армии с населением.

На летние каникулы меня бывало отправляли к тетушке в Абашу. Там была расквартирована военно-морская часть. Вели себя моряки отвратительно, не признавая никакую советскую власть, крали все, что ни попадало под руку, люди просто боялись выхо-дить на улицу.

Однажды вечером у нас на глазах пьяные моря-ки гнали по улице корову, тыча в нее кортиками, ско-рее всего, на убой. Никто не рискнул выйти на ули-цу. Как известно, в наших деревнях в ту пору оста-вались только дети, женщины и старики. И вдруг стремглав пронеслась по улице моя кузина Белла, ко-торой в ту пору, наверное, и десяти лет не было, и крикнула:

— Эта корова — секретарь райкома!..

Понятно, ей хотелось напугать распоясавшихся

моряков, сказать, что эта корова секретаря райкома. Но исход дела предрешил ее русский язык. «Корова — секретарь райкома!» — обрадовались пьяные моряки, принялись хохотать, позабыли про корову и, шатаясь, побрели по дороге.

Помню еще и такой случай. После каникул я возвращался поездом из Абаши в Тбилиси. В купе ехали четыре студентки. Я оказался в их компании, так как на одно место было продано два билета. Одна из девушек предложила разделить со мной койку, но я отказался, оскорбленный тем, что меня, четырнадцатилетнего мужчину, сочли маленьким.

В купе вошел молодой русский офицер, прямой потомок нарисованного Ильей Чавчавадзе в «Записках путешественника». Он стал просвещать темных азиатов, упомянул Грузию как автономную республику. Когда мы поправили его, очень удивился, наверное, говорит, это благодаря Сталину вы такой чести удостоились, а то какая вы республика, наша армия маршем за день проходит такую территорию. У меня прямо горло перехватило, я чувствовал, как оскорблены мои попутчицы, а я не мог их защитить.

— Иди отсюда! — только это и сообразил я сказать.

Офицер оглядел меня с ног до головы, и, не знаю почему, промолчал, такие люди обычно не уступают, если чувствуют превосходство. Ясное дело, он был сильнее меня, был вооружен, и в соседнем купе ехали такие же, как он, хмельные офицеры. При желании они могли остановить поезд и высадить посреди пути всех пассажиров, и никто бы не сумел им помешать. Но он лишь улыбнулся, вспомнил, что является представителем просвещенной державы, с подчеркнутой вежливостью простился с моими попутчицами, пожелав им приятного путешествия, и закрыл за собой дверь. Мы благополучно доехали до Тбилиси. Но наш офицер, видать, вздумал учить уму-разуму не только нас, однако те уму-разуму учиться не пожелали, сбросили его с поезда, так он «геройски» погиб при «исполнении служебных обязанностей».

В годы войны кому-то пришла в голову мысль разделить школы на мужские и женские. Мальчишки вовсе разум потеряли. Швыряли парты с четвертого

этажа и очень радовались, когда они разлетались на щепки. Так у нас создавалась иллюзия военных действий. Настоящая война начиналась тогда, когда на большой перемене классная руководительница заносила в класс черные стограммовые «булочки», гвалт поднимался невообразимый.

Каждый день у нас проводились уроки по военной подготовке. Но истинными солдатами мы ощутили себя тогда, когда нас, предварительно захвативших из дому «чашку-ложку», вместе с такими же как мы ребятами привели на собрание в школу, что на улице Барнова, облачили в поношенное военное обмундирование. Ложки, признаться, исчезли на следующий день.

Никакой военной премудрости, кроме ежедневных «походов» на территорию нынешнего парка Ваке. Хотя иногда нам приходилось совершать «военные операции». Одна из таких «операций» мне особенно запомнилась.

Руководил нашим батальоном капитан, фамилию которого я не называю ввиду пикантности ситуации. Скажу лишь, что он был известным баскетболистом команды тбилисского Дома офицеров.

Было за полночь. Уже давно дан «отбой», но мы, по обычаю, не спали, рассказывали друг другу смешные истории (в нашем возрасте их, слава Богу, всегда хватало!), когда кто-то заглянул к нам в комнату и сказал: «Ребята, надо помочь капитану».

Оказывается, капитан, которого мы все очень любили, пригласил к себе в комнату гостью с вполне понятной, но еще не осознанной нами целью. Жильцы противоположного дома невесть каким образом подглядели (наверное, в бинокль) не очень уж педагогичную сцену и сообщили в милицию. Милиционер не впускал в комнату наш «вооруженный» дозорный, но, понятное дело, долго сдерживать натиск не удалось бы, а потому следовало быстро увести гостя.

Вот тут-то мы и проявили «армейскую» смекалку — провели девушку черным ходом, перебежав при этом даже через двор дома тогдашнего председателя Совета Министров В. Бакрадзе (сейчас там детский сад). И таким образом простыл и след преступления наше-

го капитана. Милиция, конечно же, не нашла никаких вещественных доказательств.

Капитан вошел к нам пристыженный, высказал благодарность за проявленную нами «мужскую солидарность».

— Вы отличные ребята, но вы не знаете, как хороша женщина...

Мы не знали, но представляли, потому и поняли его. И очень огорчились тому, что несмотря на блестяще проведенный «военный маневр» на следующий день нашего капитана уже не было с нами. Появился другой, с фамилией, забыть которую было невозможно — Шевченко. И он быстро нашел с нами общий (естественно, русский) язык. Нельзя сказать, чтобы командиры держали нас в строгости, они понимали, что в конце концов имеют дело с девятиклассниками, с детьми. Но и мы со своей стороны были расположены к ним крайне благожелательно. Капитан Шевченко продержался у нас два дня, но произошло это не по нашей злой воле, а по нашей ребячьей безответственности. Он приказал нам привести в порядок обмундирование, вечером нам следовало пройти маршем по проспекту Руставели. Какой тбилисец не радовался прогулке по Руставели? И мы обрадовались, что можем похвастать своей удалью. Естественно, ни один из нас не смог бы осмыслить, каким образом овладел нами стадный инстинкт, как мы потеряли свою индивидуальность. Мы все стали похожи друг на друга, на всех была одинаковая, вылинявшая одежда цвета хаки, одинаково громыхали мы подкованными, натянутыми на портянки сапогами, никто не мог нас различить и потому каждый из нас в отдельности не отвечал за самого себя. Теперь-то я понимаю, как можно увлечь за собой подобную массу на разрушения и убийства.

Капитан по обычаю обратился к нам: «Запевала, начи-най» — и запевала под аккомпанемент строевого шага запел на грузинском языке:

Радуетя Атанасэ,
Жена в теле у него...

Загудел батальон, оповестил весь мир о том, почему так радуется Атанасэ своей пышной жене, ка-

кая польза от таких габаритов в супружеских взаимоотношениях...

Поем дружно, никто не стыдится, напротив, нам по нраву такое чувство свободы и некое наше «преимущество», которого ни один из нас не добился бы поодиночке. И слышится на проспекте Руставели стук трехсот пар сапог, и льется похабная песня.

Прохожие останавливаются на тротуарах, удивленно смотрят на нас. Кто-то смеется, кто-то недоумевает, но внимание — всеобщее! Капитан Шевченко сияет от радости...

Мы стоим, выстроившись, в школьном дворе. Довольный нами капитан восклицает:

— Молодцы, ребята!

— Служим Советскому Союзу! — громко скандирует батальон.

Разумеется, на другой день мы лишились капитана Шевченко, который, не зная грузинского, так и не разобрался в сексуальном вкусе Атанасэ.

Тем временем могущественная Советская Армия без нас справилась с врагом, первая социалистическая страна, будучи в капиталистическом окружении, приобрела социалистических соседей, но врагов у нас не стало меньше, да и не станет, пока в целом свете не останемся только мы — советские люди. Но и тогда у нас будут враги — нет конца классовой борьбе, ибо в нас самих не искоренены пережитки капитализма, и врагов народа надо искать в нас самих!

Поэтому ни на миг не прекращалась военизированная учеба. Я поступил в университет не ради того, чтобы стать филологом, но в первую очередь потому, чтоб из солдата запаса превратиться в офицера запаса.

Военное воспитание началось с первого же курса. Правда, первую лекцию в 86-й аудитории главного корпуса прочел нам профессор Варлам Топуриа, седые волосы которого так гармонировали со светлыми стенами университета, но спустя два дня началась настоящая учеба. По понедельникам с девяти утра до трех часов в продолжении шести часов прославленные в боях полковники читали нам и заставляли заучивать всевозможные уставы, велели разбирать и со-

бирать пулеметы, разъясняли нюансы военных действий, рассказывали о своих геройских делах.

Особенно забавляло нас то, как они говорили по-русски. Многие из них, подолгу служа в России, плохо говорили по-грузински, но зачем было так безбожно коверкать русский?! Вместе с военной наукой мы изучали «их» русский — ведь мы обязаны были в точности повторять ту или иную высказанную ими мудрую фразу. Вот мы и называли деревянный молоток, которым мы постукивали по пулемету, «деревянное квэжо» и таким образом «обогащали» язык старшего брата.

Курьезов бывало множество. Но в нашей аудитории всегда соблюдали жесткую дисциплину. Полковникам ничего не стоило лишить студента стипендии или же вообще исключить из университета. Деканат не мог нам помочь, хотя и был у нас такой замечательный декан, как профессор Илья Абуладзе.

Помню такой случай. Полковник, о котором, если верить ему (да и какое я имею право не верить?), на линии фронта говорили «Где Кватадзе, там и победа», досконально объяснил нам, как следует защищать военный объект. Показал практически, заставил повторить нас. Наконец спросил, нет ли у нас вопросов. Какие могли быть вопросы, все было ясно. Но тут встал Резо Инанишвили.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник.

— Разрешаю.

— Товарищ полковник, допустим, я стою в карауле, а в это время на штык сел воробей, как мне поступить?

Несмотря на строгую военную дисциплину, мы не смогли удержаться от смеха.

А Резо стоял с самым серьезным видом, не спуская глаз с полковника.

Полковник оторопел. Такого вопроса он не ждал и ответа на него не знал. Хорошо еще, что он начисто был лишен чувства юмора и решил, что мы смеемся над самим Резо. Не зная, что ответить, он обратился к нам:

— Товарищи студенты (он всегда обращался к нам так, вероятно считая, что так по-русски звучит грамотнее), объясните ему!

Добровольцев оказалось немало. Кто-то ^{и тогда} сказал, что надо другой рукой щелкнуть затвором и воробей улетит, второй предложил просто согнать его, но в любом случае нарушался устав. И потому нам помог сам полковник.

— Какую ерунду несете! Что за чушь! Воробей сам улетит, не может он долго сидеть на штыке!

Так мы разобрались еще в одной непредусмотренной уставом премудрости.

Мы были молодыми и, естественно, не упускали возможности пошутить, тем более, что лекции полковников вгоняли нас в сон. Надо же было как-то разрядить обстановку, чтоб слушать их целых шесть часов подряд! Кое-кто умудрялся, пряча книгу под парту, читать. И вот кто-то «настучал» на Гиви Бараташвили.

— Товарищ полковник! Бараташвили тайком читает непристойную книгу!

— Дай книгу! — закричал полковник.

Раскрыв книгу, прочел по слогам: «Мудрость Балавара, поведал нам отец Исаак, сын Сопрома Палестинского...»

Ничего не понял и поверил, что студент и впрямь читает непристойную книгу, но не будучи твердо уверенным в этом, сграницился отцовскими наставлениями. Но на второй лекции он сам «поймал» Гиви, когда тот перелистывал под партой юбилейное миниатюрное издание стихов Николоза Бараташвили.

Дело было плохо. Гиви не миновать было наказания, если бы не его сосед.

— Товарищ полковник, это его собственные стихи!

Полковник убедился, что стихи и в самом деле Бараташвили и, видимо, решил, что она такая маленькая потому, что автор ее — студент.

— Молодец, Бараташвили!

Всем на удивление полковник, «который любил литературу», вообще освободил Гиви Бараташвили от занятий и запросто дал ему зачет.

Лекции читали нам не только полковники-грузины, преподавал нам, например, некий Яковенко. Разница была только в том, что он не знал грузинского. У него были такие же конспекты по военной науке,

как и у других, и он ни на йоту не отступал от текста.

Жаль потерянных часов и лет! Что осталось от военных лекций, истории Коммунистической партии, от основ марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма, политэкономии социализма... Эти предметы ведь наполовину лишали меня моего студенческого бюджета, не говоря уже о душевной и физической энергии, которых не хватало на другие предметы!

Грех пенять на наше поколение. Мы еще здорово отделались от такого оболванивания!

От военных занятий не были свободны и девушки. Из них готовили будущих санитарок и медсестер. Признаться, я не знаю и никогда не интересовался, чему и как их учили. Только много лет спустя дочь сказала мне, что они изучают ПВО (противовоздушную оборону) и с полной серьезностью утверждала, что в случае атомной войны за ней приедут на грузовике и она поедет в Телави, где будет оказывать медицинскую помощь рабочим какой-то фабрики как... математик! Я со своими коллегами из института перебирался в... Карели, а моя жена с сотрудниками института, в котором она работала, — в Болниси! Планы эвакуации составлялись кем-то в штабе.

Блажен тот, кто верит, что во время атомной войны так заработает механизм самообороны. Главное, вероятно, во всей этой игре — как-то оправдать затраченные на «самооборону» миллиарды.

Прошу прощения за такое «лирическое» отступление. Возвращаясь к своей военной деятельности, тем паче, читатель, вероятно, заметил, что я остановился на полпути, я ведь еще не вырос из солдата запаса в офицера запаса. Чтоб добиться этого, необходима была настоящая военная подготовка. И это время наступило.

Закончил я четвертый курс, и меня на летние каникулы призвали на сборы вблизи Гори. Собрали нас, самолюбивых городских парней, и видели бы вы, в кого превратили!

И где откопали пошитое так безобразно военное обмундирование, и как им удалось отыскать в Картли такое выжженное, пустынное место, когда военные

части и генеральские дачи утопали в зелени! На кого стали похожи за несколько дней гордые вакийские и сололакские¹ ребята, с опаленными от зноя носами, после двадцатикилометрового похода отдраивающие запыленные штыки, прежде чем получить разрешение на отдых!

Сидит вот один, задумавшись, и добросовестно чистит затвор. Может, злится, что заставил его ползти по-пластунски невежа-лейтенант, только и думающий о том, как бы доказать свое превосходство над солдатом с высшим образованием, не ставшим еще даже младшим лейтенантом.

И вдруг слышит этот солдат голос ректора университета Нико Кецховели:

— Ии, ты что тут делаешь?

Студент в замешательстве даже боится оглянуться.

— Шапку сними!

Он тотчас сдирает с головы замусоленную пилотку, вскакивает и оборачивается, чтоб что-то сказать в свое оправдание... Каково же его изумление, когда вместо ректора он видит перед собой улыбающегося во весь рот Картлоса Касрадзе.

Картлос же в несколько минут доказал, что бежит гораздо быстрее него.

Како Джамбуриа постригся наголо, надеясь таким образом спастись от жары, но не помогла ему пилотка на макушке (откуда только брались такого размера военные формы, неужто шили их для армии лилипутов или же они так уменьшились от частой стирки?!). И если в зной у большинства из нас страдали носы, у Како страдала и голова.

Ребята из отделения Како спали в палатке рядом с нашей. Лежали мы, как правило, упершись головами в стенки палатки. Не помню, кто из нас первым предложил «приласкать» Како, и вот ребята по очереди подползали к палатке и поглаживали брезент в том месте, где по их расчету, покоилась голова Како.

— Шамиль, отстань, курумсаго!

Это было самое сильное ругательство, на которое был способен воспитанный колхский юноша. «Курум-

---

¹ Ваке и Сололаки — старые районы Тбилиси.

саги» по-турецки не должно означать ничего хорошего, но Како турецкого не знал. Спустя несколько дней, когда нам уже надоела эта игра, мы вдруг слышим голос Како:

— Шамиль, курумсаго! Чего медлишь! Спать охота!

Нельзя сказать, что дни, проведенные в военном лагере, ограничивались походами, разного рода службами, исполнением абсолютно бессмысленных приказов, ношением оружия, чисткой картофеля во время дежурств на кухне и выбрасыванием мусора.

Были и светлые мгновения. Если можно назвать мгновением прелестную русскую девушку, раздающую в столовой еду.

Нас было так много, к тому же — все грязные и некрасивые, что она не обращала на нас никакого внимания.

Одинаково равнодушна была она и к комплименту и бесстыдно-голодному взгляду. Она поднимала на тебя огромные голубые глаза только для того, чтоб случайно не пролить на тебя борщ. Казалось, она никого не видит, точно мы такие же предметы в столовой, как столы и стулья.

Не думаю, что таким образом она защищала свое девичье достоинство. Ее в самом деле не интересовала однородная солдатская масса, тем более, что мы были не новобранцы, с которыми русские девушки охотно ходили на танцплощадки и целовались в темных уголках улиц, а напоминали штрафной батальон.

Однажды к нам на инспекцию приехал генерал-лейтенант, армянин. Видать, он остался так доволен положением в лагере, что увез с собой нашу красавицу, тем самым погасив искорку света, дабы мы полностью погрузились в пропасть военного искусства.

В самое пекло летнего дня мы одолевали несколько километров в полном военном обмундировании, свернутые мутакой шинели лежали у нас на плечах (в этот-то зной!), в руках — заступы, фляги и штыки, у гранатометчиков — «свое» оружие. В безлюдном месте нас заставляли рыть окопы, ползком приближаться к «врагу». Вечером мы возвращались в лагерь строевым шагом, с бодрой и громкой песней. И горе нам, если наша выправка приходилась начальству не по

праву, нас возвращали назад и заставляли маршировать заново.

То, о чем я сейчас поведаю, случилось не в мою бытность студентом, но такое могло случиться в любое время. В 1953 году арестовали Лаврентия Берия. Студенты, бывшие на сборах, разумеется, ничего об этом не знали, да и офицеры тоже. Из города в лагерь вернулся известный боксер Шалва Двали, который работал в университете на кафедре физического воспитания. В лагере в это время находились несколько офицеров и повар, остальные были на «боевых маневрах».

Шалва в Гори узнал об аресте Берия, на радостях выпил немного и, войдя в столовую, кинулся к его огромному портрету, сорвал со стены, разорвал на куски фотографию и стал топтать ее ногами, не обращая внимания на растерянных, прямо-таки побелевших от страха офицеров.

— Вот тебе, кровопийца, за то, что истребил мою семью!

Никто не посмел подойти к нему, боясь его кулаков. В это время в лагере находился заведующий военной кафедрой генерал Абрамидзе. «Двали сошел с ума», — доложили ему. Бесстрашный генерал пошел в столовую, где и узнал сенсационную новость. Но все-таки решил перепроверить, позвонил в город.

Разумеется, об этом ничего не подозревали те, кто был в поле на занятиях. И потому они обычным строевым шагом прошли перед генералом.

К лагерю подошел второй взвод.

— Запевалы, начи-най! — послышалась команда.

Запевала не заставил себя ждать, песню подхватили, во всю силу стуча сапогами, пели очень популярную в то время песню на мегрельском языке, в которой говорилось о том, что «настал прекрасный рассвет, и розой расцвел наш Лаврентий Берия».

Генерала словно обухом по голове огрели, он лишь сумел закричать:

— Оштавич!

— Отставить! — повторил лейтенант и добавил:
— Кругом марш!

Взвод повернул обратно. Такое случалось нередко, когда тому, кто принимал парад, что-то приходи-

лось не по нраву, а на этот раз парад принимал сам генерал! Понятно, взвод постарался вовсю, чтоб песня о расцветшем розой Лаврентии Берия во второй раз звучала лучше.

Генерал совсем обезумел, побагровел и снова закричал:

— Оштавич!

И только с третьей попытки он догадался, что надо сказать:

— Оштавич пешню!

Вероятно, это была последняя песня о Берия, да и она прозвучала только потому, что лагерь был полностью оторван от внешнего мира.

Вообще-то в нашем лагере дела обстояли не столь уж плохо. По воскресеньям случалось мы даже отдыхали. Вернее, отдыхали офицеры, а нам не разрешалось высовывать носа за пределы лагеря — ведь это позор, если кто в городе увидит таких оборванцев.

И все же нам удавалось выбираться в город. Я был страстным любителем футбола, и в одно из воскресений мне улыбнулось счастье — тбилисское «Динамо» встречалось в Гори с соперником на первенстве Советского Союза. Правда, это был запасной состав — но все-таки «Динамо»!

Я купил билет и только было собирался пройти на стадион, как заметил в правительственной ложе нашего генерала. Не могу похвастать, что он знал меня в лицо, но он тотчас понял бы, к какому роду Советской Армии я принадлежу, нас узнать — не трудная задача!

Я, конечно, не боялся оказаться в карцере, который являл собой дощатое строение, где было несколько прохладнее, чем снаружи. Можно было сапогом сгрести в один угол разбросанные по полу осколки стекла и преспокойно разлечься. Не знаю, какому «рационализатору» пришла в голову мысль специально покрыть пол осколками, чтоб наказуемый не мог лечь. А ведь известно, что солдату всегда хочется спать, и он не упустит случая вздремнуть. Одно плохо, при волчьем солдатском аппетите в карцере приходится довольствоваться только водой и хлебом. Однако моя провинность, если бы генерал увидел меня, была настолько велика, что мне грозил более су-

ровый приговор — вплоть до второго срока пребывания в лагере.

Поэтому я не рискнул пройти на стадион, хотя вскоре выяснилось, что матч не состоится: футболисты почему-то не приехали. Так что для огорчения у меня не было повода.

Я пошел на берег Лиахви, где встретил Гурама Дондуа. Увидев перед собой такое пугало, он чуть не подавился со смеху. При нем оказался фотоаппарат, и он сфотографировал меня. По сей день хранится у меня этот снимок: я стою, поставив ногу на валун и с подчеркнутым величием смотрю на мир (наверное так, как в строках у Н. Бараташвили: «Наполеон окинул взором Францию...»).

Настоящим праздником для нас были политзанятия. Нам нравилось, конечно же, не то, что специально прибывшие из политуправления майоры и подполковники разъясняли, как гниет во всем мире капитализм и как он пытается разрушить цветущий социалистический лагерь, а то, что занятия проводились в здании политпросвещения, где в прохладном зале можно было... поспать...

Я уже отмечал, что солдату всегда хочется спать. А в зале для этого были почти идеальные условия. Лектор утыкался в написанный каким-либо «большим специалистом» конспект и в течение двух часов не поднимал головы. Мы сидели в креслах, откинув головы, спокойно дремали и старались только не захрапеть. И потому подобные лекции, называемые «политзанятиями», мы называли «политснами».

Мы были молоды и нам, естественно, не чужда была военная романтика, тем более, когда пудовые железяки, которые мы вечно таскали за собой, порой превращались в настоящие военные орудия. Не столь уж часто, но случалось, мы стреляли в цель настоящими пулями. Нам дали возможность испробовать все орудия, какие были в лагере: станковый пулемет, ручной пулемет, автомат, гранаты, пистолет. Оказалось, что я не так уж плохо «владею» всеми видами оружия, стал даже отличным стрелком и, представьте себе, гордился этим.

Но несмотря на то, что командиры были предель-

но осторожны, мы не были гарантированы от всяких случайностей.

Помню такой случай. После стрельбы один из студентов вертел в руке пистолет системы «ТТ». Шутя он приставил его к виску товарища и сказал:

— Вот нажму сейчас на курок — и отдашь Богу душу!

— Отстань, будь другом, — махнул рукой изнывающий от жары товарищ.

Поняв неуместность своей шутки, студент оставил в покое товарища, поиграл револьвером, прицелился в цель, прикрыл левый глаз и нажал на курок.

Раздался выстрел.

— Кто стрелял?! — вскочил офицер.

Побледневший студент в страхе выронил револьвер.

Добросовестно тренировали нас в метании гранат. Вначале это были всего лишь муляжи и бросать их можно было без риска, если, конечно, не попадешь кому-либо в голову, но потом нам дали настоящие гранаты, которые следовало метать через несколько секунд после того, как сорвешь кольцо, не мешкая, иначе она взорвется в руке.

Бросать гранату нас выводили поодиночке, остальные сидели в окопах, за невысоким холмом, а впереди находилась цель — вырезанная из фанеры человеческая фигура.

Офицер предупредил: кто трусит, лучше пусть не пытается.

Ребята мы были самолюбивые, кто же признается, что боится.

Стоит на пригорке тщедушный побледневший паренек с облупленным носом и в который раз слушает наказ командира. Вот он срывает кольцо, неожиданно поворачивается на 180 градусов и бросает гранату прямо в нашу сторону.

— Ложись! — нечеловеческим голосом вопит офицер.

Мы тотчас утыкаемся носами в землю, зеленая смерть пролетает над нами и взрывается за окопом.

— Я же предупреждал, бля, я же пре... — не может продолжать офицер. И он, и наш товарищ выглядят такими несчастными, что нам невольно стано-

вится смешно. Офицер объявляет «перекур», мы обещаем никому не рассказывать о случившемся, чтоб не попало офицеру, зато он ставит всем нам высокую оценку, даже тем, кто не успел метнуть, хотя они и «рвались в бой».

Ночь. Мы лежим в палатках. Сон наш охраняют наши же товарищи, которым пришел черед стоять в карауле. А нам не спится, быть может, потому, что отоспались на «политсне». Слышу хриловатый голос Шамиля Цхведиани. (Он был старше нас всех, пришел в университет после войны, где служил в десантных частях, но после тяжелого ранения его не посылали на операции, и он исполнял обязанности инструктора, упражнял бойцов в парашютных прыжках).

— На войне был случай, когда парашют не раскрылся, но боец остался живой, — говорит Шамиль. — Видать, смерть не была написана на роду, он под таким углом упал на снежный холм, что вместе со снегом соскользнул по склону, где его и нашли, он был без сознания...

— Да брось ты!.. — слышался чей-то полусонный голос, и Шамиль умолк. Но тот же голос повторил: — Да брось ты! Это невозможно!

— На войне всякое случается, — вполголоса спокойно продолжил Шамиль. — Я сам не был свидетелем этой истории, прочел во фронтовой газете. Лично мне случай этот не кажется невероятным, а ты можешь думать, что хочешь. Вообще-то боевой парашют это тебе не тот, что в Муштаиде, падаешь с невероятной быстротой. Помню, тренировалось у меня несколько курсантов, среди них почему-то один майор. Не знаю, почему учили его прыгать с парашютом, у него было несколько высоких орденов, о его храбрости ходили легенды. Он был евреем, русским евреем, фамилию позабыл. Курсанты прыгнули. Пришел черед майора. Когда мы подошли к люку, я не узнал его.

— Боюсь высоты, — признался он.

— Ничего страшного, все будет в порядке.

— Нет, я не прыгну!

— Прыгнетс!

— Как вы смеете, старшина, я выше вас по званию! — решил он осадить меня. Но я не отступил.

— Я не старшина, я здесь старший. — И толкнул

его. Такие случаи бывали в моей практике, и я был уже натренирован — все кончалось прекрасно. Не знаю, что разозлило меня на этот раз, может, высокомерие майора, но то ли я забыл об осторожности, то ли у майора оказалась необычайная реакция, он так ухватился за меня, что мы оба оказались за бортом самолета. Правда, при мне был парашют, однако майор так цепко держался за меня, что это могло плохо кончиться для нас обоих. Он отчаянно вопил, я тоже что-то кричал; но мы не слышали друг друга. Наконец я свободной рукой что было силы ударил его по лицу, и, кажется, это его отрезвило. Я успел заметить кровь на его губах и почувствовал, что свободен. Раскрыл парашют, но в этой катавасии одна нога у меня запуталась в стропах. Вот-вот упаду на землю, а все не могу освободить ногу. Я уже говорил, что боевой парашют это вам не аттракционный парашют, чтоб спокойно парить в воздухе. На одной ноге приземляться никак нельзя, приземляясь на двух, надо согнуть их в коленях для амортизации, а только потом упасть на землю и покатиться. Если опуститься на землю на вытянутых ногах — пообломаешь все кости. Ничего другого я не придумал и перед тем, как упасть на землю, поднял и другую ногу. Мне показалось, что все у меня внутри оборвалось, а в заднице я почувствовал такую боль, что потерял сознание. Сколько пролежал без памяти, не помню.

— Что с тобой, дружище? — услышал я, наконец, чей-то голос. Поднял голову. Передо мной стоял майор. Он, наверное, думал, что я уснул. Улыбается, довольный. — Шамиль зевнул. — Так вот... в то утро в задний карман комбинезона я положил два куска сахара. Пришлось делать мне операцию, оба куска вонзились в ягодицу. Две недели хромал...

Почему я вспомнил этот эпизод, станет ясно очень скоро, а пока скажу, что военная служба в Гори прошла быстро, на пятом курсе, в аспирантуре и далее никто не вспоминал о моей «основной» военной обязанности. В военном билете мне записали, что я — лейтенант запаса по политической части в армии, а это означает, что во время мобилизации меня могут использовать как преподавателя «политсна», или же как филолог (это ведь моя «вторая» специальность) я

буду военным корреспондентом, а может, в лучшем случае, могу работать в какой-либо армейской газете — «На страже», «За социалистическое Отечество» или же «За Родину! За Сталина!».

Случилось так, что тем временем по «второй» своей специальности — классической филологии — я получил ученую степень, опубликовал книги, стало быть, шансы моей военной карьеры значительно выросли — меня можно было бы назначить даже ответственным секретарем полковой или дивизионной газеты. Более высокой военной карьеры я даже не представлял себе.

Мне было уже тридцать пять, никто и не вспоминал о моей основной профессии, но в 1963 году я неожиданно получил извещение из военного комиссариата — следовало явиться для обмена военного билета.

Меня раздели, взвесили, измерили, поинтересовались, не беспокоит ли что. Физически меня ничего не беспокоило и, признаться, морально тоже. Не думал я, что это медицинское освидетельствование грозит мне чем-то, таких, как я, да и вовсе безусых юнцов было много. Процедура скоро закончилась, и когда я решил было, что свободен, вошел капитан и сказал мне, что со мной хочет побеседовать майор. Он проводил меня в другой кабинет, где сидел молодой представительный майор. Он поднялся мне навстречу, улыбнулся, крепко пожал руку, потом обнял за плечи и повел к письменному столу.

— Роман Северьянович, если вы не против, я бы предложил вам заполнить одну анкету, а заодно и побеседуем.

Майор, в отличие от других работников военного комиссариата, видевших в призывниках да и в других пришедших сюда людях потенциальных дезертиров, был, судя по всему, настроен по-дружески.

В анкете было множество вопросов, в том числе и довольно знакомых, к примеру, социальное происхождение (очень значительно для советского гражданина!), партийность (наизначительнее), состояли ли членом Коммунистической партии и по какой причине выбыли или же состояли в других партиях, в антипартийных группировках, бывали ли (брр!) за грани-

цей, не живут ли там родственники (кто и в какой стране, когда и как попали туда) и другие. Был и совершенно неожиданный вопрос: каким видом спорта занимаетесь (или занимались прежде?).

Я уже собирался было написать «нет», когда майор, который не спускал с меня глаз, сказал:

— Почему «нет», вы ведь занимались тяжелой атлетикой?

Я взглянул на него с удивлением. Никогда не увлекался спортом серьезно, а о том, что в студенчестве занимался в секции известного штангиста Котэ Зауташвили, уже и забыл. Откуда майору известно об этом? Только теперь я заметил, что у майора другие погоны, не такие, как у работников комиссариата: это погоны пограничных войск.

— Вы работаете не в комиссариате?!

Майор улыбнулся. Он не очень-то встревожился моим открытием, постарался меня успокоить.

— Вы правы. Я не работаю здесь. Мне поручено помочь. Проходит аттестация офицеров запаса, стоит вопрос о повышении вас в звании, потому я и познакомился с вашей анкетой.

— Благодарю, но мне моего звания достаточно.

— Почему? Разве плохо быть старшим лейтенантом или даже капитаном?

— Мы не пойдем друг друга, товарищ майор!

— И все-таки должны постараться понять, не так ли? — сказал он примирительно и снова улыбнулся.

Я только плечами пожал и вернулся к анкете. За рубежом родственников у меня не было, на этот вопрос я ответил легко, да и всезнающий майор не нашел их у меня.

А вот вопрос о знании языков. Я написал: грузинский, русский. Майор добавил:

— Немецкий, латинский, греческий.

Его вмешательство в очередной раз вывело меня из себя, и я сказал резко:

— Немецкий я забыл, а латинский и древнегреческий — мертвые языки, они вряд ли пригодятся советскому офицеру.

Майор засмеялся.

— Советский офицер, если понадобится, вспом-

нит немецкий, а на базе древнегреческого и латинского легче других усвоит и современный греческий, и романские языки! Я тоже филолог, и меня не так легко сбить с толку.

В то время я не придавал диалогу с майором большого значения, не видел никакой связи между беседой с сотрудником ГРУ, офицером контрразведки, и моей будущей «военной карьерой».

Мы расстались по-доброму, он оставил при себе мой военный билет, сказав, что меня вызовут для получения нового, и добавил, что уверен — совсем скоро я все же получу звание старшего лейтенанта запаса.

Об этой встрече я забыл буквально уже на второй день, включился в привычный рабочий ритм. В то время выходил в свет сборник моих переводов «Муза Эллады» и в голове у меня не было никаких милитаристических мыслей, если не принимать во внимание битвы при Трое или Саламине.

Но в один прекрасный день я получил извещение из военного комиссариата о том, что мне следует явиться на двухмесячные военные сборы.

В комиссариате я застал нескольких бывших спортсменов, в основном борцов и альпинистов. Они были более осведомлены и, прежде чем попасть к своему знакомому майору, я уже знал, что нас везут на двухмесячные сборы в горнодесантную часть.

— Кто дал вам право менять мне род войск? Да еще в моем возрасте? Я ведь отношусь к политическому составу! — возмутился я.

— Не волнуйтесь, батано Роман, — обратился ко мне по-грузински майор и снова перешел на русский. — Не я решал этот вопрос. Наверное, так решило командование. Чтоб изменить специальность — сборов вполне достаточно. Вас обучат самбо, приемам восточной борьбы, прыжкам с парашюта...

Майору явно доставляло удовольствие постепенно рисовать мне все более и более тревожные перспективы, хотя обо всем он говорил так, точно одаривал меня.

— Ни в коем случае! Я объявляю протест!

— Садитесь, Роман Северьянович! Взвесим спокойно обстоятельства. Ничего особенного не происхо-

дит, месяца через два вернетесь к своей любимой работе, только на погонах у вас появится еще одна звездочка. Вас могут еще раз вызвать на сборы — и тогда станете уже капитаном. В дальнейшем, если пожелаете, можете заняться военной карьерой, а нет, воля ваша. Никто вас не неволит.

— Для меня не имеет значения, сколько звездочным филологом я буду. Если бы я хотел стать военным, подумал бы об этом семнадцать лет назад, никто мне не запрещал.

— Какие у вас бытовые условия? — неожиданно изменил майор тему разговора. Я догадался, к чему он клонит, и потому тотчас ответил:

— Прекрасные!

— Не думаю, — не согласился со мной всезнающий чекист и добавил: — Не мешает подумать и об этом, и о материальном обеспечении семьи, не говоря уже о вашей патриотической обязанности.

— Раскроем карты, товарищ майор, вы знаете обо мне значительно больше, нежели работники комиссариата, — по мере сил спокойно начал я. — Я не тот человек, который может вам пригодиться, в моем возрасте поздно переквалифицироваться в десантники или в разведчики, я провалю первую же операцию.

— Почему же? — еще более оживился майор, вызвав меня на прения. — Во-первых, никто не предлагает вам становиться десантником или разведчиком. Все это выяснится на сборах. В мирное время никто не имеет права зачислять вас в кадровые офицеры. Что касается возраста... Вы далеко не пожилой человек, на здоровье не жалуетесь, языки знаете...

— Языки? — И тут я догадался, почему заинтересовалось мною будто бы военное, на самом деле разведывательное, ведомство.

Мы знаем, чем была вызвана в те годы в Греции диктатура «черных полковников». Вспомним некоторые моменты из ближайшей истории этой страны. С 1953 года на территории Греции расположились американские военные базы, что само собой вызывало интерес советской разведки, или, как ее называли, контрразведки. Установленный в Греции строй, по мнению Советского Союза, продолжал преследовать демократические (подразумевается коммунистические)

силы под руководством сначала Папагоса, затем Кара-манлиса. В 1961 году произошли так называемые «избирательная стабилизация, переворот», сменившиеся в 1967 году военной диктатурой, это был период господства «черных полководцев» в Греции. После неудачной попытки восстановления монархии во главе государства оказался полковник Папандопулос. В это же время была признана вне закона коммунистическая партия, которая, разумеется, активно боролась в Европе за создание еще одного социалистического государства и с этой целью прибегала ко всяким законным или незаконным средствам — провокациям, террору, шантажу, демагогии, использовала не только опыт советских соратников-большевиков, но и советский разведывательный потенциал. Именно в этот период, 1961—1968 годы, когда возможно было в мутной воде поймать социалистическую рыбку, меня вызвали на сборы.

И вовсе не беспочвенно было подозрение, что именно моя специальность — классическая филология — предопределила тот факт, что из сотен тысяч тридцатипятилетних лейтенантов запаса выбрали меня. Безобидная строчка анкеты, свидетельствующая, что я знаю древнегреческий, решила мою судьбу. Но я не собирался сдаваться и потому повторил еще раз:

— Вы понимаете или нет, что бессмысленно возлагать надежды на мое знание древнегреческого. На современном греческом я не смогу произнести ни слова — тотчас можно будет определить фальшь. Вы утверждаете, что вы филолог, так неужели вам это непонятно?! Вот вы свободно говорите по-русски и по-грузински, но как вы думаете, разве трудно было мне определить, что вы армянин?

Майор, разумеется, понял, о чем я думаю, почему я заострил внимание на знании греческого, но не считал необходимым темнить или играть в какие-то чекистские прятки. Возможно, лично его и не вводили в курс дела, он, быть может, как и я, о чем-то догадывался и потому прямо сказал:

— Вы правы, Роман Северьянович, дело весьма серьезное и спорить со мной не имеет смысла, тем паче, если у вас нет убедительных контраргументов. Вас быстрее других обучат современному греческому язы-

ку, причем скоростным методом и любому диалекту, который будет соответствовать вашей псевдобиографии. Если, конечно же, решат использовать вас в разведке. Я в этом не убежден, признаться, даже не знаю, что собираются с вами делать, хотя если бы и знал, все равно ничем помочь не мог. Надеюсь, разговор этот останется между нами и в назначенный день вы явитесь в комиссариат.

Мы расстались довольно холодно, но почему-то в его натянутой улыбке я прочел сочувствие и понимание.

Я серьезно задумался над тем, как мне быть. Двухмесячные военные сборы я как-нибудь вынесу, если даже ежедневно придется заниматься самбо и каратэ и прыгать с парашютом, но дело в том, что если хоть раз попаду на такой сбор, это меня свяжет цепью, которую не разрубить.

Не хочу делиться с домашними моими сомнениями, не говорю, что мною заинтересовался не военный комиссариат, а разведка, однако нередко поговариваем в семье, что служба в десантных частях ничего хорошего мне не сулит. Мой сын Заза, которому тогда было девять лет, недоволен мною:

— Почему не хочешь идти, папа, тебе ведь дадут автомат и пистолет, и ты принесешь их мне.

До явки в комиссариат оставалось два дня, а я так ничего и не придумал. Я ведь живу в огромнейшей казарме, и меня могут послать куда угодно, потому что военное дело моя основная специальность!

Я решил вообще не являться в комиссариат, напросился в командировку и улетел в Москву работать в публичной библиотеке в надежде избежать этот призыв, а до следующего, может быть, что-нибудь и придумаю. Оказывается, капитан, который привел меня впервые к майору, навещался к нам домой, бывал и на моей работе и, убедившись, что я и в самом деле нахожусь в командировке, оставил меня в покое.

Каково же было мое удивление, когда две недели спустя ко мне на работу пришел майор. Он оказался одноклассником моего друга Игоря Богомолова, и когда Игорь возмутился, чего он ко мне пристал,

майор спокойно ответил, что ничего не поделаешь, он несет за меня персональную ответственность.

Конечно же, моя история не могла ограничиться рамками аттестации офицера запаса, надо было придумать что-то... И я вспомнил академика Георгия Дзоценидзе.

В студенческие годы меня избрали председателем совета студенческого научного общества. Молодой, но уже довольно известный профессор Георгий Дзоценидзе, лауреат Сталинской премии, по поручению ректората исполнял обязанности научного руководителя общества. Мы довольно часто встречались и, невзирая на разницу в возрасте, даже дружили, в чем, разумеется, была немалая заслуга профессора. С тех пор прошло более десяти лет, но я был уверен, что он не забыл меня и его отношение ко мне, хотя он уже и был Председателем Президиума Верховного Совета Грузии, не изменилось.

Дочь Георгия Дзоценидзе — Лали работала со мной в Институте грузинской литературы, она и попросила отца принять меня. Я был приглашен на дачу в Цхнети.

Вечером я поехал в Цхнети. У железных ворот милиционер попросил у меня удостоверение личности, я позвонил Лали по телефону — и меня пропустили.

Слева и справа утопали в зелени красивые коттеджи. Людей не видно, кого спросить, где дача Дзоценидзе? Смотрю, по аллее гуляет мужчина в синей спортивной пижаме. Я узнаю его — это секретарь ЦК Дэви Стуруа. Он тоже узнал меня, поздоровался, показал нужную дачу.

У Георгия Дзоценидзе в Цхнети была собственная прекрасная дача, но она ни в какое сравнение не шла с этой. Меня приняли в зале первого этажа. Здесь стоял большой бильярдный стол, на стене я заметил экран, а пол был устлан огромным ковром.

Лали принесла фрукты на подносе и оставила нас вдвоем. Батони Георгий предложил мне фрукты, но я отказался. Тогда он очистил персик и снова предложил мне, он пытался дать мне почувствовать, что в наших отношениях ничего не изменилось. Но я был скован, сам же увеличивал дистанцию между нами—

сотрудником института и одним из руководителей рес-публики.

Батони Георгий поинтересовался мсей семьей (сказал, что двое детей — мало, хорошо бы иметь больше), моими научными делами, спросил, над чем я сейчас работаю, каковы планы на будущее. Наконец, поняв, что я все еще не готов перейти к своей просьбе, сам пришел мне на помощь:

— Лали говорила, что у тебя какие-то сложности с военным комиссариатом. В чем дело?

— Батони Георгий, мне тридцать пять, и я избрал свой жизненный путь, в этом году выходит моя книга «Муза Эллады», вот-вот закончу работу над докторской, и мне, конечно, совсем не хочется ехать сейчас на двухмесячные военные сборы. Тем более, переквалифицироваться в десантники. Какое время прыгать мне с парашютом? Насколько мне известно, докторов наук даже на фронт не брали! Я знаю, к примеру, что так было с Виктором Купрадзе и Иасэ Цинцадзе...

Здесь, если мне позволит читатель, я несколько отклонюсь от темы и расскажу эпизод из армейской жизни Иасэ Цинцадзе. Я рассказываю об этом только потому, что в этой истории известный историк Иасэ Цинцадзе был, вроде меня, тем, кем никогда не был — солдатом. Мы сидим в купе псезда Тбилиси—Баку. Мы — это члены делегации Тбилисского университета: профессора Иасэ Цинцадзе, Серги Джикиа, Давид Долидзе и двое студентов — Герой Советского Союза Давид Джибладзе и я — председатель совета студенческого научного общества. Мы едем принимать участие в каком-то празднике в Баку, не помню, то ли это чей-то юбилей, то ли конференция, посвященная празднику советизации.

— На военной службе происходили всякие курьезы, — рассказывал батони Иасэ. — Например, в окрестностях Петербурга на обычном поле почти до конца XIX столетия существовал сторожевой пост, сменялись вооруженные караульные, но никто не знал, что они караулят. Вокруг на расстоянии нескольких километров не было никакого военного объекта, а пост стоял день и ночь, зимой и летом.

— Да, но ведь какая-то причина должна была

быть? — спросил батони Серги, известный специалист по турецкому языку.

— Именно эта причина и смехотворна. Оказывается, однажды императрица Екатерина II со своей свитой прогуливалась по полю. Царица была равнодушна не только к красивым мужчинам, но и к красоте природы. И вот узрела она в поле цветов необычайной красоты и замерла от восторга. Изумленные придворные уставились на матушку государыню. Кто-то хотел сорвать цветок. «Не смей! — царским жестом остановила его Екатерина, — Поставить караул!». И с того дня сменяли друг друга поручики и ротмистры, полковники и генералы, целые поколения. Цветка давно уже в поле не видели, но караул все еще продолжали нести...

Помню, профессор Давид Долидзе хотел было что-то сказать, но батони Иасэ не собирался так легко уступать «трибуну».

— Не думайте, что подобные курьезы были характерны только для царской армии. Послушайте мою историю. Во время войны, тогда еще не было приказа Сталина о демобилизации ученых, я тоже был призван. Наша часть находилась близ Цхинвали. Однажды вечером мое отделение повели в тридцатикиллометровый поход на учебную тренировку. Должен отметить, что в отделении была сплошь молодежь, я им в отцы годился, и не удивительно, что ко мне относились уважительно, старались по мере возможности облегчить мне солдатский быт. Вот и в этот раз мне предложили остаться, попросили только к их возвращению затопить печь, а для этого надо было перелезть через забор и «взять» уголь с «делового двора». Было за полночь, когда появился не знакомый мне лейтенант в сопровождении вооруженного солдата. «Вы доктор, да? — спросил он (в ту пору уже ходили слухи о том, что ученых освобождают от армии). Я удивился их появлению в столь поздний час, но радостно ответил: «Да, я доктор!». Лейтенант тоже почему-то обрадовался и сказал: «Поехали с нами!» Меня посадили в «виллис» и умчали в неизвестном направлении. Я поинтересовался, куда меня везут? Выяснилось, что в соседнюю деревню к роженице. Я оторопел, стал объяснять, что я не врач, а доктор исторических на-

ук, а это не имеет никакой связи с гинекологией. Куда там! Ничего не мог вдолбить в голову невеже-лейтенанту: все равно, мол, ты доктор, не отказывайся, иначе заплатишься головой. А в моей голове, несмотря на угрозу, ничего из гинекологии не всплыло, но ее, моей головы, мне стало жалко, и я предпочел молчать, покориться судьбе. Меня ввели в бедную лачугу. Я воспользовался правами «врача» и тотчас выставил за дверь моих всоруженных провожатых. В комнате душераздирающе вопила молодая женщина, вокруг нее хлопотали пожилые, успокаивая ее на смешанном грузино-осетинском языке. Все с надеждой уставились на меня, даже роженица замолкла. Я воспользовался этим, может быть, хотя бы женщинам я смогу втолковать что-то и спастись от разъяренного лейтенанта, который, как я понял, был будущим отцом. Я «проверил» пульс у молодой, сказал, что все будет в порядке, отозвал в сторону одну из женщин, которая успокаивала молодую по-грузински: «Не бойся, родная, вот и доктор пришел», и шепнул ей, что я не врач, лейтенант ошибся, меня привезли силой, а я могу вообще погубить будущую мать, что они, женщины, сами знают, как поступать в таких случаях, а мне ведь ничего подобного испытать не приходилось. Не знаю, поняла ли она меня или ее вынудил крик роженицы, но женщина мигом покинула меня и засуетилась. К счастью, начались роды. Наверное я — единственный гинеколог в мире, который в такой момент стоял спиной к роженице. Я вздохнул, когда услышал крик младенца, мне показалось, что я сам родился заново. Счастливый отец только после этого убедился, что доктора исторических наук знают истории людей, рожденных много веков назад, но не тех, кто еще находится в утробе матери. Не только убедился, но и простил, отметил рождение мальчика салютом и напился вместе со мной...

Но вернемся к моей истории. Я заметил, что мои аргументы не очень-то воздействовали на Георгия Дзоценидзе. Он словно отдалялся от меня и уже смотрел на меня глазами государственного деятеля.

— Думаю, нет необходимости осложнять ситуацию, вашей научной деятельности эти два месяца никак не помешают.

Мне не понравилось это обращение на «вы». Поначалу я не хотел говорить батони Георгию о моих догадках, хотя и чувствовал, что ему я могу поведать о подозрительной заинтересованности мною одного из высоких чинов разведки. Я был вынужден сказать:

— Вы правы, батоно Георгий, если бы это были обычные военные сборы, я бы не побеспокоил вас.

— А чем они необычны?

— Прежде чем приехать к вам, я беседовал с военным комиссаром республики. Я знаю, что комиссариат, получив приказ о военном сборе, должен обеспечить только численность, а не персональный состав. Комиссар же признался мне, что ничем помочь не может, хотя, на его взгляд, я и в самом деле бесперспективен, и добавил, что он обязан обеспечить мой вызов. Больше он мне сказать ничего не мог. Признаюсь вам чистосердечно, батоно Георгий, что это не был ответ официального военного чиновника, он на самом деле хотел помочь мне по просьбе очень близкого ему человека.

Батони Георгий удивился, но промолчал. Я заметил: он понял, что я, как говорится, не раскрываю карты. Задумавшись, он не спускал с меня взгляда. Я понял, что не услышу ответа, пока не объясню, как я понимаю слова комиссара.

— Я много думал об этом... — начал я. — Поведение комиссара только подтвердило мои подозрения.

— Какие подозрения?

Я почувствовал, что батони Георгий как бы снова повернулся ко мне лицом, он хотел уже думать вместе со мной.

— Уже давно, с первого же дня вызова в комиссариат, когда я проходил медицинскую комиссию, моей личностью заинтересовался сотрудник контрразведки довольно высокого чина — майор, он почти ежедневно приходит ко мне на работу, обещает даже какие-то жизненные блага. Так что обо мне думает и «заботится» не военное, а другое ведомство!

Батони Георгий задумался, потом сказал:

— Возможно, твои подозрения небезосновательны, Роман (он вновь обратился ко мне на ты), но мне непонятно, для чего понадобилась военной разведке или же Комитету государственной безопасности по-

мощь комиссариата? Насколько я знаю, разведчиков или агентов такими методами не готовят. К тому же почему они вспомнили о тебе так поздно?

Я вынужден был использовать и последний козырь:

— Вам, батона Георгий, лучше, чем мне, известно, какая сегодня политическая обстановка в Греции. А я специалист по классической филологии, к тому же — у меня чистая анкета (в те годы главное в нашей стране было — иметь «чистую анкету»), я грузин, а не грек, которого к греческим делам наше руководство не подпустит, не доверяя ему. «Мой» майор не придавал никакого значения тому, что я не знаю современного греческого языка, сказал, что меня нетрудно обучить. Он и не скрывает, что графа в анкете о знании древнегреческого и предопределила мою судьбу.

— Да, но возможно тебя хотели использовать как специалиста, а не разведчика? — спросил батони Георгий, но было видно, что он и сам не верит в это, он просто думал, размышлял вместе со мной. Поэтому, абсолютно уверенный в том, что он согласится со мной, я сказал:

— Это исключено, тогда не надо было бы менять мне военную специальность, переводить из политического состава в десантный, обучать самбо, прыжкам с парашютом, приемам восточной борьбы, могли просто предложить мне сотрудничество, пытаться уговорить меня обещаниями или же шантажом, даже угрозами, в лучшем случае, оставили бы меня в покое и предупредили, чтоб я молчал...

Батони Георгий сделал знак рукой, мол, можно не продолжать. Он прекрасно знал, в какой стране мы жили.

— Мы поступим так, Роман... — начал он; и я понял, что он уже принял решение. — Ты понимаешь, что я не могу приказать освободить тебя. Но я попрошу об этом командующего Закавказским округом, надеюсь, он не откажет. Завтра вечером позвони мне.

И он назвал номер телефона. Я радостный вернулся домой. На другой день вечером я позвонил. Батони Георгий пригласил меня в Президиум Верховного Совета.

— Командующий сам не мог решить этот вопрос, — сказал мне Георгий Дзоценидзе. — Фамилия твоя уже значилась под первым номером в списке начальника Генерального штаба маршала Захарова. Командующий переговорил с Москвой, сказал, что это лично моя просьба — и тебя освободили!

Слава Богу! Зорге из меня не вышел!

Читатель, вероятно, думает, что на этом закончилась моя военная карьера, и удивляется, о чем можно говорить дальше, почему не ставлю точку. Но до этой точки, дорогой мой читатель, еще далеко!

Прошел всего лишь год — и меня снова вспомнили. Сотрудник военного комиссариата, мой знакомый капитан, принес «пригласительный билет», вслед за ним, вероятно, явится и майор, курьеров ниже рангом ко мне не присылали!

Видать, меня не оставят в покое!.. Не могу же я каждый год обращаться к Георгию Дзоценидзе?! Дома на оперативном совещании мы выработали стратегический план боевых действий: раз и навсегда надо покончить с агрессией! Поскольку никакая мирная дипломатия не помогает, необходим решающий и уничтожающий удар! Раз уж я должен принять непосредственное участие в установлении в Греции социализма (хотя и считаю, что это забота самого греческого народа, а мне лучше заняться переводом «Илиады» Гомера), то я должен доказать им: да, я охотно опущусь на парашюте в Греции, если необходимо, с помощью нашего резидента устраюсь на работу официантом; выученным наскоро греческим без акцента побеседую с представителями разных партий; затем насыплю яду или же ручкой-пистолетом, предназначенной для записи меню, проткну глаз самому страшному врагу социализма и с помощью компартии Греции переключусь на партизанскую войну... Я на все готов, да вот жаль, здоровье подкачало.

Стратегический план был единогласно утвержден на домашнем оперативном совещании, только дети воздержались. Мы приступили к подбору болезней. Какую из болезней можно приписать практически здоровому человеку? После консультаций с врачами-родственниками было решено: у меня язва желудка, что установит знакомый рентгенолог. Я сообщил о моем

«диагнозе» военной врачебной комиссии. Разумеется, мне не поверили и дали направление в первую городскую больницу, называемую в народе арамянцевской.

В палате нас оказалось четверо: трое курдов и я — Азиз, Валод, Омар и Роман (по алфавиту). Из-за нашего «дезертирства» в грузино-курдской палате царило полное единодушие не с точки зрения ленинской дружбы народов, а с точки зрения той же ленинской военной доктрины. Моих соседей по палате тоже вызвали на сборы, правда, не в десантные войска, но Азиз считал, что он не на много усилит ряды славных советских воинов, если на два месяца покинет свою молодую жену, Валод — автомеханик должен был отказаться от нескольких сот рублей ради того, чтоб два месяца топтать в русских сапогах по казахским степям, что, по его мнению, не столь уж важно для защиты социалистической родины, Омару же вовсе не улыбалось в разгар сезона тратить свой художественный талант на бесплатный ремонт офицерских квартир... Мотивы моего «дезертирства» вам уже известны.

Все мы прекрасно знали, что здоровы как быки, потому в палате никогда не велись разговоры о болезнях и тому подобном — что столь характерно для истинных больных. Мы не ждали сочувствия друг от друга, зато были настолько деликатны, что не интересовались, какой у кого диагноз, тем более, что процедуры проводились для всех одинаковые. По утрам и вечерам мы аккуратно измеряли температуру, которая колебалась между 36 и 36,5, давление у каждого было как у космонавта, анализы кала и мочи, наверное, чем-то и отличались, но были нормальными, анализ крови отличался разве что только по группе. И вообще мы как нельзя лучше оправдывали известный афоризм о том, что советский больной самый здоровый больной в мире.

Пришел день, когда надо было глотать зонд. У Валода и Омара уже был опыт, и они успокаивали меня: не очень-то приятно, конечно, но ничего страшного.

Вспомнился мне случай из студенческой жизни. На лекциях у меня страшно разболелся зуб, я ушел с лекций и направился к стоматологу в небольшую

поликлинику неподалеку от университета. В ней работали всего два или три стоматолога. Я попал к молодой врачихе. Трудно, наверное, представить себе ангела в аду! Ее красота подействовала на меня, как наркоз, даже почудилось, что боль утихла.

Стояло лето. Она была в белом халате, надетом прямо на рубашку (а может, и вовсе не было рубашки?). Улыбнулась мне, разумеется, заметив мой восторг и изумление. Женщине приятно, когда она нравится, но дерзкий взгляд раздражает, если мужчина ей не приглянулся. Мне показалось, что во мне она не видела больного, пока я не раскрыл рот.

Вы прекрасно знаете, как оснащены наши стоматологические поликлиники, и все равно нельзя сравнить нынешние бормашины с прошлыми, которые приводили в движение ногой, и они, если не ошибаюсь, делали в минуту 15 тысяч оборотов, а современные — 300 тысяч!

И вот мой прелестный врач приступила к работе, теперь она, кроме зуба, ничего не видела. Скорее всего только в этом году закончила медицинский институт...

Я совсем близко чувствую ее дыхание, она почти касается меня грудью, а бедром упирается в мое колено, и мне передается ее тепло, она же видит только мой зуб! Я растворяюсь в удивительном мареве боли и блаженства, вижу ее голубые глаза и длинные ресницы, теплую, без изъянов мраморно-белую кожу, коралловые губы, и я знаю, что такого же цвета две пуговицы на ее груди... К моему удивлению, замечаю, что я нее на правой щеке родинка, точно как у меня. Голова кружится от ее дыхания, изредка доносится до меня тонкий аромат духов и в то же время — гррр... грр... Нескончаемо вертится бормашина. Боли не чувствую, кажется, вытерплю любую боль, но этот страшный инструмент точно буравит само сердце... Я покрываюсь холодным потом. Она не догадывается, в каком я состоянии, а я не могу ничего сказать моему прекрасному палачу. Потерплю еще немного, еще немного потерплю... Вот сейчас она передохнет, вот сейчас... Не помню, как я провалился в забытие...

Приношу свои извинения перед читателем, может, я невольно вызвал у него зубную боль!.. И вот я по-

нимаю, что лежу на диване, кто-то бьет меня по щеке, чувствую острый запах нашатыря. Оказывается, я потерял сознание!

Каково мне теперь открыть глаза и взглянуть на прелестное создание, перед которым я так осрамился. И все-таки я должен открыть глаза, до каких пор будут меня бить по щеке и давать мне нюхать нашатырь! Я чуть было снова не потерял сознание, когда увидел, что у моего очаровательного врача выросли буденовские усы!

Хорошо еще я вовремя понял, что приводил меня в сознание ее опытный коллега, она же смущенная стояла рядом. «Буденный» попросил меня еще раз открыть рот, сказал, что зуб обработан, положил мышьяк и велел прийти на следующий день.

Как вы думаете, пошел бы я туда? Тем более, что боль унялась. Мучающий меня нерв «умер», вскоре вслед за ним отправился на тот свет и зуб — он раскрошился и его пришлось выдернуть.

Я вспомнил этот случай, когда в палату вошла медсестра с зондом в руке. Ни той прежней боли, ни прежнего блаженства я не испытал: косая медсестра в халате неопределенного цвета терпеливо ждала, пока я проглочу длиннющий зонд и когда из него появятся какие-то капли...

К Азизу пришли жена и шурины. Чего только ему не принесли, вплоть до вина, коньяка и водки. Мы решили, что неудобно устраивать пиршество в палате, припрятали спиртное, а вечером пошли в сад и прекрасно поужинали на лоне природы. В те дни, признаться, мы только и делали, что пировали, пили в основном водку, что в самый раз для больных. Как вы понимаете, от первого пребывания в больнице у меня остались самые прекрасные воспоминания.

«Обследование» мое подходило к концу, оставалось просветиться—рентген должен был «установить», что у меня язва желудка, и я нуждаюсь в длительном лечении и диете, а о том, как я соблюдал диету, я вам уже поведал.

Больше, чем меня самого, мое здоровье интересовало военный комиссариат и разведку. Поэтому в одно прекрасное утро меня навестили мои старые знакомые: капитан и майор. Когда я сообщил, что «об-

следование» вот-вот закончится, они «успокоили» меня, сказав, что завершу я свое лечение в военном госпитале. Бессмысленно было доказывать, что я рядовой гражданин, а не военное лицо, что мне вовсе не хочется беспокоить персонал военного госпиталя, что мое место здесь — в этой больнице...

Что ж, я попрощался с моими «боевыми друзьями», они обняли меня, поцеловали, в их глазах я прочел сочувствие. Мне даже пришлось успокаивать их — не беспокойтесь, ребята, если даже заберут, я вернусь живой.

Мои стражники позволили мне пойти домой и через два дня явиться в госпиталь для медицинского обследования. Итак, в моем распоряжении два дня. Надо спешно найти знакомых среди военных врачей, это нелегкое дело, но я вспомнил двоюродного брата моей жены полковника Владимира Ачба, который был начальником политуправления военного Окружного госпиталя.

Владимир Ачба, которого по-домашнему звали Ардонбэ, был человеком удивительно сердечным, очень любил родственников. Долгие годы служил в России, и потому позабыл абхазский, мегрельский и грузинский языки, на которых говорил, когда жил в Очамчире. Но впоследствии, оставив военную карьеру и работая в Тбилиси заместителем председателя Республиканского Совета по туризму, он легко и быстро вспомнил грузинский. Родственникам Ардонбэ всегда был рад. «Прохвосты, куда вы пропали?» — шутил он бывало и по-княжески щедро принимал гостей. В нем и в самом деле чувствовались гены древнего княжеского рода, у него были аристократические, а не солдатские манеры, человеком он был образованным, хорошо знал историю Грузии вообще и Абхазии в частности. Как больно, что мне приходится говорить с ним в прошедшем времени: всего два года назад скончался он от сердечного приступа. Подлинной трагедией обернулись для него последние годы, когда осложнились взаимоотношения между грузинами и абхазами, ведь он был и абхазом, и грузином, и не мог пожертвовать памятью ни отца, ни матери!

Узнав о моей беде, он очень встревожился, понимая, как невелики шансы помочь мне, сомневался, чтоб

в военном госпитале возымела действие чья-либо протекция. Возможно, в те годы в армии и в самом деле не укоренился еще протекционизм, во всяком случае. самому Ардонбэ это явно не удавалось. И все же он пообещал объяснить главному врачу, что я не пригоден для десантной службы, и попросить сделать для меня все, что в его силах.

Когда я пришел в госпиталь, капитан был уже там. Стали водить меня по разным кабинетам, я просил направить меня на рентген, чтоб убедиться, что у меня язва желудка. Утром я проглотил абрикосовую косточку, кто-то советовал мне сделать это, мол, на снимке будет пятно и решат, что это язва. Куда там! Рентген ничего не показал. Я жаловался на плохой слух в кабинете отолоринголога, мне сказали, что в ушах сера и прочистили уши. Хирургу я пожаловался, что у меня слабая левая нога, я с трудом приседаю на левой ноге два-три раза, а на правой мне ничего не стоит присесть десять раз. Хирург сказал, что это обычное явление, у человека одна конечность развивается лучше другой. Одним словом, весьма успешно «обегав» все кабинеты, я убедился, что вполне здоров и новая военная специальность мне под силу. Оставался один-единственный последний кабинет: главный терапевт должен был подписаться под медицинскими заключениями. Майор в очках оглядел меня. Обращались к нему по имени и отчеству, и я понял, что он — армянин. Мне везло на майоров-армян! Возможно, к нему обратился с просьбой Ардонбэ, поэтому майор отнесся ко мне совсем иначе, нежели его коллеги. Он велел взвесить меня и измерить рост.

— Рост — 184 сантиметра, вес — 84 килограмма. Врач повернулся к коллегам: прекрасное соотношение для мужчины его возраста.

Коллеги согласились с ним. И тут майор вспыхнул: — Ну вот, если вы все это видите, почему не вспомнили приказ за номером 250 начальника Генерального штаба маршала Захарова, запрещающий принимать в десантно-парашютную часть людей, вес которых превышает 80 килограммов. Ведь человек с большим весом при прыжке с боевым парашютом может повредить себе ноги! Кто будет отвечать за это? Десантная

часть или мы, врачи?! Почему вы мучили человека, ведь все яснее ясного!

Дай Бог ему здоровья! Он даже принес мне извинения и отпустил. Вспомнил я рассказ Шамиля Цхведиани и понял, какой значительный приказ поддерживал меня — номер 250! Говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Не знаю, как Бог, но в Москве, судя по всему, долго смеялись и спустя две недели прислали в Тбилиси комиссию, мол, что делает с нами этот Миминошвили, из-за него страдает дело социализма в Греции. И снова явился ко мне дуэт капитана и майора, наверное, не ошибусь, если скажу, что я им порядком надоел.

— Чего вам теперь надо от меня? Вы же знаете, по какой статье меня освободили! Мои физические данные не соответствуют новой специальности!

— Что поделаешь, у нас приказ. Из Москвы прибыла комиссия. В конце концов убедятся сами и оставят нас в покое.

Единственная надежда — мой вес! В девять часов утра мне следует явиться в госпиталь. Дома предлагают съесть утром суп, от которого я отказался накануне. Я предпочитаю прыгнуть не то что с парашютом, но и без него, нежели утром есть суп, который вообще не люблю. Я успокоил домашних, сказав, что выпью пиво. Мой шурич Коки Махарадзе отвез меня на машине. Мы вошли в пивную неподалеку от госпиталя, я опорожнил четыре кружки довольно теплого пива (два килограмма), ровно в девять был уже в госпитале и ждал московских «товарищей». Прошел час, другой... Вспомнил слова Игоря Богомолова, страстного любителя пива: «Пиво особенно хорошо дважды — когда встречаешься с ним и когда расстаешься. Не знаешь, когда получаешь большее удовольствие». Вот и для меня настало время этого второго удовольствия. Обращаюсь к Коки:

— Я больше не могу!

— С ума сошел? Потерпи еще немного!

Каково терпеть, а? Коки готов плакать, зато потом он покатывался со смеху, когда после естественной процедуры я бросился к крану и возместил «потерянное». Словно дожидаясь момента, когда я спущу вес, явились московские «товарищи».

— Прошу взвесить меня, — сказал я им вместо приветствия.

«Товарищи» были в гражданском, вернее, в белых халатах и судя по возрасту — в ранге подполковников, не ниже. Они улыбнулись, велели выложить все из карманов, снять туфли — и взвесили. Я весил 84 килограмма и 600 граммов. Записали 84 килограмма чистого веса.

— Ну вот! — воскликнул я многозначительно. — Надеюсь, вы тоже подчиняетесь приказу номер 250 Генерального штаба!

— Разумеется, — согласился преспокойно один из них. — Но после тренировок от этих лишних четырех килограммов ничего не останется, так что никто не нарушит приказа.

— Как лишних? — возмутился я. — Вы отрицаете то, что мой вес соответствует моему росту?! С какой стати я буду сбавлять вес, что я — борец, чтоб переходить из тяжелого или полутяжелого веса в средний?!

Не буду утомлять тебя, дорогой читатель, скажу сразу, что из моего спора с ними ничего не вышло, московские «товарищи» это такие товарищи, которые понимают только то, что хотят понимать. Они же так хотели видеть меня в десантных частях, что могли «утяжелить» на четыре килограмма приказ маршала. Ведь приказ в конце-то концов был написан самими московскими «товарищами»!

Единственное, что я выиграл, как это потом выяснилось, я избежал потока, направляемого на север, и попал в часть, расквартированную в Кутаиси.

Обескураженный вышел я из кабинета. Коки ждал меня, рядом стоял знакомый капитан. Коки очень огорчился, узнав обо всем, но, к моему удивлению, не менее огорчился и капитан.

— Очень сожалею, — сказал он, — не могу понять, чего привязались к вам! Но не все потеряно, часть стоит в Кутаиси, теперь только там могут «забраковать», и тогда никто не смеет вас тронуть. И я не буду беспокоить...

Он, словно виноватый, пожал мне руку и пожелал удачи. Я не придавал особенного значения словам капитана, настолько был удручен, зато Коки слова капи-

тана обнадежили. Всю обратную дорогу он рассуждал о том, как можно «подъехать» к начальнику военной части и убедить его, что меня не имело смысла призывать. Монолог его, замешанный на юморе, успокоил меня и я поверил, что битва еще не проиграна.

У меня невольно вырвалось слово «битва», а ведь я и в самом деле боролся, я, простой офицер запаса, несколько лет боролся с огромной государственной машиной и убеждал, что я не верблюд и не пригоден для пустыни, мне твердили, что хочешь не хочешь, ты верблюд, и я чуть было не засомневался...

Что может быть лучше поездки в Кутаиси, если, конечно, едешь туда не как подневольный!.. Всего лишь через день после прибытия, у меня появилась возможность встретиться с военным лицом самого высокого ранга в Кутаиси, от которого зависела моя судьба.

Генерал принял меня и моего друга, которого хорошо знал, у себя дома, отказался от приглашения в ресторан, сказав, что жена с детьми уехала на отдых, и мы можем «по-мужицки» посидеть дома, есть водка и картошка, а нашему брату, мол, больше и не надо. Разумеется, большего нам ничего и не надо было, мы купили коньяк, огурцы, помидоры, зелень, фрукты, мясо (на всякий случай) и, нагруженные, предстали перед ним.

Не буду подробно описывать тот запомнившийся вечер, читатель, вероятно, уже утомился. Скажу только, что спустя всего лишь час-другой я, простой лейтенант (к тому же запаса) и боевой генерал-лейтенант целовались и клялись в любви. Добросовестно исполнял я в дальнейшем приказ старшего, сказавшего мне после нескольких выпитых стаканов:

— Какой я тебе Иван Сергеевич? — Просто Ваня!

«Просто Ваня» с полуслова понял меня, душой он был настоящий солдат и, как я потом узнал, потомственный — со стороны матери даже целых три поколения! — военный. В то же время, как я заметил, он не очень жаловал разведку, шпионов, агентов и диверсантов, был сторонником честных и прямых военных операций. Он пообещал, что сделает все от него зависящее, чтоб я не стал разведчиком.

Я, обнадеженный им, сказал:

— Ваня, ты ведь генерал-лейтенант? Как думаешь, кто же я? Не говори, что лейтенант запаса.

— Так кто же тогда, черт побери!

— Я тоже генерал!

— Как генерал? — казалось бы отрезвел хозяин.

— Слушай меня, Ваня! Ты ведь был офицером вроде меня, потом окончил военную академию, постепенно поднимался в чинах — полковник, генерал-майор, генерал-лейтенант, еще поднимешься, до маршала — несколько ступеней, и мне до маршала — около двух ступенек.

— Ну ты даешь! — генерал догадался, что я порю чепуху, собрался выпить, но я остановил его.

— Нет-нет, ты дослушай, Ваня, я не шучу! Сейчас я кандидат наук, учился девятнадцать лет, чтоб достичь этого уровня, одиннадцать лет — в школе, пять — в университете, три в аспирантуре. Осталось две ступеньки до маршала. Скоро защищу докторскую и стану генералом армии, а потом, возможно, и маршалом, то есть академиком!

Генерал расхохотался, опрокинул ксньяк.

— Ну ты даешь!..

— Так вот, разве не грех возвращать меня назад и заставлять заново начинать карьеру? Я ведь не стану генералом, буду только плохим солдатом, ибо плохой солдат тот, кто не мечтает стать генералом.

Генералу очень понравилось мое «открытие». Я уже едва стоял на ногах, но он заставил меня выпить на брудершафт (по-грузински вахтангури).

Я чуть было не пропал — до того понравился генералу, что он не хотел отпускать меня от себя, но не мог же он взять свои слова обратно!

Так и не побывав в «своей части», я возвратился в Тбилиси, а в военный комиссариат пришло официальное письмо, не знаю, какого содержания: может, что я совершенный олух, что у меня боязнь высоты, что теряю ориентацию не то что в воздухе, но даже на асфальте или что другое, — во всяком случае ничего хорошего!

И все-таки интересно, что могло быть в этом письме такого, что военное ведомство с тех пор вообще забыло о моем существовании?!

Так бесславно завершилась моя военная карьера.

И мне уже нечего рассказывать тебе, дорогой читатель. Признаться, жалко расставаться с тобой, привык я к тебе и, конечно же, благодарен, что ты была со мной до последнего. Но пришла пора прощаться. Правда, как ты догадываешься, я остался не у дел, ибо не пожелал работать по основной специальности, для которой растила меня «социалистическая родина», но ведь я должен считаться с твоим временем? Кто знает, может, и у тебя есть какое-то «всенародное» дело? Избави тебя Бог!

Перевод Викторни ЗИНИНОЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

3 СЕНТЯБРЯ 1992 г. в Москве состоялось подписание итогового документа встречи Президента Российской Федерации г-на Бориса Ельцина и Председателя Госсовета Республики Грузия г-на Эдуарда Шеварднадзе, на которой обсуждалось положение, сложившееся в Абхазии. Обсуждение происходило при участии руководителей Абхазии, северокавказских республик, краев и областей Российской Федерации. Стороны, признавая принципы территориальной целостности государств и неприкосновенности их границ, уважая права и свободы человека, а также права национальных меньшинств, договорились: о прекращении огня с 12.00 часов 5 сентября, о создании комиссии по контролю и инспекции, обеспечивающей соблюдение прекращения огня, об обмене заложников, пленных, о необходимости соблюдения международных норм в области прав человека и национальных меньшинств, об обеспечении проведения свободных демократических выборов, о строгом нейтралитете Вооруженных сил РФ, временно находящихся на территории Республики Грузия, и о многом другом. Стороны обращаются к ООН и СБСЕ с просьбой поддержать изложенные в документе «принципы урегулирования и содействовать в их реализации, включая направление миссий по установлению фактов и наблюдателей». За Российскую Федерацию итоговый документ подписал г-н Ельцин, за Республику Грузия — г-н Шеварднадзе, с абхазской стороны — г. г. В. Ардзинба и К. Озган, а также руководители северокавказских республик, краев и областей РФ.

*Выступление Председателя
Государственного совета
Республики Грузия*
ЭДУАРДА ШЕВАРДНАДЗЕ

НА 47-й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН

Уважаемый господин Председатель,
Уважаемый господин Генеральный секретарь,
дамы и господа.

С этой трибуны не принято говорить о личном. Полагаю, однако, что мое положение позволяет мне отступить от этого правила.

Ровно два года назад, завершив свое выступление здесь, я сошел с этой трибуны, как мне думалось, в последний раз. Да, я предвидел свой уход с поста министра иностранных дел Советского Союза, как предвидел приближение грозных перемен в его жизни.

Перед тем, как вновь прийти сюда, я перечел ту речь. Идеи, которыми вдохновлялась она, и по сей день не поколеблены в моих глазах. Они помогли дать прогноз, уверенный сегодняшним днем.

Я говорил тогда, что все народы Союза выходят на политическую арену и обретают свои исконные национальные имена.

Сегодня в этом зале мы читаем эти имена на местах для делегаций новых независимых государств, среди которых — моя родина, Грузия.

Все они, и моя родина в том числе, уязвимы перед безжалостным накатом экономического кризиса, и об этом тоже

говорило в призыве к мировому сообществу создать между-
народный механизм, способный смягчить его негативные по-
следствия.

Я говорил тогда, что после окончания «холодной войны»
на сцену мировой политики выходят новые зловещие фигуры.
Что срыв попыток встать на путь демократии породит хаос и
новые диктаторские режимы. За прогнозом об угрозе возник-
новения новых вооруженных конфликтов, массового захвата
заложников, распространения терроризма следовал вывод о
необходимости создания региональных структур безопасности,
действующих под эгидой ООН.

Уже тогда, два года назад, остро ощущалась потребность
в доктринальном осмыслении новых реальностей современного
мира, в пересмотре старых и выработке перспективных прин-
ципов взаимоотношений в меж- и внутригосударственных сфе-
рах.

Я говорил об этом как министр иностранных дел держа-
вы, занимавшей одну шестую часть земной суши.

Теперь говорю о том же как представитель страны, неиз-
меримо малой в сравнении с прежними величинами.

Однако резкая смена масштабов не уменьшает масшта-
бов проблем. В маленькой частице земли под названием Гру-
зия, которую история распяла на геополитическом кресте, не-
постижимым образом сошлись все те беды и противоречия, ко-
торые империя заложила в свой генетический код, постоянно
провоцировала их и которые даже сейчас, после ее гибели,
продолжают сотрясать нас. Все то, о чем я думал и говорил,
что предвидел и предсказывал, — сбылось в судьбе Грузии.
И здесь не надо быть ясновидящим — для этого достаточно
знать систему, с которой имеешь дело. Предсказать значитель-
ные события будущего, сказал кто-то из великих, не более
сложная задача, чем отгадать прошлое. Если совершившиеся
события оставляют следы, то законно предполагать, что у бу-
дущих есть корни.

Система была обречена. В августе 1991 года ее попыта-
лись спасти присущими ей же методами — тайным сговором,
поправлением закона, применением силы.

Я неоднократно предупреждал о возможности переворота
и тоталитаристского реванша. Если бы из этих предостере-
жений были бы сделаны выводы, то мы имели бы дело не с
хаотическим развалом огромной страны, а с относительно без-
болезненным и управляемым переходом к новому состоянию,
к образованию новых государств. Стремительность агонии.

темпы распада оказались неожиданными для мирового сообщества. Оно было застигнуто врасплох, и теперь видит, как обнажившиеся корни дают новые побеги насилия и катастроф.

Пример Грузии показателен.

Здесь наличествует глубокий социально-хозяйственный кризис. Здесь крушение империи сопровождалось возникновением диктаторского режима. Здесь спровоцировано несколько внутренних конфликтов, сепаратизм угрожает маленькой стране разрывами и дроблением ее исторической территории на карликовые государства. Здесь воцарились диверсии, террор, массовые похищения.

И, наконец, здесь, как нигде, велика опасность скрещивания существующих внутренних конфликтов с конфликтами в соседних государствах, их перерастания в региональные, а затем и в континентальные войны на межнациональной и религиозной основе.

Напомню, что, подобно другим странам, Грузия была включена в Союз военной силой. Эта сила вдохновлялась идеологией, которая приносила в жертву классовой борьбе общечеловеческие ценности и национальные цели. В свете этой идеологии не имела значения целостность исторически сложившихся территорий и границ. Они перекраивались и перераспределялись по ориентирам «пролетарского интернационализма». Формировалась такая государственно - политическая и административно-территориальная структура, которая несла в себе зародыши недовольства, глухой вражды, потенциального противостояния внутри республик и между ними.

В наше будущее закладывались бомбы замедленного действия. Пока власть идеологии и репрессивного принуждения скрепляла эту разнородную общность — бомбы бездействовали. Но как только эта власть была устранена — они взорвались.

Сегодня взрывная волна огромной мощности разрушает целые государства.

Это угрожает и Грузии.

История ее борьбы за государственность насчитывает не одно столетие. Не одно столетие эта борьба шла в одном русле с формированием самобытной национальной культуры, защиты веры и языка. В 337 году нашей эры христианство, как государственная религия, благословляет порыв страны к единению в общих для нее границах.

Первый дошедший до нас литературный памятник — да-

тированное V веком житие, звучит призывом к неприятию на-
силлия и верности идеалу свободы.

К XI—XII векам, став мощным государством Передней
Азии, Грузия создает центры своей культуры и за пределами
своих границ — в Палестине и Греции.

Превратности исторической судьбы лишают ее государст-
венности. Первый раз — когда Грузия была включена в сос-
тав Российской империи, и во второй — в 1921 году, когда,
став демократической республикой, она подвергается воору-
женной интервенции большевизма, насильственно водворяющего
ее в унитарное государство.

Ныне она вновь независима, но это хрупкая и незащит-
ная независимость. Строительство новой государственности
идет трудно, стиснутое угрозами гражданской войны и разрыва
страны.

Портрет Грузии будет неполон без одной весьма сущест-
венной черты. Издревле вовлеченная в движение народов,
идей, культур, она утверждала расовую и религиозную тер-
пимость как канон своего бытия. Вынужденная сражаться с
могущественными внешними силами, она не страдала ни ксе-
нофобией, ни религиозным фанатизмом. В ее столице Тбилиси,
на площади в один квадратный километр, вы можете увидеть
грузинскую православную церковь, армяно-грегорианский храм,
мусульманскую мечеть, еврейскую синагогу, лютеранскую
кирху. Христианка с IV века, Грузия в некоторых своих важ-
ных исторических провинциях познала и ислам. И не было
между ними вражды и розни, как не было никому отказа в
праве жить по собственным представлениям и традициям.

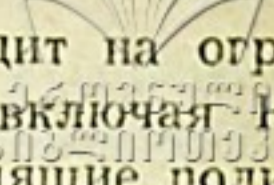
К несчастью для всех нас, на наиболее крутых маршру-
тах истории это единство подвергалось разрушительным уда-
рам извне и изнутри.

Нечто подобное может произойти, уже происходит сейчас.

Я считаю своим долгом привлечь ваше внимание к регио-
ну Кавказа. Именно здесь и сейчас возникает новый серьезный
очаг международной напряженности.

Этот источник новых потрясений расположен в русле ха-
рактерной для современного мирового геополитического по-
рядка тенденции — смены глобального противостояния кон-
фронтацией на региональном уровне. Эта конфронтация обре-
ла характер крупномасштабных вооруженных конфликтов, ка-
кие мы видим в некоторых странах Европы, Приднестровье,
у нас в Грузии и в Закавказье, в Средней Азии.

Вакуум идей не терпит пустоты. Давно следовало

бы задуматься и проанализировать, что происходит на огромном пространстве от Боснии до Таджикистана, включая Кавказ. С чем мы имеем дело и почему. Здравомыслящие политики, государственные деятели, рядовые граждане, будь то христиане или мусульмане, живущие на этом пространстве или вне его, обязаны остановить этот опасный процесс. Угроза крупномасштабных конфликтов, разжигаемых фундаментализмом любого происхождения, слишком серьезна, чтобы игнорировать ее. Она тем более опасна, когда фанатизм используется фундаментализмом большевистского толка.

Порождаемые специфическими причинами, новые конфликты имеют некие общие признаки. В частности, такой: все они возникают и развиваются на фоне одновременного или частичного действия нескольких факторов.

Это — национально-этническая пестрота, многообразие религий и конфессий, социально-экономическое неравенство народов, тяжелое историческое и политическое прошлое.

Ко всем этим, общим для других регионов, факторам Кавказ добавляет острое своеобразие геополитической ситуации. Расположенный в точке прямого соприкосновения мощных внешних геополитических сил, он издревле стал буферной зоной между Югом и Севером, христианством и исламом, ареной реализации их устремлений и интересов.

С распадом Советского Союза в регионе образовался простор, открытый для нового соперничества. В силу своей политической, экономической, военной слабости новые государства Кавказа не способны заполнить этот вакуум и создать надежные гарантии своей безопасности.

Помимо внешних сил, его стремятся использовать различные внутренние деструктивные группировки, под прикрытием националистических, псевдопатриотических, сепаратистских, а в последнее время — и религиозных лозунгов, преследующих своекорыстные политические цели.

Все это прямо или завуалированно дало знать о себе в действиях т. н. Конфедерации горских народов Кавказа, посягнувшей на суверенитет, территориальную целостность и границы Республики Грузия. Действуя против воли северокавказских народов и их законно избранных руководителей, эта незаконная негосударственная, открыто террористическая по сути военизированная организация объявила нашу страну, ее столицу зоной бедствия, призвав применять любые средства, включая массовый террор. Под маской добровольцев она засылает в наши пределы наемников, террористов-убийц.

У нас на глазах вспыхивает пламя войны, теперь уже угрожающее не только Грузии.

Вывод однозначен: в сравнении с другими «горячими точками» в посткоммунистическом мире Кавказ обладает более высоким потенциалом конфликтности и поэтому представляет большую опасность для международного мира и безопасности.

Грузия оказалась в самом центре скрещения кавказских проблем. Вновь, как не раз было в истории, на карту поставлена ее судьба, ее государственность, ее существование.

Перед лицом сложного взаимодействия внутренних и внешних сил мы стремимся осуществлять активную сбалансированную политику. Внутри страны — политику демократических преобразований, национального примирения и мирного урегулирования конфликтов, вне ее — развития дружественных отношений со всеми странами региона, сотрудничества с мировым сообществом.

Низкий поклон всем, кто поверил нам и содействовал вступлению в Организацию Объединенных Наций, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, другие международные и региональные организации. Спасибо всем, кто признал нашу независимость и установил с нами дипломатические отношения.

Мы благодарны нашим историческим соседям — Турции, с которой заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве, Ирану, добрые контакты с которым развиваются к прямой выгоде обеих стран.

Наши многовековые связи с народами Закавказья — Армении и Азербайджана, республиками Северного Кавказа, с Украиной дают нам прекрасную основу для тесного взаимодействия в интересах наших стран.

Особое значение для нас имеют дружеские отношения с Россией.

Она содействовала нам в создании механизма урегулирования грузино-осетинского конфликта. Дважды — удостоверив принцип территориальной целостности нашего государства и нерушимости его границ, Россия включилась в процесс мирного урегулирования другого конфликта — в Абхазии.

Стабильная, процветающая, демократическая Россия — фактор мирового масштаба и значения. Угроза ей, исходящая от сил тоталитаристского реванша, — это угроза всем нам. В том заговоре против Грузии, который сейчас раскрывается во всей полноте, российская красно-коричневая реакция высту-

пает в одном ряду с крайним фундаментализмом, отечественным фашизмом и сепаратизмом.

• Мир должен знать об этом, мир обязан помочь укреплению стабильной России и тем самым — нам и себе.

Таковы сегодня слагаемые нашего политического бытия. Исходя из них, мы настойчиво добиваемся создания транскавказского механизма консультаций и согласования.

Предлагаем начать формирование системы коллективной безопасности в Черноморско-кавказском регионе. Поддерживаем новые институты СБСЕ, ставящие целью предотвращение конфликтов и защиту прав национальных меньшинств. Широко распахиваем двери перед европейскими и мировыми миссиями по установлению фактов.

Но сегодня этого уже недостаточно. Конец «холодной войны» вынес в повестку дня необходимость строительства эффективной системы глобальной безопасности.

События развиваются с опережающей скоростью. Европейский процесс отстает от них, значительно опоздав с ответом на вызов времени перемен. С большим опозданием реагировала и ООН на серьезные сдвиги в различных регионах мира.

Мы приветствуем смелые инициативы Генерального секретаря господина Бутроса Гали, направленные на то, чтобы придать Организации большую мобильность, способность быстро откликаться на запросы времени. Его доклад «Повестка дня для мира» верно ставит вопрос о многоплановом подходе ООН к проблемам современности. Хорошо, что создана авторитетная независимая комиссия, приступающая к исследованию роли ООН в современных условиях.

Не надо бояться реформ, когда они так необходимы. На наш взгляд, в первую очередь в двух взаимосвязанных областях: поддержании мира и строительстве новых независимых государств. В связи с этим позвольте высказать ряд предложений.

Первое — касается формирования глобальной сети мониторинга, профилактики и урегулирования внутренних конфликтов.

Специальные наблюдатели ООН в «горячих точках», региональные бюро и миссии, информационные центры помогут получить ясную картину и выработать конкретные решения.

Такие механизмы должны базироваться непосредственно в конфликтном регионе. В нашем примере — на Кавказе. Их основой может послужить представительство ООН в Тбилиси. Предлагаем также расширить существующий мандат Верхов-

ного Комиссара СБСЕ по национальным меньшинствам с тем, чтобы при необходимости он мог информировать Генерального секретаря и Комиссию по правам человека нашей Организации.

Аналогичные институты с теми же полномочиями могут быть и в других региональных организациях.

ООН необходим специальный орган для сбора и обработки информации о потенциальных этноконфликтах, выработки заключений и рекомендаций. В его функции входило бы также прогнозирование конфликтных ситуаций на ранней стадии их зарождения.

К рассмотрению конфликтов может быть привлечен и Международный суд.

По-новому надо взглянуть на роль и возможности Совета Безопасности. Здесь нами не раз ставился вопрос об активизации работы военно-штабного комитета. Теперь, когда нет «холодной войны», но есть растущее множество «горячих точек», Совету Безопасности не обойтись без этой или какой-нибудь другой аналогичной структуры, позволяющей ему в полной мере осуществлять свои уставные функции.

Государства — члены ООН должны в обязательном порядке информировать Совет Безопасности о надвигающихся конфликтах. Уклонение от этой обязанности не может быть оставлено без санкций. Мы обязуемся представлять ООН, ее Совету Безопасности ежегодные доклады о положении дел в сфере охраны прав человека, национальных меньшинств, кризисных ситуациях, которые могут привести к серьезным осложнениям в стране и регионе.

У этой проблемы есть еще одна режущая грань — информационная. Соперничество выбрасывается на газетные полосы, в радио- и телеэфир, и побеждает та сторона, у которой больше технологических возможностей, денежных ресурсов, шире доступ к средствам и работникам массовой информации. Общественное мнение формируется односторонне и стихийно, но это еще полбеда.

Главная беда в том, что эта партизанская война в прессе подпитывает почву конфликтов и усложняет их урегулирование.

Мы видим выход в создании центров, распространяющих объективную информацию под эгидой международных организаций.

Второе — проблема беженцев. Этноконфликты многократно умножили их число. Никто сейчас не назовет точной цифры. Никто не знает, сколько нужно средств для помощи бе-

женцам и что следует предпринять в первую очередь, чтобы исключить новые конфликты после их возвращения к местам проживания.

Здесь тоже нужна система наблюдателей. Необходима более масштабная, чем ныне, организация помощи, способная не только материально поддержать, но и придать процессу большую управляемость. На наш взгляд, надо основательно реформировать всю работу службы Верховного Комиссара по делам беженцев.

Третье — всеобщий и всеобъемлющий контроль за распространением оружия. Сформировавшиеся в недрах тоталитарной системы этнонациональные мафиозные кланы аккумулируют колоссальные средства, необходимые для приобретения вооружений, подкупа военных с целью их привлечения к участию в боевых действиях и тайной передачи техники незаконным формированиям.

Национальные силы безопасности и правопорядка молодых независимых государств не справляются с этой эпидемией бесконтрольной гонки вооружений. Необходимы международные силы быстрого реагирования, некий Интерпол «голубых касок», независимое агентство контроля за разоружением, введение региональных регистров вооружений.

Четвертое — силы быстрого реагирования ООН в сфере международно-правового мышления, доктринально-теоретических разработок.

Традиционная система нормативных ориентиров безнадежно отстала от стремительных геополитических перемен. Мир столкнулся с произвольным односторонним истолкованием целого ряда международно признанных принципов. Самочинная, «дикая» суверенизация, приводящая на практике к покушению на территориальную целостность государств, незыблемость их границ, к превращению больших групп населения в граждан второго сорта, также стала или станет причиной многих кровопролитных столкновений.

Сегодня все международные акты отвергают любую деятельность, направленную против территориальной целостности и незыблемости границ суверенного государства.

К несчастью, сочетаясь с экстремизмом, сепаратизм рущит не только государства, но и правовые системы. Главари сепаратистских движений манипулируют нормами, превращая их в аномалию.

Если не остановить экстремистский сепаратизм, мир ожидает дробление и распад, перенос анархии и хаоса XXI век.

Недопустимо абсолютизировать одни принципы в ущерб другим. Преступно одним добиваться самоопределения, будто не замечая, что бок о бок с ними на общей территории веками живут народы, которые невозможно физически удалить от туда.

Любое стремление, любая претензия, норма и категория должны поверяться человеческим измерением политики с его приоритетом равенства прав каждого, независимо от принадлежности к той или иной нации, этнической, языковой или конфессиональной группе. В свете такого подхода требуют защиты права не только национальных меньшинств, но и граждан, представляющих большинство.

Иначе можно столкнуться с модернизированной формой апартеида и этнодиктатурой, как у нас в конфликтной зоне — Абхазии, где меньшинство получило возможность диктовать свою волю большинству.

Как это могло произойти? Перед нами классический пример своекорыстного манипулирования правом. По дискриминационному избирательному закону избиратели одной национальности, составляющие 18 процентов населения, направляют в парламент Абхазской автономной республики больше депутатов, чем избиратели другой, которая в Абхазии составляет половину ее населения. Ущемлены права и других национальных групп.

Для избрания одного депутата-абхаза требуется втрое меньше голосов, чем для избрания одного депутата-грузина.

Такой правовой экстремизм в итоге выливается в экстремизм национальный и политический, приводит к резкой конфронтации. Отражающая настроения экстремистской части меньшинства, руководящая верхушка осуществляет жесткий диктат воли, ведет дело к отторжению от Грузии ее исконной территории.

Сепаратизм невосприимчив к диалогу и компромиссам — это мы испытали на собственном опыте. Сепаратизм не желает переговоров, отвергает методы рациональной политики, срывает выполнение соглашений. Он подменяет понятия, называя агрессией и оккупацией перемещение войсковых подразделений в пределах нашей собственной территории.

Как быть? Ведь в Грузии, на грузинской земле жили, живут и будут жить вместе с грузинами и абхазы.

В ближайшем будущем Генеральная Ассамблея рассмот-

рит проект Декларации о правах национальных меньшинств. Мы поддержим ее, как поддержали соответствующие решения СБСЕ. Однако хочу вновь повторить: любой акт такого рода должен содержать пункт и о доле ответственности меньшинств за поддержание стабильности и мира на территории своего бытования.

Пора также разработать более четкие критерии правосубъектности самоопределения и ввести в практику оперативную независимую экспертизу фактов произвольного толкования и применение этого права.

Пятое. Ни один из изложенных выше пунктов не работает в полной мере, если не будут созданы более действенные механизмы экономической поддержки новых демократий. Эта констатация не колеблет нашей признательности европейским и мировым финансово-экономическим институтам, благодаря которым мы пока еще живы. Однако факт остается фактом: экономика в республиках бывшего Союза близка к катастрофе. Спад производства почти на треть, как в Грузии, отсутствие энергоносителей, сырья, катастрофический рост цен на них, утрата традиционных поставщиков и рынков сбыта, надвигающаяся массовая безработица ставят предел демократическим преобразованиям.

Со всей ответственностью заявляю: жесточайший экономический кризис в республиках бывшего Союза приведет к потрясениям мирового масштаба.

Мы предупреждаем: если так будет продолжаться и дальше — неизбежен социальный взрыв огромной силы. Неизбежна смена ценностной ориентации — от демократии к власти сильной руки. За это миру придется платить более высокую цену, чем сейчас. Давайте подумаем, как предотвратить это, какую систему надежной международной экономической страховки создать.

Совершенно очевидно, что в международных организациях, в первую очередь в ООН, должен быть учтен этот момент. Трудно говорить о мировой экономической стабильности, едином мировом пространстве безопасности в отсутствие и без участия ведущих держав мира. Необходимо, чтобы Совет Безопасности реально влиял на положение дел. Раньше я выступал против расширения состава его постоянных членов. Теперь, после распада Советского Союза, когда круто изменилась расстановка сил, надо позаботиться о таком составе постоянных членов, который увеличил бы меру воздействия Совета Безопасности на мировой экономический процесс.

Следует по-новому осмыслить роль таких экономических гигантов, как Германия и Япония.

Попутно замечу, что не оправдались прогнозы относительно неких притязаний США на какую-то особую роль в новых условиях, позволяющую им диктовать миру свою волю. Взвешенная внешняя политика этой великой страны не вступила в противоречие с интересами других государств и, в конечном итоге, способствовала сохранению баланса в пользу мира и стабильности.

Мы хотели бы надеяться, что США и впредь останутся гарантами покоя, порядка и равновесия в новых, крайне сложных условиях.

ООН не может остаться в стороне от материальной поддержки новых демократий. Здесь тоже нужны силы быстрого реагирования — экономического. ООН вполне по силам на новой основе эффективнее координировать действия Мирового банка, Международного валютного фонда, других региональных и международных институтов, чтобы полнее содействовать успеху экономических реформ в новых государствах.

Шестое. Мы просто обязаны внести в международное право норму об индивидуальной ответственности лиц, провоцирующих массовые беспорядки, политическую жестокость, захват заложников, террористические акты, разного рода блокады. Наше смутное время наплодило таких людей. Пигмеи подняли мятеж против человечности. В истории это уже было, но в таких масштабах, как сейчас, мир еще не сталкивался с нашествием «мессий», желающих утвердить свою власть на страданиях собственных народов. Лилипуты, опутывающие Гулливеров, — реальность многих стран, и моей в том числе.

Наконец, **седьмое**, последнее по счету, но никак не по сути предложение. Все сказанное выше удостоверяет: наша общая ответственность за мир и безопасность требует согласования и координации общих усилий в политической, экономической, военной, финансовой, экологической областях. Управления процессами в этих сферах на четырех взаимозависимых уровнях. На внутригосударственном, региональном, суперрегиональном и общемировом уровнях. Первая ступень только окрепнет, если ООН сумеет найти формы поддержки становления новых государств. Вторая возможна при условии согласия о единстве или близости интересов вовлеченных в региональное сотрудничество государств. Основой третьей ступени могут стать такие организации, как СБСЕ, ОАЕ, ОАГ, альянс стран Черноморского бассейна и другие. Четвертая —

создание координирующей системы мирового взаимодействия, где главным координатором выступают Организация Объединенных Наций, соответствующие ее институты и структуры.

Уважаемые депутаты!

Эта трибуна всегда представлялась мне очень высокой. Я ощущал ее высоту и в то время, когда мир готов был внимать каждому слову представителя огромной и мощной страны, каким бы ни было это слово. Такова привилегия сильных, но я старался, чтобы наши речи звучали посланием доброй воли, а не злой силы.

Сейчас, когда я говорю от имени маленькой и слабой страны, то ощущаю, как возросла для меня высота этой трибуны и сколь она спасительна для моей родины.

В моем нынешнем восхождении на нее заключен немалый риск. Очень уж неблагоприятно у нас дома. Слишком часто в Грузии взрываются заряды ненависти, нацеленные на разрушение нашей политики демократического созидания, строительства честного, правдивого, открытого миру государства. Это тем более не исключено сегодня, сейчас, в преддверии выборов в парламент, когда народ Республики Грузия должен либо одобрить, либо отвергнуть наш курс демократии и свободы.

И все-таки я приехал, чтобы Грузия не утратила единственный сейчас для нее шанс сказать миру о своих надеждах и устремлениях, утвердить правду и опровергнуть ложь.

Я приехал, чтобы вновь подтвердить верность слову, которое мы дали мировому сообществу. Что из того, что уменьшились масштабы и сузились горизонты? Я мыслю, говорю, действую по тем принципам и нормам, которые отстаивал здесь все минувшие годы.

Наконец, — и это будет последнее личное признание, — мне очень недоставало вашего сообщества.

Вы выслушали меня. Большое вам спасибо.

25 сентября 1992 года

г. Нью-Йорк.

Нодар ЛОМОУРИ

КОВАРНАЯ ИДЕЯ

Представленную здесь карту обнаружила научный сотрудник Института востоковедения АН Грузии Лия Члаидзе в личном архиве ныне покойного ученого, профессора Отара Гигиненшвили, который в свое время был председателем Общества культурных взаимосвязей с проживающими за границей соотечественниками. Она же исследовала материалы, поясняющие суть этой карты. Как выясняется, в 60—70 годы, во время одного из своих посещений Турции, О. Гигиненшвили имел возможность познакомиться с руководителями и членами различных обществ северокавказских народов (адыгейских, черкесских, кабардинских, чеченских и т. д.). В Турции все эти народы объединены одним общим названием «черкесы». К ним же причисляют и абхазцев. Так вот, некоторые представители этих «черкесских» обществ довольно давно разработали идею создания «черкесского» (т. е. практически всего северокавказского народа) единого государственного объединения, а также «общечеркесского» литературного языка.

Разумеется, мы не имеем ничего против подобного государственного объединения, но ознакомившись с перечнем народов, входящих в эту северокавказскую «Черкесскую» республику, трудно сохранить спокойствие и не возмутиться. Дело в том, что в эту республику, если следовать ее идеологам, входят абхазцы и осетины. Именно на этой карте зафиксирована предположительная территория этой республики. На карту нанесено государство «Кузеи Кавкасиа», т. е. «Северный Кавказ»; оно распростерлось от Каспийского побережья до Черного и Азовского морей, включает весь Северный Кавказ, а частично и Закавказье, севернее этого государства отмечена Россия, а южнее жметя крохотный «Гурджистан» (Грузия).

Внимательнее присмотритесь к этой карте, в частности, к южной границе «Кузеи Кавкасиа»: она начинается у Каспийского моря, затем следует по Кавказским горам, но не по главному хребту, а намного южнее, так что горные районы Грузии остаются за этой границей. В пределах северокавказской рес-

публики оказываются и Рача-Лечхуми, и Сванэти, и нынешняя Абхазская автономная республика.

Итак, эта карта — иллюстрация идеи, разработанной лидерами и сторонниками «конфедерации». Благодаря приведенной карте, нашему читателю предоставится возможность убедиться, какой представляется будущность Кавказа вышеупомянутым лидерам, как беспардонно отсекаются от Грузии ее исконные земли. В 60—70-х годах идея создания Черкесской северо-кавказской республики казалась нереальной и отдавала явным авантюристским душком, тем не менее сегодня она осуществляется и мы уже испытали на себе трагические результаты попытки ее реализации, из-за этой идеи гибнет цвет нашей молодежи.

Разумеется, мы приветствуем и считаем необходимыми всесторонние дружественные контакты с кавказскими народами, но, к сожалению, на Кавказе действуют и такие силы, победа которых принесет нам одни лишь несчастья. Именно такие силы представляет тот же Дудаев. Как бы ни старался отмежеваться от этих сил, связанным с ними оказался и Ардзинба, и что особенно прискорбно, движимый личными интересами, в их орбите оказался и наш «спаситель нации» Гамсахурдиа.

Анна ФАЛИЛЕЕВА

ПОД ЗНАКОМ СОЛНЦА

(ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ ГРИГОЛА РОБАКИДЗЕ)

«Солнце — отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на Земле».

Гермес Трисмегист,
«Изумрудная скрижаль».

Вдохновитель грузинского символизма Григол Робакидзе создал в своих произведениях мир, по чувственной выразительности напоминающий японский театр «Кабуки». Его романы, действие которых происходит в Грузии начала века, воскрешают древность как зримый символ, как оправдание и объяснение происходящего.

Несмотря на то, что большую часть жизни писатель прожил в Германии, Грузия осталась для него воплощением «обетованного рая», а ее традиции — свидетельством бессмертия красоты и добра. Так, только в Грузии веранда с накрытым пиршественным столом может напоминать «корабль, плывущий в открытом море»: «Пировали грузины. Когда око зрит мир, солнце, горы, деревья, зверей, людей, то душа изливается радостью, желая воздать хвалу Создателю. Блаженно мгновение, когда ликующее сердце раскрывается другому ликующему сердцу. То, что грузин чувствует за пиршественным столом, это опьянение сердца». Более того, трапеза для грузина — своеобразный культовый ритуал, дар, приношение Богу: «Тамада, как бы совершая священнодействие, осушил азарпешу», «Гости ели так, как если бы исполняли обряд причащения». Подобные описания Григола Робакидзе напоминают древние мистерии Египта, во время которых жаждущие приобщались к таинствам божественного.

Что же дает Робакидзе возможность сравнивать на первый взгляд несопоставимые вещи — еду и поиски истины? Ответ на этот вопрос — в безграничной пластичности и неисчерпаемой естественности проявлений духа грузинского народа, остающегося неизменным в своих качествах на протяжении веков. Нет существенной разницы между главной героиней романа «Меги», живущей в Колхиде, и легендарной Медеей. Изменились условия жизни, разные судьбы у Меги и Меден, но характер — один. Обе существуют на пределе чувств, одинаково способные на все — вплоть до убийства — ради любви.

В произведениях Робакидзе грузин близок к природе, от нее он воспринял безграничную естественность. Сердце его — это чаша, «полная соков жизни». Описывая обычаи хевсуров, Робакидзе упоминает о культе «адгилис дэда» — «матери края» (местности, места): Земля для хевсура — «существо многогрудое, с большим выменем». Природа у Робакидзе живая. В «Хранителях Грааля» он горы сравнивает с буйволами, пишет об «оке источника». Дома, расположенные на горах, кажутся ему курами на насесте. Любимые герои писателя умеют общаться с цветами, как с живыми существами. Они считают, что цель жизни — в растворении в Природе. Один из самых привлекательных его героев — Леван из романа «Убиенная душа» — воплощение самой естественности. По нашим понятиям он «ничего не делает», он просто существует, не ставя перед собой определенной конечной цели. Но вся сила его примера именно в этом кажущемся безделье, которое олицетворяет собой незримую, но созидательную работу Природы. В нем все качества гармонично слиты и не требуют доработки, как в других людях. Поэтому он напрямую и легко общается с Богом, созерцая его проявления во всем, что есть на Земле: «Никакой профессией он не владел, да и не нуждался в ней. Радость жизни течет, как вода, как волна под лучами солнца. Леван и был такой живой волной... Он просто жил и радовался жизни. Был представителем элиты, прекрасной человеческой породы. Тысячелетия делался отбор».

Вместе с Леваном впервые в роман ясно входит тема Солнца — символического образа всего творчества Григола Робакидзе, воспринимавшего его как «эманацию божества». Можно проследить, как во всем творчестве писателя, в любой характеристике — человека ли, чувства ли, движения ли души — Солнце — решающий ориентир. По его понятиям, оно неизменно сопровождает человека в жизни, следит за ним и помогает становлению в нем добра. Жермена де Сталь писала:

«Когда мы утрачены мраком ночи, нас часто пугают не опасности, коими она подстерегает нас, а ее соприкосновенность всякого рода утратам и страданиям, коими она в нас проникает. Солнце же, напротив, есть как бы эманация божества, как бы сияющий провозвестник услышанной молитвы. Лучи его нисходят на землю не для того только, чтобы сопутствовать человеку в его трудах, но чтобы изъяснить природе свою любовь».

Но то, что по-наитию ощутила мадам де Сталь, развернуто Григолом Робакидзе в целую науку о Солнце, образ которого является для него самым возвышенным во Вселенной. Оно приносит ни с чем не сравнимую радость и силу жизни, если с ним установлен «личный контакт». Но это не то ощущение мимолетной радости жизни, которая сопровождает наши различные земные ощущения, солнечная улыбка всегда покрыта тончайшим покровом печали. Человек испытывает нечто подобное, когда слушает прекрасную музыку, уносящую его «далеко от земной юдоли».

Казалось бы, парадоксальна связь Земли и Солнца, не противостоящих, а как бы взаимопроникающих друг в друга. Но удивление пройдет, если мы вспомним о существовавших в прошлом зороастристах — языческих племенах, обожествлявших Солнце. Множество огнепоклонников было и в Грузии. Поэтому родина существует в романах Робакидзе «под знаком Солнца». «В мироощущении грузин огонь является главным элементом. Жизнь есть горение... Отсюда основополагающее значение солнца в нашем мирозерцании... Со времен Плотина мы знаем, что Око солнцеподобно. И Гете говорит: «Не будь око подобно солнцу, оно никогда бы не узрело солнца». Если спросить нашего крестьянина: «Что происходит с виноградом во время созревания?» — он тут же ответит: «Око входит в виноград». Да, буквально так. Разве это не гениально?».

Жить, считает Робакидзе, тоже нужно подобно солнцу, то есть «обладать мужеством жизни», быть готовым к самоотдаче. В романе «Хранители Грааля» писатель дает пример подобного огненного служения — Робакидзе называет своего героя князя Гиорги — «подлинным и ярко выраженным представителем грузинского духа...» и сравнивает его со святым Георгием, поразившим дракона зла. Диди Гиорги (Большой Георгий), как называли его друзья и знакомые, — потомственный грузинский интеллигент, глубоко и всесторонне образованный человек, посвященный в сокровенные знания Востока.

ка и философию Запада. Его дом в одном из благодатных уголков Грузии напоминает место паломничества, сюда съезжаются лучшие люди нации, чтобы пообщаться, посоветоваться друг с другом, приобщиться к высокой культуре духа. По ходу действия романа судьба ставит Диди Гиорги в разные ситуации — он даже оказывается в застенках ГПУ. Но никто не в силах сломить его волю. Он одерживает нравственную победу над следователем Вельским, и его отпускают домой. Такой итог событий кажется не очень правдоподобным, но не будем спешить с выводами. Нет, Робакидзе не склонен ничего идеализировать, просто случай с Диди Гиорги слишком необычен. Это скорее не персонаж, не герой романа, а живое воплощение самой сути грузинской нации. Иначе откуда у него такое четкое, оформившееся знание границы между добром и злом, истиной и ложью, высоким и низким? Ему дано веками вырабатываемое знание вечной смены антиподов в Космосе, зрение его ясно и не замутнено ничем — включая ложную национальную гордость. Более того, он предпочитает скорее принизить свой народ, чем петь ему дифирамбы, лишь тормозящие его развитие: «...никто другой, как именно грузин, не склонен в такой степени к измене... Властелин может стать подхалимом, рыцарь — обманщиком. Щедрость грузина зачастую переходит в расточительность. Деградивший грузин в состоянии натворить немало бед».

Робакидзе возлагает на своего героя роль духовного центра, от которого, как от Солнца, идут лучи к другим положительным героям его романов. Именно Диди Гиорги хранит до времени в своем замке чашу Грааля — мистический символ средневекового рыцарства, перенесенный писателем в Грузию начала века. По преданию, калика (священная чаша) была тайно вынесена из горной цитадели Монсегюра и спрятана. До сих пор никто не знает ее местонахождения. Так что Робакидзе имел полное право на собственные фантазии. Тем более, что культ чаши восходит еще к языческим кельтским, иберийским и галльским мифам. Е. И. Парнов в книге «Трон Люцифера» (М., Политиздат, 1985, с. 79) пишет: «...для одних Грааль — это сосуд, в котором Иосиф Аримафейский, упомянутый во всех четырех евангелиях, собрал Христову кровь, для других — блюдо тайной вечери, для третьих — нечто вроде рога изобилия и скатерти-самобранки, а для сторонников эзотерической легенды Монсегюра — золотое изображение Ноева ковчега».

Чувствуя приближение смерти, Диди Гиорги передает

чашу поэту Левану Орбели, о котором сам же говорит: «Он наделен благодатью». Применяя восточные термины, можно сказать, что князь Гиорги — гуру (учитель) для Орбели — чела (ученика). Между ними существует некая связь, некая преемственность, которая даже выше, чем привязанность отца и сына. Оба они обладают мистическим видением мира. Оба понимают друг друга без слов. Один из героев романа говорит о Леване: «Он живет в духовном пространстве абсолюта. Преходящее, правда, остается для него действительностью, но существует под знаком метафоры, притчи».

Но если Диди Гиорги выпала созидательная роль в жизни, то у Левана — ярко выраженное жертвенное воплощение. Цель и смысл его жизни — спасение Грузии, спасение Грааля. В романе режиссер Марджани (нетрудно прочесть аналогию с Котэ Марджанишвили, которого хорошо знал Робакидзе) ставит спектакль, в одной из его сцен сердце человека, пожертвовавшего собой ради спасения людей, несут в Священную рощу для освящения. Безусловно, эта тема Прометей относится к главному герою романа, тем более, что, по преданию, Прометей был прикован к Кавказским горам.

Левану и в самом деле удалось спасти Грааль. Это произошло в 20-х годах, во время восстания. Обладая практическим умом, Орбели точно рассчитал, что восстание будет задушено. Он отвечает своему другу Закаре, рассказавшему ему о подготовке к восстанию: «Конечно, надо, как солнце, нерасчетливо раздаривать себя, но сначала надо обрести в себе это солнце». Как он сказал, так и случилось, но несмотря на предчувствие поражения, Леван до конца остался со своими друзьями, хотя у него была возможность покинуть родину.

Глава о его смерти называется «Кор арденс», что по-латыни означает «Пылающее сердце». Как рыцари Монсегюра, группа восставших оборонялась от врагов в одном из замков. Когда не осталось надежды на спасение, Леван с друзьями унес Грааль из крепости и передал его в надежные руки. Как только это происходит, он, умиротворенный, умирает. Умирает без видимой причины, засыпает под дубом, прислушиваясь к извечно живущей в нем тоске, «зовущей его в даль». Казалось, что он заснул. Спасение было совсем близко, его товарищи собирались пересечь границу, но Леван не мог покинуть родину, словно перевоплотился в чашу Грааля, которая, по завещанию Диди Гиорги, непременно должна была остаться в Грузии...

Рэмон ДЮГЕ

Москва и страстотерпство Грузии

В XVII веке над Грузией одновременно нависла угроза со стороны Турции и Персии. Грузия обратилась за помощью к христианскому миру. С этой целью князь Сулхан-Саба Орбелиани отправился полномочным послом в Италию и Францию. В Версале он был принят Людовиком XIV, но даже после этого не последовало никаких конкретных шагов с целью оказания помощи Грузии.

В XVIII веке, в пору царствования Ираклия II (1762—1798), в политической жизни Грузии отмечается некоторое оживление. Страна получила короткую передышку. Грузии даже удавалось оказывать определенное влияние на политику Персии во внешних взаимосвязях и ратном деле. Фридрих II и Екатерина II часто обращали внимание своих генералов на военную проницательность Ираклия II. В то же время Грузия не могла больше оставаться в изолированности от христианского мира. Нужно было обезопасить себя от бесконечных мусульманских вторжений. Поскольку обращения к западным странам не принесли никаких результатов, Ираклий II обратился к русской императрице Екатерине II. И в 1783 году между Россией и Грузией был заключен договор. По этому договору Грузия сохраняла независимость, царя, самостоятельное правление, деньги, армию и т. д. и обязалась прекратить всяческие отношения с Турцией и Персией. Россия же брала на себя обязательства помогать Грузии в случае агрессии этих государств, а также обещала Грузии вернуть земли, захваченные Турцией в XIV—XVI вв.

Продолжение. Начало см. в № 8.

Но вскоре, в 1795 году, персы под предводительством Ага Магомет хана в очередной раз вторглись в Грузию. Грузины потерпели жесточайшее поражение, а персы захватили и разорили Тифлис. После этого Ага Магомет хан покидает пределы Грузии, уступая ее России, которая с большим опозданием все же приходит ей на помощь, и, несмотря на активное противодействие Англии и Франции, аннексирует ее.

Таким образом, Грузия захвачена Россией задолго до того, как на эту огромную империю обрушилась беда: захват власти большевиками. Ненадолго Грузия обретет независимость, но вскоре вновь утратит ее.

Грузия долго и самоотверженно боролась против захватнической политики России. Одним из выдающихся борцов за независимость родины был Александр Батонишвили, погибший в Персии, куда он направился за помощью. Добавлю, что в XIX веке грузины неоднократно восставали против русской оккупации.

Как только Грузия лишалась политической независимости, одновременно утрачивала независимость и грузинская церковь, имеющая свою автокефалию. Отныне, пока продолжится владычество России, грузинской церковью будет управлять русский архиепископ. Грузинская церковь станет частью русской церкви, официальным языком Грузии будет признан русский язык.

* * *

Если Грузия часто подвергалась агрессии соседних стран, то это в первую очередь из-за того, что была воистину одарена божественной природой. Большое значение имел и другой фактор — географическое местоположение.

Грузия расположена на той же широте, что и Пиренеи. Ее климат можно сравнить с испанским или с климатом высокогорных регионов пиренейского хребта, что дает нам возможность заключить: флора и фауна грузинской земли должна быть весьма многообразной.

Разнообразие овощных культур, зерно, кукуруза, ячмень, просо, рис, чай, табак (это очень ценится приморским населением), лакрица, лавр, хлопок, разнообразие фруктов — апельсины, лимоны, мандарины, яблоки, груши, персики, абрикосы, вишня, черешня, сливы, орехи и др. В Батумском районе оливковые рощи. Площадь в 70 000 га покрыта виноградниками (грузинские вина, в особенности кахетинское, известны на всем Ближнем Востоке). Огромные и непроходимые леса (40%

всей территории). Лес, четверть которого — сосновый, представляет основной экспорт страны. Достаточно развито птицеводство и шелководство. В большом количестве имеется морская и речная рыба.

В Грузии одной из самых развитых отраслей является животноводство — лошади, крупный рогатый скот, буйволы, но главное все же овцы и козы.

Богата Грузия и своими недрами. В первую очередь нужно назвать чиагурский марганец. Здесь находится один из самых значительных рудников мира. В нормальных условиях Грузия может поставлять за границу более половины мировой продукции марганца. Запасы меди имеются в Шамлуге, Казбеги, Белоканах, и, в особенности, в Алавердском районе¹. Угольные шахты находятся в Ткибули и Ткварчели². В окрестностях потийского порта много торфа. Имеются месторождения нефти, главным образом в Кахетии, где обнаружена нефтяная скважина. Есть также цинк, свинец, сера, ртуть, пирит, стибий, сурьма и даже золото (в которое на Алавердских приисках примешана медь), жерновые и цементные камни для литографической мельницы, глина, гипс, соль, знаменитые минеральные воды и грязи.

В этой гористой стране пути сообщения занимают: 825 км — железная дорога, 2 000 км — шоссе. В Грузии нет судоходной сети. Судоходство возможно лишь на небольшом отрезке рек Риони и Чорохи. Самые важные порты — Батуми и Поты — расположены на Черном море. На Черном море есть также сравнительно незначительные гавани — Сухуми, Гагра, Сочи.

Так что, наряду с выгодным географическим положением, Грузия богата как подземными, так и наземными ресурсами.

Торговых путей международного значения здесь весьма мало. В связи с этим примечателен тот путь, который посредством закавказских стран (точнее Грузии, т. к. она ключ Закавказья) связывает Запад со странами Передней и Средней Азии. Очевидно то огромное значение, которое играет Грузия

---

¹ Мы не поняли, какой город подразумевается под названием Chagali—Eliaz. Шамлуг и Алаверди ныне принадлежат Армении, Белоканы — Азербайджану (перевод.).

² Месторождения угля, но только не переработанного, находятся почти во всей Грузии.

как путь для взаимоотношений с Арменией, Персией и Средней Азией¹.

Через Грузию поставляется в другие страны и бакинская нефть.

Словом, Грузия—коридор, посредством которого все Закавказье связывается с Западом, в свою очередь Закавказье—природный мост между Азией и Европой.

ГЛАВА II

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ

Неоднократно захваченная и разоренная Грузия каждый раз возрождалась. Во-первых, это потому, что грузинскому народу придает силы обостренное национальное самосознание, а во-вторых, грузинские войны, их военачальники обладают потрясающими ратными способностями и мужественным духом.

Большую часть нации составляют крестьяне (80%). Они никогда не были подвержены влияниям различных теорий и всегда отличались резко выраженными национальными чертами.

Следует опровергнуть и то существенное заблуждение, в котором пребывают некоторые, говоря о социалистической Грузии. Соединение двух этих слов большая ошибка. Ошибочна и характеристика политической ситуации, утверждающая, что якобы на всех проведенных консультациях большинство голосов было отдано социал-демократам². Вернее было бы сказать: большинство пропорционального количества отданных социал-демократам голосов отражало национальный выбор.

Откуда же возникло большинство голосов, пусть даже минимальное, в социалистических или социал-демократических выборах?

Давайте посмотрим.

Один из известных членов грузинской социал-демократической партии (ныне он проживает в Париже и я имел с ним продолжительную беседу) пояснил:

С одной стороны, социал-демократическая партия имела в Грузии прочную основу: надежную поддержку чнатурских шах-

---

¹ 18 сентября 1920 года правительство Грузии представило в Лигу Наций обстоятельный меморандум.

² Из выступления социалиста Ренодэля 29 января 1925 года в палате депутатов.

теров (марганцевые прииски), тифлиских (Закавказские железнодорожные мастерские), батумских и потийских рабочих. Но с другой стороны, крестьяне, представляющие 80% грузинского населения, ничего не понимали в социализме и следовательно, не могли быть социалистами.

Он это чистосердечно признал, и исходя из этого можно сделать соответствующие выводы.

* * *

Почему же в подобной обстановке было отдано столько голосов социал-демократам?

Проследим, какие политические партии действовали в Грузии с тех пор, как в русской империи разразилась революция 1917 года. Постараемся понять, какую роль они играли и к каким методам и действиям прибегали.

Все эти партии возглавляла социал-демократическая партия. Она действительно была хорошо организованной и единственной, которая была способна в нужную минуту пригодиться своей стране.

Пока Грузия была неотъемлемой частью русской империи, грузинские социал-демократы были членами Всероссийской социал-демократической партии (грузинская социал-демократия отделилась от нее лишь после революции 1917 года). Социал-демократия всегда стояла в авангарде революционного движения как в России, так и в Грузии. Грузинские социал-демократы были настолько популярными, что даже руководили Всероссийской социал-демократической партией в Государственной Думе.

В эпоху борьбы против самодержавия грузинские социал-демократы в зависимости от обстановки и развития событий боролись за свободу своей родины. Постепенно эта деятельность все более приобретала национальный характер. Именно этим отличаются грузинские социал-демократы от меньшевистской части российских социал-демократов.

Перед революцией 1905 года в Грузии образовалась партия социал-федералистов. Она была по счету второй партией.

Перед началом первой мировой войны (1914—1918 гг.) создалась национал-демократическая партия. Количество членов этой партии стремительно возрастало. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы партия сыграла активную политическую роль сначала в становлении политических лидеров, а затем в формировании регулярного правительства. Ее

члены не могли похвастаться ни организаторскими способностями, ни проницательностью в международной политике.

Наряду с этими политическими партиями существовали также небольшие группы социалист-революционеров и большевик-коммунистов. Они не имели никакого влияния.

* * *

Нам известно, что у грузинского населения всегда было неистребимо чувство национального самосознания. Если с одной стороны оно горячо желало независимости родины, то с другой стороны прекрасно понимало, что пока в России господствует самодержавие, у Грузии почти нет шансов обрести автономию и независимость. В случае же свержения самодержавия создались бы благоприятные условия для обретения свободы. Это было бы более реальным, если бы в революционных кругах России, борющихся против самодержавия, грузинские представители имели определенное влияние. Следовательно, в силу грузинского патриотизма, как правило, политическими представителями в Россию избирались социал-демократы, т. е. избирались те люди, деятельность которых была направлена, во-первых, на борьбу с самодержавием, а во-вторых, они считались признанными лидерами Всероссийской социал-демократической партии.

Подобная деятельность продолжалась и после создания национал-демократической партии. Как уже говорилось, этой партии не хватало крупных политиков. Она уступала социал-демократической партии и тогда, когда произошла Февральская революция 1917 года в России, и тогда, когда большевики совершили переворот. В этом «священном союзе» происходили и волнующие события. Один из членов социал-демократической партии, с которым я имел честь встретиться для ознакомления с документацией, рассказал: предводитель грузинского дворянства князь Котэ Абхази¹ от имени грузинского дворянства передал в дар грузинскому народу собственные владения (например, целый квартал в Тифлисе).

Таким образом, при характеристике политической ситуации в Грузии мы должны говорить не «социалистическая Грузия», а «священный союз».

---

¹ Как мы увидим позднее, князь Абхази был расстрелян большевиками.

Когда в 1917 году в России разразилась Февральская революция, а в Петрограде была одержана победа, председатель социал-демократической группы Государственной Думы Чхеидзе стал создавать русские советы. Тогда же сформировалось Закавказское правительство. Оно состояло из представителей трех национальностей. Грузин было двое (по партийности один — социал-демократ, другой — социал-федералист), один армянин и один азербайджанец. В целях контроля к ним прибавился депутат донского казачества, которого сочли за кавказца. Это Закавказское правительство («ОЗАКОМ») имело те же права, что и петроградское Временное правительство. Но тотчас же возникли сложности. Вместе с победой русской революции и созданием Закавказского правительства русская администрация утратила свои функции. Тогда члены «ОЗАКОМа» обратились к национальным советам, которые уже официально существовали в Грузии, Армении и Азербайджане, а также они обратились к рабоче-крестьянским Советам, которые создались как в Закавказье, так и во всей империи по приказу властей.

Солдатские советы, состоящие в основном из русских, особого влияния не имели. Вскоре части русской армии, находящейся в Закавказье на русско-турецком фронте, стали возвращаться на родину. Пока русские вооруженные силы находились в Закавказье, солдатские советы всячески противодействовали национальным советам. Для того, чтобы не досаждать России, национальные советы действовали слабо.

Примечателен и тот факт, что в России создание советов сопровождалось беспорядками, в Грузии же советы способствовали порядку. Грузины дисциплинированы, любят порядок. Они настолько консервативны, что впадают в крайний традиционализм. На советы, в которые входили, грузины оказали столь благоприятное воздействие, что между «ОЗАКОМом», национальными и рабоче-крестьянскими советами установились тесные взаимоотношения.

По всему Закавказью установился порядок, что было не так просто. Особенно после большевистского государственного переворота. По приказу большевиков русские войска покидали русско-турецкий фронт. Возвращаясь, русские разоряли все, что встречалось на их пути.

Как только русские большевики захватили власть в России, «ОЗАКОМ» прервал всяческие отношения с Петроградом

«ОЗАКОМ» переименовался в Закавказский комиссариат, действовавший независимо. Перед ним стояли две задачи: с одной стороны, сохранять верность Антанте, с другой — спасти от турецкой экспансии. С этой целью Закавказский комиссариат сформировывает военные части в Грузии, Армении, Азербайджане. Весной 1918 года эти войсковые части занимают позицию на русско-турецком фронте.

Комиссариат считал, что красная диктатура долго не продержится и в России опять восстановится стабильный режим. Поэтому Закавказский комиссариат добровольно избирает своих депутатов, которые должны были представлять Закавказье в Учредительном собрании России. Учредительное собрание не смогло собраться в Петрограде, так как к концу первого же дня работы большевики разогнали его. Разогнали еще до того, как некоторые депутаты из отдаленных регионов успели прибыть в Петроград, чтобы присоединиться к коллегам.

События сменяются молниеносно: красные начали постыдные Брест-Литовские переговоры. При посредничестве Турции, в январе 1918 года туда приглашается один депутат из Закавказья.

Комиссариат выразил протест и решительно отказался от подписания каких-либо мирных договоров, несмотря на участие в них стран Антанты. Вместе с тем он был против всяческих будущих договоров, касающихся Закавказья.

Поскольку Всероссийское Учредительное собрание провалилось, закавказцы решили собраться в собственном Сейме. Депутатами Сейма остались депутаты, избранные в Учредительное собрание (подавляющее большинство этих депутатов были социал-демократы по причине, указанной мною ранее). К числу этих депутатов прибавились вновь избранные из социал-демократов. Таким образом, количество социал-демократов в Сейме удвоилось.

Между тем завершилась печальная комедия Брест-Литовска. Большевики оставили Турции значительную часть территории Грузии и Армении — Карс, Ардаган, Батуми.

В марте—апреле 1918 года турки начали наступление на север. Они вознамерились завоевать новые территории, рассчитывая создать себе стратегически выгодные плацдармы.

Закавказский комиссариат выражает энергичный протест правительствам Турции и стран Запада. Но турки неуклонно продвигаются вперед; комиссариат вынужден начать срочные переговоры с Турцией в Трапезунде. Однако соглашение не достигается и турки возобновляют наступление, которое было при-

остановлено на время переговоров. Цель Турции — срочно захватить территорию, закрепленную за ней в результате Брест-Литовского договора.

Закавказский Сейм убедился: закавказская делегация не смогла ничего предпринять в Трапезунде. Все надежды Сейма обратились к Западу. Первого апреля объявляется осадное положение. Создается директория, которой предписывается подготовка к обороне всего Закавказья.

Вскоре Сейм убедился, что борьба обречена на неудачу. 22 апреля 1918 года было принято решение о возобновлении переговоров с Турцией. На том же собрании Сейм объявляет независимость Закавказья, тем самым получая возможность на предстоящих переговорах с Турцией выступать от имени автономного государства.

Эта Закавказская республика просуществовала всего лишь пять недель.

Переговоры возобновились 11 мая. В переговорах в Батуми, в котором уже с 14 апреля хозяйничали турки, участвует и Германия.

Турция требует все большего и большего. После захвата Батуми турки заняли Карс и большую часть Армении. Захватили важные экономические и стратегические центры. Вторглись в Азербайджан. Осмелевшие турки стремились заполучить намного больше, нежели было определено Брест-Литовским договором, что вызвало недовольство немцев. Представительство Германии возглавлял генерал фон Лосов, прогрессивно мыслящий человек, по происхождению баварец, имеющий полное представление о происходящих событиях.

Немцы не желали дальнейшего проникновения союзника на территорию, к которой и они проявляли немалый интерес.

Закавказскую делегацию возглавлял председатель Закавказского правительства г-н Чхенкели, грузин по национальности. Делегация действовала успешно. В результате переговоров генерал фон Лосов предложил свое посредничество на встрече между турецкой и закавказской сторонами. Закавказцы согласились. Турки же отклонили предложение генерала.

Тогда немцы отказались от посредничества и переговоры были вновь отложены.

* * *

Ввиду того, что закавказского единства больше реально не существовало, турки вторглись в глубь Азербайджана и Армении, среди населения восточных районов Закавказья воз-

никли разногласия и противостояние. 26 мая Сейм подтвердил свое самоупражнение и прекратил свои полномочия.

Срочно был созван Национальный совет Грузии. Было очевидно, что необходима полная свобода действий. И в предстоящих переговорах с Турцией, конечно же, Грузии лучше выступить в роли независимого государства. В тот же день 26 мая 1918 года Национальный совет Грузии объявляет о независимости.

На этот момент «священный союз» абсолютен. Независимо от партийной принадлежности, весь народ объединяется в один блок. Он встал рядом с теми, кто провозгласил долгожданную независимость родины.

В свою очередь, Армения и Азербайджан провозглашают о своей независимости.

Созывается Учредительное собрание Республики Грузия. Оно избирается всеобщими прямыми выборами. В выборах принимали участие все мужчины и женщины, достигшие двадцатилетнего возраста и имеющие право голоса (подобные избирательные права будут в дальнейшем окончательно закреплены в конституции Республики Грузия).

Учредительным собранием производится незамедлительная ратификация акта, согласно которому была провозглашена независимость Грузии.

* * *

Теперь перенесем свое внимание на немцев. Разумеется, они были движимы собственными интересами, когда выступили в поддержку Грузии против Турции. Немцы не желали, чтобы союзникам достался большой кусок от грузинского пирога.

Как видите, после захвата Украины, немцы принимают участие в батумских переговорах, тем самым выразив противоположную турецкой точку зрения. У Германии возникли разногласия с Турцией в развитии дальнейших боевых операций в Закавказье.

Турки упорно рвались вперед к северу и северо-востоку. Немцы не заставили долго ждать и послали на подмогу грузинским войскам два или три пехотных батальона и легкую артиллерию.

Главнокомандующий турецкой армией генерал Вэиб-паша официальной телеграммой уведомил немцев: турки, которые продвигаются в глубь грузинской территории, не являются войсками регулярной турецкой армии, это банды, спешно созданные в приграничных регионах. Немцы перевели дух. Теперь они мо-

гли беспрепятственно помогать Грузии в борьбе с турецкими бандами и помешать союзникам вторгнуться в глубь богатой страны. Турки же не смогли бы выразить своего недовольства союзнику.

Немцы успешно воспользовались этим обстоятельством.

В 1918 году произошел даже такой казус. Мне рассказал о нем грузин, очевидец этого события. Он принимал участие в импровизированном процессе переодевания в «немецких солдат».

Немцев мало волновал тот факт, что турки захватили путь Батуми — Тифлис, который, в сущности, вел в Среднюю Азию. Но они решили контролировать все ключевые пункты, в особенности мелкие станции. Однако для этого им не доставало солдат, тогда они привлекли немецких пленных, попавших в Грузию в годы мировой войны, всех, кто хотя бы умел держать в руках оружие. Собирали и немцев, проживающих в Грузии. Набралось приблизительно 200 человек. Одели их в старую русскую униформу, напялили плоские головные уборы без козырька, раздали ружья и штыки. Для унтер-офицеров раздобыли даже немецкие каски. Это сборище весьма походило на немецкий Landwehr (народный поход). На сторожевых постах железной дороги Батуми—Тифлис расставили от пяти до двадцати человек. Этим «войском» руководил немецкий офицер.

По договоренности турки должны были прекращать всяческие действия при виде позиций, занятых немцами, и, в свою очередь, немцы должны были ретироваться при виде турецких позиций. И как только турки увидели, что железнодорожный путь Батуми—Тифлис занят немцами, они выполнили условия договора. Хозяевами железнодорожных путей стали «немецкие» сторожевые посты. Это произошло в мае 1918 года.

В следующем месяце немцы использовали заявление Вэипаши, что грузинскую территорию захватывает не турецкая армия, а «турецкие банды». Немцы примкнули к грузинским вооруженным силам. 1 июня 1918 года они отбросили назад «турецкие банды» после боя на реке Храми (немцы располагали двумя или тремя пехотными батальонами, поддерживаемыми с тыла артиллерией).

Грузино-немецкое войско, предводительствуемое главным командующим грузинской армией генералом Квинитадзе, одержало победу.

Оказывается, большинство бойцов действительно принад-

лежали к бандам, но бесспорно и то, что во время боя был пленен офицер турецкой регулярной армии.

Таким образом, «отзывчивые» немцы воспрепятствовали победному маршу своего союзника в глубь грузинской территории!

ГЛАВА III.

МОСКВА ПОДПИСЫВАЕТ ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР С ГРУЗИЕЙ И ВЕРОЛОМНО НАРУШАЕТ ЕГО

С 1801 года, т. е. с тех пор, как Россия аннексировала Грузию и грузинское государство утратило территориальное единство, здесь имело место разжигание розни между народами, населяющими эту страну.

С провозглашением независимости был поставлен вопрос о границах Грузии с соседними странами. К сожалению, эта проблема вызвала несколько вооруженных конфликтов. Грузинам трижды пришлось защищать неприкосновенность своих границ. Правда, эти конфликты носили локальный характер.

Грузины не имели претензий ни по поводу территории, занятой Турцией в результате вторжения, ни по поводу территории, которую занимали немцы после совместного пресечения дальнейшего продвижения турок на территорию Грузии. После заключения мира 11 ноября 1918 года немцам и туркам пришлось оставить эти территории. К концу 1918 года туда вошел контингент войск Антанты.

Пребывание войск Антанты в Грузии упрочило ее независимость. Теперь ни один сосед не посмел бы нарушить границы Грузии.

В свою очередь, Антанта весьма скептически относилась к независимости Закавказья, довольствуясь ролью наблюдателя. Многие политики и дипломаты были уверены в непродолжительности большевистской диктатуры, сожалели об отделении Закавказья от огромной Российской империи. Вскоре жизнеспособность Грузии стала очевидной. Поэтому грузинское правительство, в отличие от других закавказских правительств, раньше других признали де-факто.

Впрочем, даже этот факт не помешал Деникину столкнуться с грузинами. Деникин со своей белогвардейской армией боролся против большевиков. Грузины готовились к защите

родины, несмотря на то, что Антанта, казалось бы, была гарантом безопасности Грузии.

Большевики разгромили армию Деникина и стали непосредственными соседями закавказских республик, в частности, Грузии. Они, верные своим методам, организовали в Азербайджане некое повстанческое движение. Осуществили внезапное нападение Красной Армии на Азербайджан и в апреле 1920 года захватили его.

Азербайджан, в частности бакинский регион, был лакомым куском для России, испытывающей тяжелейший экономический и финансовый кризис.

Между Грузией и советскими государствами начались переговоры. Казалось, они проводились в атмосфере взаимопонимания, хотя и с присущим большевикам лицемерием. Переговоры завершились подписанием договора от 7 мая 1920 года, согласно которому, московское правительство (которое вскоре нарушит договор), формально и фактически признало независимость и суверенитет Грузии, объявляло недействительными все полномочия царизма на территории Грузии и обещало не вмешиваться во внутренние и внешние дела республики.

* * *

Факты дают нам повод думать, что целью переговоров, предшествующих заключению договора, было притупление бдительности грузинского правительства. Об этом можно судить и по тому, что во время переговоров, как бы случайно, красные отряды со стороны Азербайджана нанесли удар по Грузии.

Здесь же надо раскрыть скобки: Азербайджан, в основном, нефтяная страна, в частности бакинский регион. Но у Азербайджана нет выхода к внешнему миру. Для того, чтобы вывозить нефть, надо переправлять ее в Батуми либо по железной дороге, либо по нефтепроводу. Поэтому в планы большевиков входил захват сначала Азербайджана, а затем и Грузии.

Азербайджан был ими уже захвачен. Формально он именовался Азербайджанской независимой советской социалистической республикой. Имелось и собственное правительство, которое в действительности было всего лишь великолепным фасадом для московских интриг. Эта фальшивая независимость будет впоследствии на руку Москве.

В первую очередь Москва пытается найти с Грузией повод для разлада. Испытывая терпение грузин, она создает

casus belli (повод для войны) в связи с вагонами и нефтяными цистернами. В этом случае отчетливо проявились их темные замыслы. Но им все же не удалось вывести грузин из равновесия, так как грузины настороженно относились к большевикам.

Поскольку хитрость не удалась, большевики прибегли к силе и фактору внезапности.

* * *

Для того, чтобы суть дела стала ясней, начнем несколько издалека.

В начале 1920 года, в Крыму, остатки деникинской армии, разгромленной красными, вновь собрались под предводительством Врангеля. Белогвардейская армия готовится к новому наступлению, планируемому на лето. Большевики в это же время воюют с Польшей. В такой обстановке московскому правительству сложно направить армию для захвата Закавказья. Требуется две-три дивизии в количестве более 20.000 солдат. Но даже этих сил недостаточно для захвата трех стран. Северный Кавказ лихорадит, а ведь путь в Закавказье проходит через территорию враждебно настроенного мусульманского населения Северного Кавказа.

Если рассматривать положение с сугубо военных позиций, нужно отметить, что большевики стояли перед неразрешимой проблемой.

Но красным все же удалось воспользоваться политической ситуацией в Закавказье. Будь взаимоотношения трех закавказских республик более дружественными и согласованными, они, несомненно, смогли бы избежать большевистского ярма.

Поскольку угроза нападения Красной Армии была реальной, грузинское правительство решило укрепить оборонительные рубежи. С этой целью Грузия предложила правительствам Армении и Азербайджана подписать договор о военном союзе, направленный против агрессоров.

Армения никак не отреагировала на это предложение. И летом 1919 года договор был сформлен только между Грузией и Азербайджаном. К прискорбию, эта согласованность была весьма туманной. Не были предварительно уточнены многие важные детали. Не были обсуждены важные вопросы. Не был разработан оборонительный план против общего врага. Этот договор оказался неэффективным, и поэтому им ни разу не воспользовались.

Тесное сотрудничество высокопоставленных военачальников Азербайджана и Грузии могло бы принести огромную пользу этим странам, но, к глубокому сожалению, между сторонами не было взаимопонимания. Вероятно, виной тому было и то, что в руководящих кругах и правительстве Азербайджана царили некоторая нерешительность и растерянность. Одни уповали на Турцию, другие хотели удержать прорусскую, пусть даже большевистскую ориентацию. Третьи — искренне стремились к независимости своей родины.

Московское правительство прекрасно было осведомлено о ситуации в Азербайджане.

Было еще одно важное обстоятельство: между азербайджанцами и армянами существовали разногласия по поводу существующих границ. В начале весны 1920 года вся азербайджанская армия была направлена на армянскую границу, т. е. в южную часть Азербайджана, в противоположную сторону от русско-азербайджанской границы. Произошло несколько столкновений. Хотя при этом не была забыта и северная граница. Здесь, приблизительно на расстоянии двадцати километров от Каспийского моря, вдоль реки Самур, где проходит железная дорога Ростов—Баку, были укреплены позиции.

После отступления деникинской армии мост через реку Самур был занят большевиками при весьма сомнительных обстоятельствах.

Это было тревожным событием для Закавказья. И несмотря на это, двадцатикилометровую позицию охранял всего лишь один азербайджанский пехотный батальон. А те два или три батальона, которые могли бы быть реальной подмогой защитникам русско-азербайджанской границы, располагались в Баку и Елизаветополе, находясь, таким образом, на расстоянии 100—300 км от зоны конфликта.

Что же касается азербайджанской армии в целом, как я уже говорил, она находилась на азербайджано-армянской границе и была отдалена от железной дороги Баку—Ростов на расстояние 250—300 км.

Так что, для большевиков сложилась весьма выгодная ситуация и, конечно же, они воспользовались ею, хотя и не располагали значительными силами. Как уже было сказано, основная часть их армии сражалась с Польшей и Врангелем.

В конце апреля 1920 года большевики устроили в Баку государственный переворот, одновременно атаковав тот единственный батальон, который охранял позиции вдоль реки Са-

мур. Операция по организации государственного переворота и разгрому батальона была проведена большевиками блестяще

Батальон, охранявший полосу реки Самур, возглавлял энергичный грузинский офицер Туманов. На него возлагалась практически невозможная задача — охрана всей северной границы, и он мужественно сражался за каждую пядь земли. Чужеземцы, лишённые всяческих рыцарских и благородных качеств, — русские — расстреляли этого самоотверженного и достойного воина. Он до конца исполнил свой воинский долг, хотя и не надеялся на победу.

Так же трусливо были расстреляны офицеры и генералы в Баку и других местах.

Засевшее в Баку правительство, поставленное большевиками, первым долгом сочло направить телеграмму армии, расположенной на границе с Арменией, — стойко охранять территорию страны в случае, если армяне перейдут в наступление.

Части Красной Армии беспрепятственно оккупировали всю территорию Азербайджана, заняли города, расположенные вдоль железной дороги Баку—Тифлис. Началась отправка солдатских эшелонов в направлении Грузии.

* * *

Насильственная оккупация азербайджанской территории, полное игнорирование международных законов отрезвило грузинское правительство. Но, увы, поздно!

Известие о взятии Баку и оккупации Азербайджана достигло Тифлиса 30 апреля. Первого мая уже был отдан приказ о формировании грузинских воинских частей. Тогда же начались переговоры с большевиками, завершившиеся 7 мая заключением Договора о дружбе, речь о котором шла в начале этой главы.

Грузия не готова оказать сопротивление врагу, не хватает военной амуниции. Необходимы незамедлительные действия. Не буду касаться деталей, так как цель этой книги — общее описание событий. Отмечу лишь то, что к тому времени, когда возникла реальная угроза большевистского нападения, не было даже какой-либо концепции оборонительного плана.

Первого мая грузинское правительство назначает главным командующим генерала Квинитадзе, до этого руководившего грузинским военным училищем в Тифлисе. Как раз утром первого мая Квинитадзе возвратился в Тифлис из Азербай-

джана, куда он был командирован. Его спец. состав так выехал из Баку, что генерал ничего не знал ни о государственном перевороте, ни о нападении красных, и едва не был захвачен большевиками. Большевики слали из Баку сторожевым постам телеграмму за телеграммой с приказом — остановить состав генерала Квинитадзе и взять его под арест. Но большинство сторожевых постов находилось под командой грузинских офицеров, поэтому никто не торопился выполнять приказ и брать под арест генерала. Тем временем ни о чем не ведавший Квинитадзе сладко спал в поезде. Всю ночь он спокойно пересекал территорию Азербайджана, а утром беспрепятственно прибыл в Грузию, где так необходимо было его присутствие.

* * *

Поскольку не существовало какого-либо оборонительного плана, генерал в первую очередь поставил перед правительством вопрос:

В случае, если столица — Тифлис будет захвачена врагом, сопротивление грузин нужно считать оконченным или напротив — борьба будет продолжена?

Необходимо отметить, грузинское правительство единодушно и мужественно решило — даже в случае захвата столицы врагом защита территории страны и борьба продолжится до тех пор, пока в живых останется хотя бы один воин.

Генерал руководствуется этой директивой. Он рассматривает создавшуюся ситуацию. От границы между Азербайджаном и Грузией идет три основных пути.

1. Железнодорожная линия Баку—Тифлис. Она пересекает реку Куру на расстоянии 85 км от Тифлиса.

2. Железная дорога Баку—Тифлис от границы до станции Акстафа. Затем есть дорога Акстафа — Красный мост — Тифлис. Расстояние короче на 65 км.

3. Дорога Евлах—Нуха—Закатала—Сигнахи—Тифлис. Эта дорога длинная и менее удобная, нежели первые две.

В первую очередь нужно было принять во внимание первые две дороги. Пограничные мосты — Пойлинский и Красный — принадлежали Азербайджану. Поэтому необходимо было захватить их, избежав кровопролития. Хозяева Азербайджана — большевики не должны были получить в руки козырь, чтобы обвинить Грузию в развязывании боевых действий.

В это время в Тифлисе находился представитель свергнутого азербайджанского правительства. В столь деликатной ситуации генерал Квинитадзе обратился к нему с просьбой: теле-

графировать азербайджанскому отряду, охраняющему Пойлинский мост, чтобы они без боя уступили бы его грузинам.

Азербайджанский представитель охотно согласился на столь щекотливое предложение. Грузинский батальон был срочно отправлен эшелонам для занятия Пойлинского моста. В задачу батальона входило заминирование моста и его взрыв в случае необходимости.

Что же касается Красного моста, то послать туда подобную телеграмму оказалось невозможным. Ни до моста, ни на близлежащей территории не было ни одной телеграфной линии. Туда направили четыре конных эскадрона. Им поручалось занять мост и срочно его заминировать. Эскадрон не успел взять мост. Их встретил авангард русских. Красные пересекли мост и вторглись в пределы Грузии.

Той же ночью (3—4 мая) до сорока конных большевиков предводительствуемых офицером, заняли грузинскую деревню в окрестностях Красного моста. В деревне располагался грузинский военный пост в составе... четырех кавалеристов. Дежурный поднял тревогу. Начальник поста выскочил из здания. За ним последовал один из двух солдат. Они оказались лицом к лицу с русскими конными. Стояла глубокая тьма и русские казались непонятной массой.

— Бросайте оружие! — раздалась команда со стороны большевиков.

В ответ двое грузинских бойцов открыли огонь по красным.

Грузины не знали количества нападавших. К счастью, смертельно ранили предводителя красных и он рухнул с коня. Большевики, думая, что они столкнулись с многочисленным отрядом, и потеряв офицера, спешно ретировались. В кармане убитого офицера обнаружили несколько документов, одним из которых был приказ о наступлении на Тифлис. Это уже, бесспорно, говорило о том, что случившееся не было рядовым приграничным инцидентом. Начиналась настоящая война с Москвой.

* * *

И в Грузии, в Тифлисе, вознамерились устроить переворот большевистским методом.

В ночь на 3 мая 50 вооруженных человек ворвались с черного хода в здание военной школы. Они арестовали и разоружили дежурного офицера, затем ворвались в казармы курсантов, угрожая оружием, заперли их и поставили охрану около одной-единственной двери. Большая часть нападавших уст-

ремилась к соседнему зданию, надеясь, что при объявлении о падении грузинского правительства и о переходе власти к большевикам, батальонные унтер-офицеры поднимут вооруженное восстание.

Правда, хотя большевики все предварительно учили и рассчитали, они упустили из виду генерала Квинитадзе. Вернее, думали, что он уже покинул училище, так как в те дни был назначен главнокомандующим. Генерал же возвратился в здание именно тогда, когда произошло нападение. Он по-прежнему жил здесь вместе со своим заместителем генералом Чхеидзе. Пока Квинитадзе дошел до своей комнаты, Чхеидзе освободил арестованного дежурного офицера (пристрелил охранявшего его большевика). Все трое открыли стрельбу. Большевики в спешке забыли перерезать телефонную линию, чем Квинитадзе не преминул воспользоваться. Он потребовал от штаба срочной помощи и два пулемета. Затем трое отважных воинов передали курсантам через окно оружие и патроны, отключили свет и напали на большевистскую охрану. Обезвредив их, они направились к соседнему зданию, чтобы очистить все училище от красных.

Нескольким большевикам удалось скрыться и предупредить своих. Некоторые все еще пытались склонить унтер-офицеров к восстанию, но тщетно. Большевистская банда спаслась бегством, хотя троих удалось взять в плен. На следующий день их расстреляли.

Нужно отметить: среди этих большевиков не было ни одного грузина¹. И их главарь уже имел опыт подобного переворота в Москве, завершившегося победой большевиков.

ГЛАВА IV

СЛИШКОМ ДОВЕРЧИВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ГРУЗИИ НЕ МОЖЕТ ИЗВЛЕЧЬ ПОЛЬЗУ ИЗ КРАСИВОЙ ПОБЕДЫ

Как только Красная Армия перешла восточную границу Грузии, правительство обратилось к Москве, потребовав объяснений по поводу этого необоснованного вторжения.

Москва ответила просто: она (Москва) непричастна к этому. Азербайджан — независимая советская социалистическая рес-

---

¹ Дюге заблуждается. Нападающие в основном были грузины. См. книгу генерала Квинитадзе (перев.).

публика. Азербайджанские военные части нарушили границу Грузии и вторглись на ее территорию.

Попытка государственного переворота в Грузии Московскому советскому правительству не удалась. Не знало оно и того, что последует за неудачно проведенной военной акцией. И поэтому подобным ответом попыталось уклониться от ответственности.

Члены грузинского правительства не ожидали подобной наглости и лицемерия от Москвы. Скажем прямо: они поверили. Поэтому несколько дней спустя подписали известный Договор о дружбе и сотрудничестве, о котором уже говорилось.

В действительности же, на Грузию напали части Красной Армии. В тех местах были дислоцированы 20-ая и 32-ая большевистские дивизии, которые и вторглись в Грузию без всякого повода.

Московское правительство в душе, наверное, потешалось, когда подписывало договор от 7 мая.

* * *

В действительности, Москва развязала самую настоящую войну против Грузии. Для обороны Грузия располагала двумя родами вооруженных сил. Во-первых, армией, состоящей из 12 батальонов. Во время мобилизации они могут переформироваться в 3 батальона, к которым придаются специальные артиллерийские подразделения, инженерные, саперные части и т. д. К этому добавится четыре эскадрона конного полка.

Во-вторых, национальной гвардией, состоящей из 23 батальонов, артиллерийской бригады, четырех эскадронов конного полка и саперов.

Мобилизация прошла с большим патриотическим подъемом. Первым делом главнокомандующий распределил небольшие группы, которые заняли стратегические пункты на севере и Черноморском побережье, а также укрепили Лагодехи. Необходимо было занять все ущелья, что тем самым перекрыло бы неприятелю все пути для проникновения в Грузию, а затем в Тифлис.

Основная же часть армии и гвардия были направлены к Красному мосту.

На восточной границе события разворачивались стремительно. Этот стратегический пункт оборонял грузинский батальон под командованием полковника Кенчуашвили. Когда полковник обнаружил, что авангард красных направляется на бронепоезде к Пойлинскому мосту (мост — граница, по кото-

рой проходит железная дорога Баку—Тифлис), он срочно принял решение взорвать этот архитектурный шедевр. Так «четко» выполнил он полученный приказ.

Большевики оказались на берегу разлившейся от талого снега и дождей реки. Они не имели возможности переправиться через нее, и им больше ничего не оставалось, как отправиться вдоль берега по направлению к Красному мосту.

Столкновения на подступах к Красному мосту длились несколько дней. Большевики потерпели поражение: от их дивизий остались жалкие остатки. Московские войска не только были выбиты с территории Грузии, но и отброшены от грузинской границы на 40 км.

Этих первых успехов достигло всего лишь несколько грузинских полков. Приведенная в состояние боевой готовности армия, ведомая главнокомандующим, гнала врага с родной земли.

* * *

Однако Москва не дремала. Как уже говорилось, была разыграна версия так называемого независимого правительства Азербайджана (подброшенная, разумеется, большевиками). Москва всячески пыталась убедить грузинское правительство, что нападение было совершено азербайджанскими красными отрядами, что это было «ошибкой молодого правительства» Азербайджана и, конечно же, правительству Грузии надлежало бы проявить снисходительность. Москве удалось добиться, чтобы в Тифлисе был отдан приказ о прекращении преследования неприятеля. После этого был заключен договор.

Таким образом, Москва избежала разгрома своей армии, что казалось неминуемым. Большевики достигли и большего: с началом переговоров грузинская армия прекратила не только преследование неприятеля, но по приказу Тифлиса возвратилась на территорию Грузии.

Пожалуй, впервые в истории произошло подобное: хорошо подготовленная, сильная, энергичная армия отказывается воспользоваться плодами своей победы. Ведь ей ничто не мешало добиться окончательной победы! Пожалуй, впервые в истории — победившая армия отступает. Враг повержен, обращен в бегство, а армия-победитель отступает.

Воспользуясь Грузия этой победой, и тогда создались бы весьма благоприятные для нее условия как во взаимоотношениях с Россией, так и с другими соседними странами.

Большевики, с одной стороны, сражались с Польшей, с другой стороны — с Врангелем, и были не в состоянии помочь азербайджанским большевикам.

В результате победы, одержанной грузинами, в Азербайджане сложилось тяжелейшее положение. Во многих регионах народ был готов восстать против красных. Это обстоятельство облегчило бы продвижение грузинской армии, конечно же, не без помощи азербайджанцев. Была бы восстановлена независимость Азербайджана, так как московские войска были бы изгнаны с его территории.

С натиском грузинской армии, восстанием азербайджанского населения с участием азербайджанской армии, которую, как уже говорилось, возглавляли грузинские офицеры, в отступающих красных частях создавалась бы паника и неразбериха и большевики были бы выбиты из Закавказья. Освободился бы и богатый нефтью бакинский регион. Выдворение большевиков из Закавказья нанесло бы России сильный удар.

Фатальный для Грузии и Азербайджана приказ о прекращении наступления и отступлении пришел из Тифлиса! Пришел тогда, когда главнокомандующим и командованием общих войск было отдано распоряжение о продолжении наступления. Генерал Квинитадзе сразу понял, какие печальные события последуют за этим приказом. Он подал в отставку, не желая выполнять этот необдуманный и абсурдный приказ.

Генералу было ясно, что его родина скомпрометирована. Он отчетливо представлял, как надолго обоснуются красные банды в Азербайджане, у самых границ Грузии. Вероятно, он предвидел и судьбу азербайджанцев, готовых к восстанию. В некоторых районах оно уже вспыхнуло. Это восстание было освободительным¹.

Фатальный приказ из Тифлиса бросил на растерзание чекистским палачам азербайджанских патриотов, которые подготовили почву для освобождения своей родины.

Этот необдуманный и абсурдный приказ вынес смертельный приговор независимости Грузии.

---

¹ Это движение с помощью грузинской армии освободило бы Азербайджан. Оно было хорошо подготовлено. Несмотря на прекращение наступления грузинской армии, восстание против Москвы все же вспыхнуло 25 мая в Елизаветополе (Гяндже), столице Азербайджана.

Грузинское же правительство лелеяло надежду: отказавшись воспользоваться плодами своей победы, оно тем самым вырвало признание о независимости у московского правительства и восстановило долгий мир в своей стране. В действительности же Грузия связала себе руки. Большевикам понадобилось каких-то десять месяцев на передышку, чтобы потом опять вторгнуться в Грузию и на сей раз окончательно покорить ее.

Продолжение следует

**Перевод с французского Мэни БАКРАДЗЕ
и Ирины ЗУРАБАШВИЛИ**

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Рован АСАЕВ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГА-
ГУА, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Лиа
СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ, Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомика

Корректор Е. Сопромадзе

Сдано в набор 16.10.92 г. Подписано к печати 30.XI.92 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать
высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 2.300. Заказ 1774. Цена 4 р.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в
типографию Издательства «Самшобло», по вопросам подписки и
доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, ответственный секретарь
— 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43, 93-65-19,
93-13-57

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

61/10

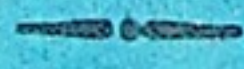
4 руб.

ИНДЕКС 76117

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1937 წლის ივნისიდან

«Литературная Грузия» 1992, № 9—10, 1—224.